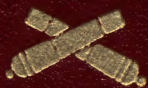

ВОЕННАЯ

БИБЛИОТЕКА

ШКОЛЬНИКА

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЕТСКАЯ

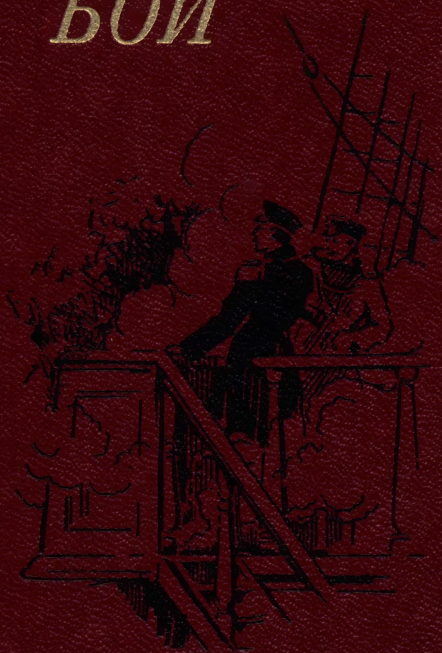

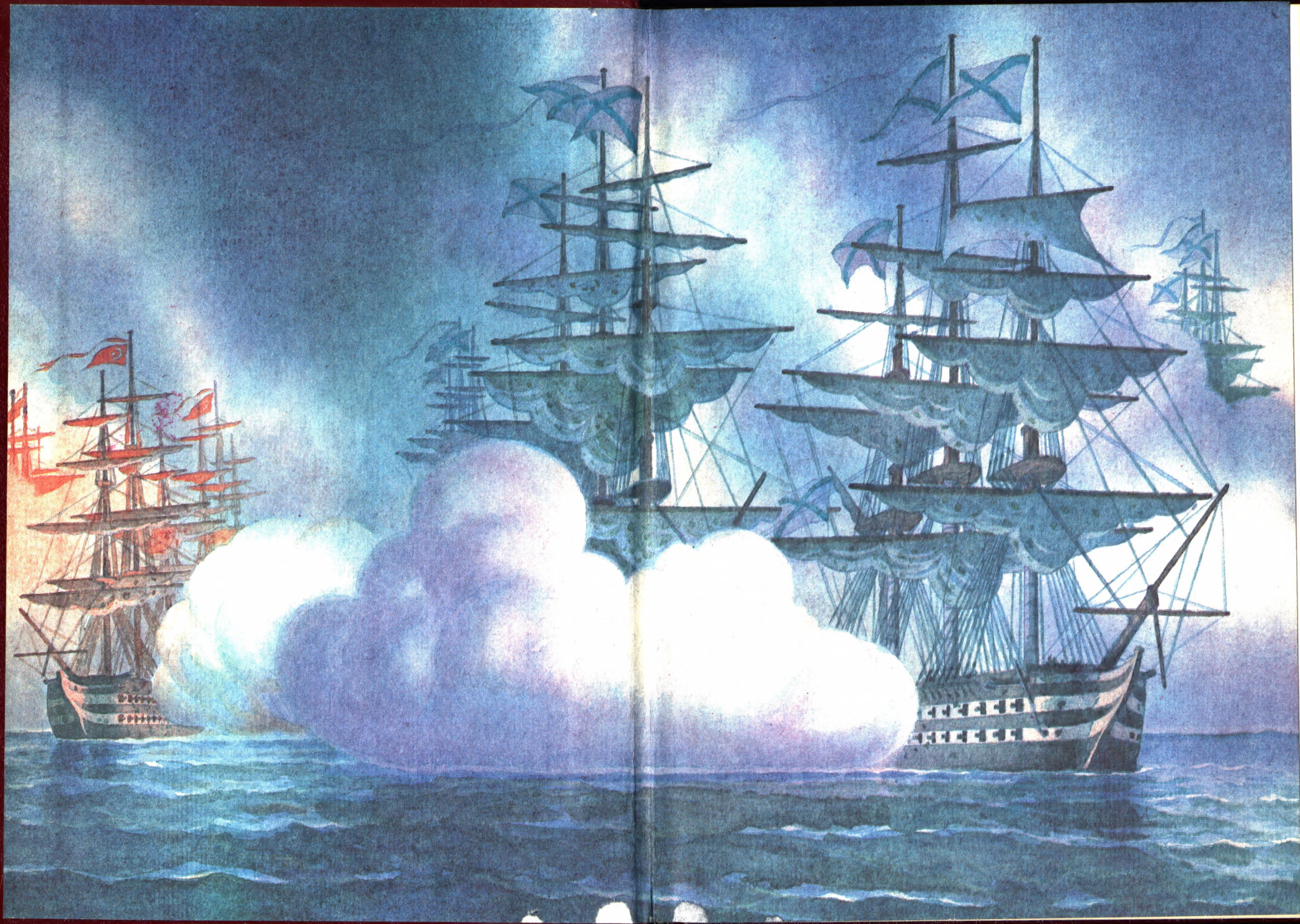
ЛИТЕРАТУРА»

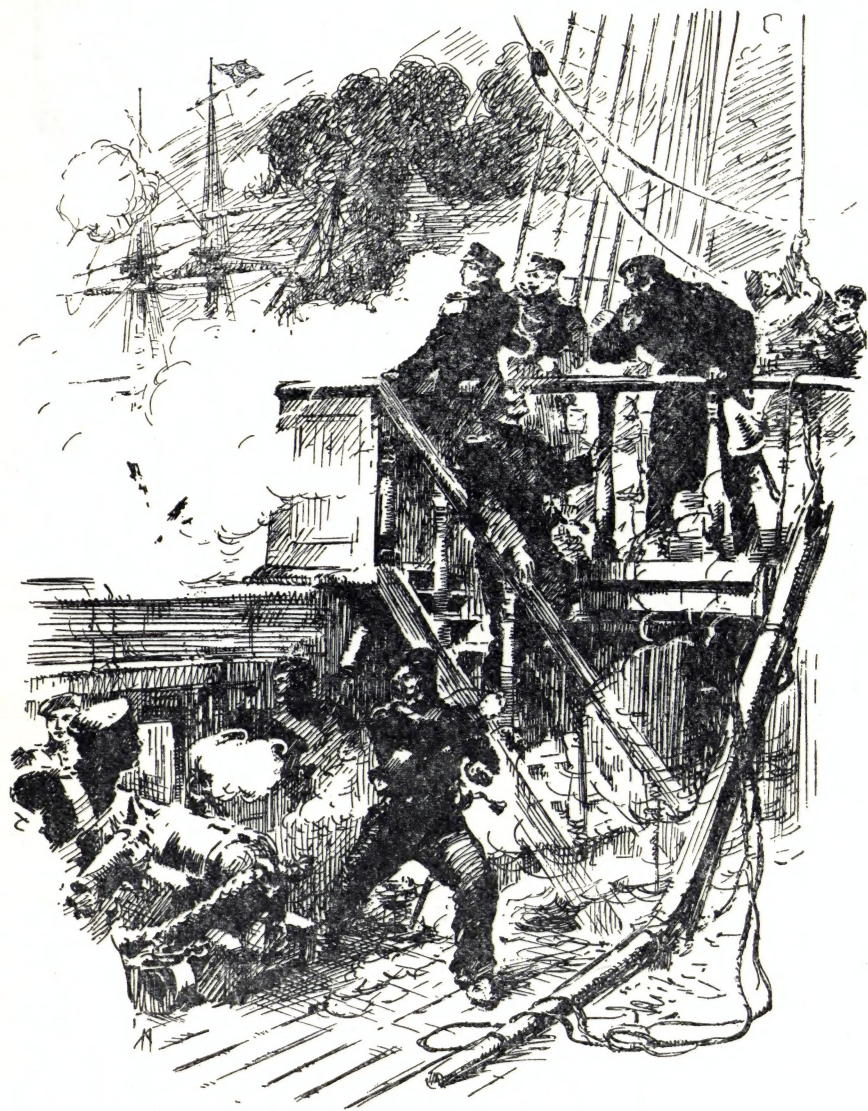
С.Н.Сергеев-Ценский

СИНОПСКИЙ БОЙ

С.Н.Сергеев-Ценский

СИНОПСКИЙ БОЙ

Историческая повесть

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

Рисунки К. К. Арцеулова
Первый форзац Л. Фалина
Второй форзац Б. Белова

Предисловие, словарь морских терминов,
текст приложения
кандидата военно-морских наук
контр-адмирала ДЫГАЛО В. А.

ДОРОГОЙ ЮНЫЙ ДРУГ!

В твоих руках книга, рассказывающая об одной из славных побед русского парусного флота. Она повествует о наших прославленных адмиралах-флотоводцах, о Павле Степановиче Нахимове — герое Синопского сражения. Рассказ о Синопском бое — это часть исторического романа «Севастопольская страда» известного советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского.

Автор достоверно и красочно описал одно из важнейших событий начала Крымской войны 1853—1856 годов — уничтожение турецкого флота русской эскадрой, которой командовал П. С. Нахимов.

Нынешнее поколение молодых людей трудно удивить каким-либо техническим новшеством.

Но даже те, кто родился у моря, кто привычно глядит на гигантские силуэты пассажирских лайнеров, танкеров, на летящие по воде суда на подводных крыльях, красивые боевые корабли, — даже у них начинает учащенно биться сердце, когда на голубой глади возникает вдруг белокрылый парусник. Легко разрезая воду острым форштевнем¹ и чуть кренясь под напором упругого соленого ветра, мчится он в лазурном просторе, окутанный облаками парусов, как сказочный летучий голландец.

Но парусники не только красота и романтика. Управление парусными судами — тяжелый труд и требует от моряков силы, мужества, мастерства, взаимной выручки. О них, тружениках моря, рассказано в этой книге.

Допустим на миг, что чудесная машина времени нас вернула в далекое прошлое. Мы стали бы свидетелями плавания отважных моряков на боевых парусных судах, увидели, как они ловко ставят и убирают паруса, как метко поражают корабли против-

¹ Объяснение морских терминов дано в конце книги.

ника из совсем еще примитивных пушек, которые наводились на глазок.

Мореплавание существует с древних времен, как и общечеловеческая культура. С достижением более совершенной ступени общественного развития, более совершенным становится корабль, его средства движения и вооружение.

Соответственно менялась и тактика ведения боя. Так, например, основным способом ведения морского боя в гребном и парусном флоте до появления артиллерии был abordаж: корабли противников сцеплялись вплотную друг с другом, часть команды атакующего корабля перебегала на неприятельский, действуя холодным и огнестрельным оружием, добивалась его захвата.

В XVII веке в парусном флоте появились мощные по тому времени корабли с двумя и тремя палубами (деками), на которых по бортам в линию устанавливались пушки. Отсюда и название этих кораблей — линейные.

Прием ведения боя этими кораблями в XVII—XIX веках был основан на применении кильватерной линии, и тактика боя называлась линейной.

Такое построение кораблей позволяло одновременно вести огонь из большинства орудий. Как правило, в море противоборствующие соединения ложились на параллельные курсы и вели артиллерийскую дуэль. При этом каждый из командующих эскадрой стремился занять такое положение относительно противника, чтобы паруса колонны его кораблей закрывали от ветра корабли противника. Это называлось «выйти на ветер».

Корабли наветренной колонны были свободны в маневре, в то время как корабли противника, лишенные ветра, имели ограниченные возможности в скорости и изменении курса. Управлять парусным судном, полностью зависимым от направления и силы ветра, куда сложнее, чем винтовым кораблем. Только для уменьшения скорости судна необходимо было вызвать наверх весь экипаж и вместо одной, хорошо знакомой нам на этот случай команды «Малый ход!» подавать еще десяток команд.

В штормовую погоду, на головокружительной высоте, когда клотики мачт описывали в небе замысловатые фигуры, а корабль, наклоняясь то вправо, то влево, буквально черпал бортами морскую воду, матросы, как акробаты, стоя на тросовых подвесках под реями, ставили и убрали паруса, рискуя ежеминутно свалиться в кипящую бездну. От быстроты их работы зависела судьба корабля не только в бою, но и при внезапном усилении ветра.

Передача команд флагмана на корабли эскадры чрезвычайно

усложнялась тем, что радио тогда не было и все приказания на корабли отдавались флажными (а в темное время суток — световыми) сигналами, разобрать которые в период плохой видимости невозможно. Не удивительно, что перед выходом кораблей в море приказы флагмана писались очень подробно. Свидетельством этому приказ Нахимова перед Синопским сражением, который дан в книге с некоторым сокращением.

Немалые трудности представляла собой и организация донесений командира в вышестоящий штаб. Все приказания командиру корабля, находящемуся в море, отправлялись специальными посыльными судами. Но этот способ был не оперативным, и поэтому командиру корабля, находящемуся в отдельном плавании, или командиру соединения, выполняющему задачи в отдаленном районе моря, часто приходилось принимать решения на месте, сообразуясь со сложившейся обстановкой, на свой страх и риск. Так именно и поступил Павел Степанович Нахимов, приняв решение на уничтожение турецкого флота в Синопе.

Исход морского боя зависел от артиллерийского вооружения кораблей, подготовки экипажей и от флотоводческого искусства флагмана. Каждая противоборствующая сторона стремилась в первую очередь сосредоточенным огнем вывести из строя флагманский корабль противника и тем самым лишить эскадру управления в бою.

Для того чтобы вести артиллерийский бой, современные корабли вооружены дальнобойными орудиями, зарядение, наведение на цель и стрельба которыми осуществляется автоматически. Специальные радиолокационные станции непрерывно наблюдают за противником, а десятки умных электронных приборов определяют курс и скорость его, обеспечивают поражение корабля.

Но во времена, описанные в книге, артиллерия была на заре своего развития, заряжались пушки со ствола вручную. В начале в него забивали заряд пороха, подаваемый из кюйт-камеры лебедкой, затем вкладывали ядро, а иногда два ядра, соединенные цепью для уничтожения такелажа, рангоута и парусов. Для того чтобы вызвать на кораблях противника пожары, применяли каленные на огне ядра. Орудие направлялось на цель глазомерно через прорезь на стволе, а специальным пушечным клином, меняя угол возвышения ствола, добивались желаемой дальности полета ядра.

В Синопском сражении русские моряки впервые применили бомбические пушки, самые крупные по тому времени гладкоствольные орудия большого калибра, стрелявшие на дальность

до двух километров не только ядрами, но и разрывными снарядами — бомбами. Они сыграли большую роль в исходе боя. Вот какими невероятными усилиями экипажей достигалась победа русских кораблей во многих сражениях во времена парусных флотов.

Правда, в период Крымской войны уже начиналась эпоха пароходов, хотя боевые корабли не были еще классическими паровыми: вместе с гребным колесом или винтом на них оставалось и парусное вооружение. Такие корабли назывались пароходофрегаты, и первые из них были колесными.

Пароходофрегаты имели несравненное превосходство над парусными судами. И все же благодаря высокой подготовке и беззаветной храбрости матросов и офицеров 9 ноября¹ 1853 года русский фрегат «Флора» под командованием капитан-лейтенанта А. Н. Скоробогатова в условиях маловетрия искусным маневрированием и точным артиллерийским огнем отразил попытки трех турецких пароходофрегатов захватить русский фрегат. Нанеся тяжелые повреждения флагманскому пароходу противника, русский фрегат принудил его отказаться от дальнейшего боя, и все три корабля отошли в Синоп.

Так закончился единственный и неповторимый случай в истории войны на море, когда парусный корабль одержал победу над тремя паровыми.

Начальный период Крымской войны был знаменателен еще одним событием.

5 ноября после трехчасового боя пароходофрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Бутакова захватил турецко-египетский пароходофрегат «Перваз-Бахри». Потери турок — 58 человек; потери русских — двое убитых и трое раненых. Бой «Владимира» с «Перваз-Бахри» явился первым в мире столкновением паровых кораблей, в котором русские моряки еще раз доказали свое превосходство над противником. Сам же Г. И. Бутаков справедливо считается основоположником тактики ведения боя паровыми кораблями.

К середине XIX века обострились противоречия между Англией и Россией. Стремление царской России овладеть проливами натолкнулось на сопротивление Англии, опасавшейся усиления России на Ближнем Востоке.

«Англия не может согласиться, чтобы Россия завладела Дар-

¹ Все даты в предисловии указаны по старому стилю.

данеллами и Босфором. Это событие нанесло бы и в торговом, и в политическом отношении крупный, если не смертельный удар британской мощи», — писали Маркс и Энгельс в апреле 1853 года.

Франция, имевшая свои интересы на Ближнем Востоке, также не хотела мириться с усилением влияния России на Черном море.

В книге С. Сергеева-Ценского прослеживается традиционная политика Англии «делать войну чужими руками» и принцип «разделяй и властвуй». Англия предпринимала все возможное для того, чтобы усилить турецкий флот и укрепить положение Турции на Черном море. Англичане всерьез надеялись, что вскормленный ими турецкий флот и построенные укрепления на берегах Дарданелл и Босфора навсегда воспрепятствуют выходу России в Средиземное море, а при боевом столкновении российский флот будет разгромлен. Принимая меры к усилению Турции, правительства Англии и Франции заставляли ее слепо следовать указаниям из Лондона и Парижа, разжигали конфликт Турции с Россией. Более того, они выступали за вытеснение России с берегов Черного моря.

Военное столкновение Англии, Франции и Турции с Россией становилось неизбежным.

15 октября Турция объявила России войну. На стороне Турции пока без объявления войны выступили Англия и Франция. Еще ранее 17 сентября соединенный англо-французский флот прошел через Дарданеллы в Мраморное море, а когда начались военные действия между Россией и Турцией, он был уже в Босфоре.

Личный состав Черноморского флота был хорошо подготовлен к боевым действиям. Заслуга в этом принадлежала передовым адмиралам, которые стояли тогда во главе Черноморского флота: начальнику штаба вице-адмиралу Корнилову В. А., командиру дивизии контр-адмиралу Новосильскому Ф. М. и вице-адмиралу Нахимову П. С. — душе Черноморского флота, любимцу офицеров и матросов, которому и было поручено разгромить турецкий флот.

Задача эта была не из легких: большинство кораблей Черноморского флота безнадежно устарели. Россия отстала от Франции и особенно от Англии в строительстве пароходофрегат, которые к этому времени стали ядром флотов этих держав. В том, что флот России по своему техническому состоянию отставал от флотов других стран, прямым виновником был светлейший князь Меншиков Александр Сергеевич, которого в 1827 году император Николай I назначил начальником главного морского

штаба и членом кабинета министров, а в 1853 году — главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму.

В повести «Синский бой» Меншиков характеризуется весьма положительно. На самом деле он был крайне ограниченным человеком, самодуром, но опытным царедворцем. Будучи абсолютно не сведующим в военных и особенно в военно-морских делах, Меншиков фактически руководил всем морским ведомством и оказал поэтому резко отрицательное влияние на развитие военно-морского флота. Он не терпел офицеров, имеющих свое мнение, и тех, кто высказывал передовые идеи по переустройству флота. Не удивительно, что эта неприязнь коснулась и Павла Степановича Нахимова.

Получив задачу уничтожить турецкий флот, Нахимов был уверен в победе, прежде всего учитывая несравненно более высокую выучку экипажей всех кораблей Черноморского флота.

От своих учителей — бессмертного героя Наваринского сражения¹ Лазарева М. П. и командующего Черноморским флотом Грейга А. С. — Павел Степанович унаследовал дух новаторства как в строительстве флота, так и в подготовке его личного состава к боевым действиям с сильным противником.

Любовь же подчиненных он заслужил своей человечностью. В тяжелое время крепостного права на большинстве кораблей русского флота свирепствовал дух палочной дисциплины и за любую оплошность по службе матросы подвергались унижительным телесным наказаниям. «Пора нам перестать считать себя помещиками, — замечал он по этому поводу, — а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют... Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, героизм, ежели мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества».

...Нахимов настойчиво искал встречи с турецким флотом. 11 ноября в Синопской бухте были обнаружены и заблокированы главные силы турецкого флота, которые считали себя в полной безопасности, так как находились под прикрытием шести береговых батарей (24 пушки). На кораблях турецкой эскадры в качестве инструкторов присутствовали английские офицеры. 16 ноября к эскадре Нахимова присоединился отряд контр-адмирала Ф. М. Новосильского в составе трех линейных кораблей и

¹ Наваринское морское сражение произошло в бухте Наварин 8(20) октября 1827 года между соединенным русско-англо-французским и турецко-египетским флотами и закончилось полным разгромом турок.

двух фрегатов. После этого Нахимов принял решение атаковать и уничтожить турецкий флот.

18 ноября в 9 часов 30 минут на русском флагманском корабле был поднят сигнал: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд». Эскадра шла двумя колоннами: одна — корабль «Императрица Мария» (флаг Нахимова), за ним следовали «Вел. кн. Константин» и «Чесма»; другая — «Париж» (флаг Новосильского); далее — «Три святителя» и «Ростислав». Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» оставались под парусами у выхода из Синопской бухты для наблюдения за пароходами.

При входе русских кораблей на рейд турецкий флагманский корабль «Ауни-Аллах» открыл огонь, далее последовали выстрелы с остальных неприятельских кораблей и с береговых батарей. Русские корабли, открыв ответный огонь, продолжали сближение. Мы уже говорили, что в открытом море бой парусные корабли вели в кильватерных колоннах. Но в Синопской бухте не было возможности для маневра. Оставалось одно: каждому кораблю стать в заранее назначенной флагманом точке на якорь. Но если бы корабль стал только на главный (становой) якорь, то его ветром и течением развернуло бы и он не смог бы использовать полностью всю артиллерию одного борта. Чтобы поставить корабль бортом к противнику, необходимо стать на якорь и шпринг. С помощью шпринга можно установить корабль на нужный курс для стрельбы по противнику всем бортом. Под картечью и ядрами противника русские моряки выполнили этот маневр блестяще.

Уже через полчаса начала боя «Императрица Мария» зажгла флагманский фрегат «Ауни-Аллах», а затем «Фазли-Аллах» и перенесла огонь на береговые батареи и другие неприятельские корабли.

Линейный корабль «Париж» вел огонь по нескольким кораблям, удачным попаданием в пороховой погреб взорвал корвет «Гюли-Сефид», подбил фрегат «Дамиад» и «Низамие», которые загорелись и ветром были выброшены на берег. Затем он перенес огонь по береговым батареям. «Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля «Париж», — писал в донесении Нахимов, — я приказал изъять ему свою благодарность во время самого сражения, но не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты».

К исходу четырехчасового боя турецкая эскадра и береговые батареи были уничтожены. Из 16 кораблей спасся только один пароход «Таиф» под командой англичанина Следа. Прибыв в Константинополь, След известил турецкое правительство об

уничтожении эскадры Осман-паши. Из 4500 человек турецкой эскадры погибло две трети, около 200 человек было взято в плен, в их числе Осман-паша и два командира. Потерь в кораблях русские не имели. На эскадре за время боя выбыло из строя 37 убитыми и 229 ранеными.

Однако корабли русской эскадры имели такие значительные повреждения, что без их ремонта многие суда не могли отправиться в Севастополь. На флагманском корабле Нахимова «Императрица Мария», например, было 60 пробоин; на фрегате «Три святителя» было 48 пробоин и повреждены все мачты; на «Ростиславе» было убито 25 человек и ранено 79 человек.

А ведь разгром турецкого флота мог вызвать незамедлительные ответные действия соединенного англо-французского флота. Поэтому исполнить вовремя последнюю задачу — привести победоносную русскую эскадру в Севастополь до прибытия в Синоп англо-французского флота — едва ли было не труднее, чем истребить турецкую эскадру. Это было возможно только при крайнем напряжении сил всего личного состава эскадры. Ровно через 36 часов по окончании боя корабли были приведены в порядок, утром 20 ноября эскадра вышла из Синопа, а 22 ноября корабли вошли в Севастополь.

Синопская победа показала высокие боевые качества моряков, прошедших школу адмиралов Лазарева и Нахимова. «Синопский бой, — писали современники, — доказавший превосходное состояние Черноморского флота и знакомство русских с новейшими усовершенствованиями военного дела, возбудил в России живую радость, а имя Павла Степановича сделалось известным каждому русскому человеку».

Но эта победа была последним значительным сражением парусных флотов и первым боем, в котором были использованы бомбические орудия. Наступала эпоха парового флота.

Нахимов не зря торопился с возвращением в Севастополь: 23 декабря 1853 года соединенный англо-французский флот вышел из Босфора в Черное море с целью защиты побережья Турции от нападения русского флота.

Далее события развивались стремительно.

28 февраля 1854 года Турция заключила с Англией и Францией союзный договор, по которому ей оказывалась вооруженная помощь в борьбе с Россией. 15 и 16 марта Англия и Франция объявили войну России.

Англия уже в конце Крымской войны, в 1855 году, втянула в войну с Россией и королевство Сардиния.

Основным театром военных действий по-прежнему остава-

лось Черное море, хотя соединенный англо-французский флот действовал на Балтике, Белом море и на Дальнем Востоке, где 24 августа 1854 года на Камчатке произошел Петропавловский бой, в котором был отбит англо-французский десант.

В период с 1 по 7 сентября союзный англо-французский флот, выйдя из места своего базирования в Варне в составе 89 военных кораблей и 300 транспортных судов, подошел к Евпатории и приступил к высадке десанта. За шесть дней было высажено 62 000 человек при 134 орудиях. Не встречая сопротивления, ввиду отсутствия в Евпатории каких-либо войск и средств обороны, союзники заняли город.

9—11 сентября русские потерпели поражение при Альме. Далее, опасаясь прорыва неприятельского флота на севастопольский рейд, в ночь на 11 сентября у входа в Севастопольскую бухту по приказу Корнилова было затоплено пять линейных кораблей и два фрегата. С кораблей были сняты орудия, а экипажи стали участниками обороны Севастополя, которая началась 13 сентября 1854 года и продолжалась до 27 августа 1855 года.

Павел Степанович Нахимов верил, что защитники отстоят Севастополь, а флот будет возрожден заново. В приказе по севастопольскому порту от 12 апреля 1855 года он писал: «...Матросы! Мне ли говорить о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота?.. Отстоим Севастополь... Вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стеннге с тою же честью, с какою я носил его благодаря вам и под другими клотиками...»

Но этому не суждено было сбыться. Русские солдаты и матросы под командованием вице-адмирала Корнилова В. А., а затем адмирала Нахимова П. С. 349 дней героически обороняли Севастополь от превосходящего противника. Но, несмотря на беззаветную храбрость и массовый героизм русских солдат и матросов, Крымская война была проиграна.

18 марта 1856 года в Париже был заключен мирный договор между воюющими странами. Черное море объявлялось нейтральным, в нем разрешалось плавание торговых судов всех наций. Россия и Турция не могли создавать на берегах Черного моря какие-либо военно-морские базы. Таким образом, Парижский договор лишил Россию результата ее многовековой борьбы за выход в Черное море и оставил незащищенными от вражеских нападений Южную Украину, Крым, Кавказ.

Эта война с обеих сторон носила захватнический характер и, как указывал В. И. Ленин, «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России».

Герои не умирают! Благодарная Россия чтит память Павла

Степановича Нахимова. Именем флотоводца названы боевой корабль Военно-Морского Флота СССР и флагман Черноморского морского пароходства; Высшее военно-морское училище в Севастополе, а также Нахимовское училище в Ленинграде.

3 марта 1944 года «...для награждения офицеров Военно-Морского Флота за выдающиеся заслуги в организации, руководстве и обеспечении боевых операций и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину» был утвержден орден Нахимова I и II степени. Одновременно «для награждения рядового, старшинского и сержантского состава Военно-Морского Флота, отличившихся в боях за Родину», учреждалась медаль Нахимова.

Книга, которую вы читаете, во многом поможет понять героическое прошлое нашего флота, его славные боевые подвиги.

В. А. Дыгало

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Шлюпка с младшими офицерами эскадры вице-адмирала Нахимова одна за другой подходили к флагманскому кораблю «Императрица Мария».

После сильного шторма, немилосердно трепавшего перед тем двое суток суда, заштилело, и даже зыбь успела улечься настолько, что шлюпки без особых усилий приставали к трапу корабля.

Мичманы настроены были празднично, взбираясь по трапу на палубу. Еще бы!.. Во-первых, Павел Степанович не зря же вызывал их перед самым обедом: он, конечно, оставит их у себя обедать, и тут-то они разузнают как следует все новости, чтобы было с чем вернуться, кроме официальной переписки; во-вторых, они уже около месяца не сходили никуда каждый со своего судна и не видались с товарищами из других экипажей; в-третьих, наконец, подымало их настроение и то, что через них будут переданы командирам судов какие-то важные приказания насчет будущих действий, не говоря уже о копиях с царского манифеста о войне с Турцией.

О том, что война уже объявлена, еще два дня назад извещалось с флагманского корабля сигналом, но штормовая погода мешала общению между судами эскадры.

Весть о войне принес пароходофрегат «Бессарабия», пришедший из Севастополя. Все предполагали, разумеется, что вместе с этой короткой, но весьма значительной вестью пришел на имя Нахимова обстоятельный приказ начальника штаба русского флота светлейшего князя Меншикова и настала наконец-то пора вполне ясных отношений к турецким военным и купеческим судам, которые бороздили волны Черного моря бок о бок с русскими, но за которыми предписывалось только «наблюдать».

Целое лето, с тех пор как прибыл в мае на пароходе «Громомосец» Меншиков из Константинополя после неудачных переговоров с турецкими министрами, только и делали, что «наблюдали».

Для этого от берегов Кавказа и до самого Босфора рассыпаны были небольшими отрядами крупные и мелкие суда. Но вести эту дозорную службу долгое время можно было только при помощи пароходов, которые и во время полного штиля могли подходить близко к парусным сторожевым судам и перекачивать на них шлангами пресную воду. Иногда же бочки с пресной водой спускались ими просто в море, а потом уж эти бочки пригоняли на буксире спущенные с судов шлюпки.

Скучно было. Время заполнялось главным образом учебной стрельбой, но что делалось в мире, об этом в открытом море не откуда было узнать. Можно было только гадать, догадываться, делать разные смелые предположения до тех пор, пока из Севастополя не приходили другие суда на смену сторожевым и не привозили свежие новости и газеты.

Константинополь тогда был ареной дипломатической борьбы между Англией и Францией, с одной стороны, и Россией — с другой.

На глазах у Меншикова ополчалась против Восточной Европы — России — большая половина Западной Европы с Англией во главе.

Для Англии, Франции и других стран Западной Европы Балканский полуостров, которым тогда владела Турция, а также Дарданеллы, Босфор, Константинополь были Востоком, и так называемый «восточный вопрос» в 1853 году не сходил со страниц газет.

Запугивая или стараясь запугать русского царя то европейской войной, то революцией, английские министры методически готовились к серьезнейшему столкновению с Россией.

Желая непременно воспрепятствовать России выйти в Средиземное море и закупорить ее в Черном, англичане не жалели денег на то, чтобы усилить турецкий флот. Они издавна строили суда туркам и вооружали их; они снабжали их опытными офицерами и матросами; они строили доки для ремонта судов в Константинополе и других портах; они же заботились и об укреплениях на берегах Дарданелл и Босфора.

Они так привыкли считать турецкий флот своим детищем, что даже не сомневались в том, что он и без их помощи вполне справится с Черноморским флотом, и заранее готовились торжествовать и праздновать победу над ним.

Однако вплоть до поздней осени ни из свежих новостей, привозимых приходящими на смену судами, ни из газет, ни даже во время стоянки в Севастополе, когда чинились суда и запасались провизией и водой, все-таки нельзя было узнать определенно, что же происходит в море: начнется ли в этом году война или европейские дипломаты сделают все, чтобы она не возникла.

В октябре, 9-го (21-го) числа Меншиков послал из Севастополя к берегам Анатолии эскадру Нахимова из четырех линейных кораблей, фрегата и брига.

В предписании, полученном при этом Нахимовым от светлейшего, говорилось:

«По сведениям из Константинополя между прочим сделалось известным, что турецкое правительство дало наставление своим крейсерам, по миновании сего 9 (21) октября, в случае встречи с русскими и буде они в меньших силах, атаковать их. Так как известие это неофициальное и, следовательно, со стороны нашей не должно быть принято за разрыв, а между тем такое распоряжение турецкого правительства, буде оно справедливо, может подвергнуть наших крейсеров внезапной атаке, то в предупреждение сего и предписываю: 1) пароходу «Бессарабия» находиться в вашем отряде; 2) вашему превосходительству распространить свое крейсерство к азиатскому берегу, между мысом Керемпе и портом Амастра, так чтобы быть на пути сообщения между Константинополем и Батумом. Эскадра ваша может подходить на вид берегов, но не должна без повеления высшего начальства или открытия неприязненных действий со стороны турок вступать с ними в дело».

Это предписание заканчивалось тем, что все русские суда, заброшенные в море, должны были стянуться к эскадре Нахимова.

Став таким образом во главе больших уже морских сил, На-

химов предупреждал всех командиров судов, какой линии поведения им надо держаться.

«Так как Россия не объявляла войны, то при встрече с турецкими судами первый неприязненный выстрел должен быть со стороны их; те же турецкие суда, которые на это решатся, должны быть уничтожены. Я убежден, что в случае разрыва между Россией и Турцией каждый из нас исполнит свое дело».

Октябрь, как обычно на Черном море, был очень бурный, часто дул норд-ост большой силы, качавший огромные корабли, как рыбацьи лодки. Между тем эскадра Нахимова держалась, как и было ей предписано, в виду анатолийских берегов; вся ширина Черного моря лежала перед ней, отделяя ее от родной бухты.

Ветер бушевал кругом по несколько суток подряд, лили дожди, замороженные паруса рвались, леденели палубы, так что на них невозможно было держаться при сильнейшем крене судов; иногда свирепые смерчи крутились и двигались по морю с большой быстротой. Матросы и офицеры выбивались из сил, борясь с разгулявшими стихиями.

Но в конце октября впервые прозвучало и слово «враги». Из Севастополя пришел корвет «Калипсо» и привез от Меншикова весть, что враждебные действия на Дунае со стороны турок начались: из турецкой крепости Исаки обстреляли продвигавшуюся вниз по Дунаю небольшую флотилию мелких русских судов, причем был убит командовавший этой флотилией капитан 2 ранга Варпаховский, а вслед за тем турки перешли на правый берег Дуная и заняли селение Калафат, «так что следует считать, что война не только объявлена турками, но уже идет. Поэтому и русской эскадре вменяется в обязанность задерживать турецкие военные суда, если они не будут оказывать сопротивления; если же будут сопротивляться и вступать в бой — уничтожать их».

Однако что касалось купеческих судов, то их приказано было пока не трогать и ждать особого распоряжения на этот счет. Неопределенность положения все-таки, значит, оставалась: она должна была замениться ясностью только теперь, с получением манифеста из Петербурга; кстати, точно нарочно для этой именно цели, выдался ясный, тихий и очень теплый день.

В приказах Нахимова действительно была полная ясность, тем более что они не носили названия секретных или тайных и даже совсем не были похожи на приказы.

«Отец» матросов и младших офицеров остался самим собою — у него был свой стиль. Бумажки, выданные в штабе флагмана мичманам, были такого содержания:

«Не имея возможности за крепким ветром и большим волнением передать на суда вверенного мне отряда копии с манифеста объявления войны Турцией, я передаю их теперь и предлагаю гг. командирам приказать священникам прочитать их при собрании всей команды.

Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение.

В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров; во втором — с божьей помощью и уверенностью в своих офицерах и командах — я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика.

Уведомляю гг. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Небо было чистое, голубое; на море почти штиль. Оно не успокоилось совершенно, но зыбь была уже мелкая и сверкала под ярким солнцем, как битое стекло. Высокие гористые берега Анатолии, ничем не отличавшиеся издали от берегов Кавказа, перед тем несколько дней подряд заволоченные то дождем, то туманом, то низко лежащими тучами, теперь имели вымытый, праздничный вид и изумляли богатством и нежностью красок, и совершенно как-то не хотелось верить, что красивые берега эти — враждебные берега.

С корабля «Чесма» командирован был на флагманский корабль мичман Белкин, с фрегата «Кагул» — Забудский, с брига «Язон» — Палеолог 2-й. Все они, как и другие два мичмана — с кораблей «Храброго» и «Ягудила», — были народ крепкий, по-молодому энергичный, влюбленный и в море и в Нахимова как в великого знатока и моря и морской службы, такого несрав-

ненного знатока, похвала которого способна поднять каждого из них до небес.

Даже, пожалуй, мало было сказать о нем «знаток»: иной знаток мог быть высокомерен, холоден, пренебрежителен к тем, кто не успел еще стать знатоком. Нахимов же был не только знаток, но еще и поэт-моряк.

Для него незнание дела было нелюбовью к делу, а нелюбовь к делу — все равно что безнравственность, преступление; если же он сталкивался с небрежностью, то это в глазах его было не чем иным, как нарушением присяги — совершенно бесчестным поступком.

Он был строг ко всяким неисправностям по службе, но все видели, насколько был строг он к самому себе, и все знали, что эта строгость необходима в море, что море не шутит с теми, кто вздумает в недобрый час пошутить с ним.

Биографии Нахимова тогда не было в печати, а в послужной список его попадали только казенные, скупые фразы о том, как он проходил службу, когда и какой получил орден или чин. Но от старших моряков к младшим переходили рассказы о Нахимове, и каждый из мичманов, явившихся в этот ноябрьский день на флагманский корабль, их знал.

Так, известно им было, что случилось в Балтийском флоте лет двадцать назад.

Нахимов был тогда командиром фрегата «Паллада» — образцового фрегата, построенного на верфи в Охте под личным его наблюдением.

Изобилие шхер и вечные туманы делают плавание на Балтике несравненно более трудным, чем на Черном море, и вот в бурную августовскую погоду, притом поздно вечером, шла крейсировавшая под командой вице-адмирала Беллинсгаузена большая эскадра из семи линейных кораблей, семи фрегатов и нескольких бригов. В числе семи фрегатов была «Паллада». Эскадра шла вблизи Дагерорда, где был маяк, однако его не было видно из-за низко спустившихся густых туч, а место это считалось опасным из-за подводных камней.

На вахте «Паллады» стоял тогда лейтенант Алферьев, но командир фрегата слишком хорошо изучил Балтийское море, чтобы положиться только на своего лейтенанта и успокоиться. Он не полагался даже и на командира эскадры, хотя Беллинсгаузен считался весьма опытным моряком, некогда совершившим плавание к Южному полюсу. Нахимов неустанно смотрел в сторону берега — не покажется ли маяк.

И маяк блеснул — раз, два, три, потом его снова затянуло

тучами. Но Нахимов успел все-таки благодаря этим коротким миганиям маяка определить место, на котором находилась эскадра, и, к ужасу своему, убедиться, что она идет прямо на камни.

В это время сменяется лейтенант Алферьев (была уже полночь), и Нахимов с ним вместе еще раз проверяет по карте свой вывод и видит, что вывод верен. Но он всего только капитан 2 ранга, а вице-адмирал Беллинсгаузен — старик очень крутого нрава. Чтобы предотвратить аварию, нужно сделать сигнал: «Эскадра идет к опасности!» Но это будет проступком против дисциплины: штаб-офицер не смеет учить вице-адмирала, что ему делать в море.

Наконец, с минуты на минуту можно ожидать, что на адмиральском корабле будет поднят сигнал о перемене курса... Но минуты идут за минутами, никакого сигнала на адмиральском корабле не видно. И Нахимов приказал сделать то, что нужно было сделать: сигнал был дан, и фрегат «Паллада» повернул в сторону, а за ним, разобрав грозный сигнал, повернула и вся эскадра, кроме корабля «Арсис», который весьма недолго шел прежним курсом и пушечными выстрелами донес адмиралу о своем бедствии, — на нем не разглядели сигнала «Паллады» или не сочли нужным с ним считаться.

«Арсис» сел на камни, дно его было пробито. Чтобы помочь ему сняться, пришлось сбросить в воду все орудия его верхней палубы и срубить мачты. Только через два дня удалось стащить его и на буксире отправить в Або. Оказалось, что еще два корабля могла бы постигнуть участь «Арсиса», если бы Нахимов колебался дать сигнал и запоздал бы с ним на несколько минут: днища кораблей этих уже скользили по обочинам камней, когда делали поворот на новый курс.

Так спас этот поэт-моряк Балтийскую эскадру. Но года через два после того переведен он был в Черноморский флот, к адмиралу Лазареву, под командой которого сражался на «Азове» в Наваринском бою. На Николаевской верфи строился под наблюдением Нахимова корабль «Силистрия», и сам он был назначен командиром этого корабля.

Новый корабль участвовал в обычном практическом плавании, в котором ничто не грозило аварией в ясный день и на глубокой воде. И все-таки случилась авария: другой корабль, «Адрианополь», выполнявший эволюцию вблизи «Силистрии», был так неудачно повернут, что предотвратить столкновение его с «Силистрией» оказалось невозможным.

Нахимов был наверху, на юте. Он успел только скомандовать: «С крьюселя долой!» — чтобы люди при столкновении не по-

падали в море. По этой команде матросы и офицеры бросились вниз, в сторону, противоположную той, которая была под ударом «Адрианополя», сам же командир как стоял на юте, так и остался.

«Адрианополь» шел полным ходом на «Силистрию».

— Павел Степанович! Ради бога, сойдите вниз! — кричал старший офицер «Силистрии» своему командиру, но Нахимов только поглядел на него и махнул кистью руки.

Настал страшный момент: «Адрианополь» врезался в борт «Силистрии». Полетел вниз раздавленный двенадцативесельный катер, закачались мачты, рухнула стенга, обломки снастей посыпались около Нахимова, и только благодаря счастливой случайности он отделался небольшим ушибом плеча.

И весь вечер, и всю ночь, и целое утро экипаж «Силистрии» работал, исправляя повреждения, и всеми работами беспрерывно руководил сам Нахимов.

Но вот эти работы кончены, поднят сигнал: «Повреждения исправил», и старший офицер нашел момент спросить:

— Павел Степанович, скажите мне все-таки, отчего же вы не сошли с юта?

— Как же так, помилуйте-с, отчего не сошел? Что же тут непонятного-с? — удивился Нахимов. — Это ведь всего только несчастный случай, а если бы вдруг сражение-с? Что же, я и во время сражения должен уходить с юта? Нет-с, на то я и командир, чтобы быть всегда на своем месте и команде подавать пример... С кого же пример будет брать команда, скажите на милость, если командир сбежит от опасности?

Но запанибрата с опасностью был он и в свои молодые годы, задолго до того, как сделался командиром корабля.

В 1824 году, двадцатидвухлетний лейтенант, отправился он в кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», которым командовал Лазарев. Целью плавания этого была охрана русских колоний в Северной Америке.

Фрегат шел Южным океаном при очень бурной погоде. Его трепало так, что один матрос упал со снастей в воду. Кто тут же бросился спускать шлюпку, чтобы спасти матроса? Лейтенант Нахимов. Шлюпка была спущена с подветренной стороны фрегата. Нахимов обогнул судно, чтобы поспеть туда, где еще мелькает в волнах голова борющегося за свою жизнь матроса.

Но налетел сильнейший внезапный шквал с ливнем, и шлюпку с Нахимовым унесло, она исчезла из глаз, а на фрегате все были заняты, чтобы сберечь судно; ставили паруса, как это требовалось моментом. Не меньше как полчаса прошло в напряжен-

нейшей работе, а тем временем прояснилось, и вспомнили, наконец, о шлюпке.

И сам Лазарев и другие офицеры смотрели в зрительные трубы, не покажется ли где хотя бы килем кверху исчезнувшая шлюпка; смотрели и матросы с марса, смотрели час, два, три... Шлюпки не было. Явно — погибла она вместе с храбрым лейтенантом и шестью гребцами при нем, так же как погиб упавший матрос.

Уже темнело, и Лазарев вынужден был отдать приказ продолжать плавание. Паруса уже начали наполняться ветром, как вдруг один зоркий унтер-офицер с салинга закричал:

— Вижу катер!

Фрегат пошел навстречу шлюпке, и Нахимов и его небольшая команда были спасены. Все они были мокры с головы до ног, все успели почти оледенеть, но по крайней мере были выхвачены из пасти океана живыми.

А волнение было до того сильным, что шлюпку, так героически выдержавшую бурю, разбило о борт фрегата, когда ее поднимали на боканцы. Радость Лазарева была безмерна: очень любил он и ценил молодого лейтенанта, и в Наваринском бою Нахимов вполне оправдал эту любовь и доверие со стороны своего командира, когда был под его начальством на корабле «Азов».

Наваринский бой стал боевым крещением не одного Нахимова: тогда, на «Азове» же, вместе с ним были и мичман Корнилов, теперь вице-адмирал, и гардемарин Истомина, теперешний командир корабля «Париж», капитан 1 ранга.

«Азову» пришлось сражаться с несколькими турецко-египетскими судами, и от его метких выстрелов взлетел на воздух флагманский корабль египетской эскадры, затонули еще два фрегата и корвет, уничтожен флагманский корабль тунисского адмирала, наконец сбит на мель и потом зажжен восьмидесятипушечный турецкий корабль. И признанным героем дня на «Азове» был тогда Нахимов. Он — молодой еще лейтенант — умел уже, как никто другой, и воспитывать и обучать матросов.

Как и чем? Линьками, как это было принято во флоте? Нет. Ни с кем из офицеров не чувствовали себя матросы так свободно, как с Нахимовым, ни к кому другому не подходили они запросто поговорить о своих нуждах, и никто другой из офицеров целого флота не был так хорошо известен матросам всех судов, как Нахимов.

И все знали случай, когда Нахимов, будучи командиром «Силистрии», получил замечание от только что переведенного из

Балтийского в Черноморский флот вице-адмирала Чистякова за то, что на его корабле оказался один не чисто выбритый матрос.

— Ты почему же не выбрился как следует? — спросил Нахимов матроса, когда адмирал сошел с корабля.

— И ведь хотел же было выбриться сегодня, да, признаться, жена отговорила, — смущенно объяснил виноватый, который был всегда на лучшем счету, как старый, опытный баковый матрос.

— Вот видишь ли, друг мой, как бывает: жена твоя говорит тебе одно, адмирал же совсем другое, — спокойно сказал Нахимов. — Раз начальство требует, чтобы бриться, так ты уж жену не слушай, а сейчас же ступай и обрейся как следует.

На другом судне, у другого командира, матрос, подведший его под замечание адмирала, был бы нещадно избит линьками, а Нахимов приказал своим подчиненным, чтобы виновного никто и пальцем не тронул.

В то суровое время даже и об офицерах не так заботилось начальство, как Нахимов о матросах.

Однажды, уже в адмиральском чине, Нахимов командовал отрядом судов у берегов Кавказа. Став на якорь против небольшого укрепления Субаши, он отпустил офицеров на берег. Тут узнали они, что в лазарете лежит лейтенант Стройников, офицер корвета «Пилад», заболевший рожей.

Пошли проведать его и нашли его в жалком виде: без денег, без необходимых вещей, под маской из толстой синей бумаги, в солдатском белье.

Стройников жаловался, что несколько дней не пил чаю, и просил прислать ему чаю и сахару.

Вернувшись, офицеры доложили об этом Нахимову — и как же забеспокоился тот об участии лейтенанта чужого отряда!

— Много ли у нас денег? — спросил Нахимов своего адъютанта, ведавшего расходами, так как сам он никогда не занимался этим.

— Всего-навсего только двести рублей, — ответил адъютант.

— Ну что же-с, вот и пошлите-ка ему все двести! — приказал Нахимов. — Пошлите также ему белья, чаю-сахару, лимонов, провизии, какая найдется.

— Павел Степанович, и лимонов и провизии у нас теперь очень мало, — возразил адъютант, — и достать здесь нам этого будет нелегко.

— Лучше уж мы обойдемся, а больному надо.

И деньги, и чай-сахар, и лимоны, и провизия, и белье были

тотчас же отправлены Стройникову, но Нахимов не ограничился этим.

Когда эскадра снялась с якоря и отправилась дальше, он приказал направить свой крейсер «Кагул» на сближение с корветом «Пилад», которому был дан сигнал: «Подойти для переговоров».

«Пилад» подошел, и командир его явился на «Кагул» с рапортом.

Приняв рапорт, Нахимов, спросил очень сухо:

— Скажите-с, вы как же это бросили своего больного офицера на берегу, почти что на произвол судьбы-с?

— Развело тогда сильную зыбь, поэтому поторопились отойти от берега, — объяснил командир «Пилада».

— Однако несколько дней уже лежит он там, и вы о нем не вспомнили-с! Как же это так, а?.. Стыдно-с! Срам-с!.. Я человек холостой, одинокий, и это скорее мне позволительно было бы иметь такое черствое сердце, а не вам — отцу семейства-с... Что, если бы с одним из ваших сыновей так поступили? Заболел бы он на корабле — его бы и сбросили на пустой почти берег... Хорошо бы это было, а?.. Прощайте-с, больше я ничего не имею вам сказать!

Но, ничего больше не сказав командиру «Пилада», он тут же распорядился перевезти Стройникова для лечения в Севастополь на шхуне из своего отряда.

Все мичманы знали и то, что унтер-офицер, который разглядел шлюпку с Нахимовым в Южном океане и тем спас жизнь ему и шестерым матросам-гребцам, потом получал от Нахимова ежегодную пенсию.

3

Нахимов, конечно, пригласил мичманов к обеду, так как в это время в кают-компании собрались уже все офицеры «Марии», столы были уставлены приборами, вносились дымящиеся суповые кастрюли.

«Мария» была кораблем гораздо более поздней постройки, чем такие ветераны Черноморского флота, как «Ягудил» и «Храбрый», заложенные еще при Павле, поэтому и кают-компания здесь была и обширней, и светлей, и лучше обставлена.

Теперь, за обедом, как и ожидали мичманы, она была полна возбужденными, взвинченными голосами офицеров, на все лады обсуждавших то, что наконец началось, — войну. И хотя война

началась с Турцией, но о Турции говорилось за обедом все-таки меньше, чем о ее покровительницах — Англии и Франции.

— В сущности, политическое положение вполне ясное, — говорил командир «Марии» капитан 2 ранга Барановский — плотный, черноволосый, с несколько рачьими глазами, — Англия пришвартовалась к Франции, а Турцию взяла на буксир.

— Конечно, Турция ни за что бы не начала войну, если бы не этот буксир, — соглашался с ним старший адъютант штаба Нахимова лейтенант Острено, тот самый, который ведал всеми личными деньгами адмирала и всем вообще его хозяйством на корабле и на севастопольской квартире. — Ведь это страна нищая; англичане, разумеется, дадут ей денег, а наши разберут их по своим карманам.

— Мусульманское духовенство богато — оно и раньше давало на войну деньги, и теперь тоже дает, — заметил Барановский.

— Значит, на Дунае уже сражаются? А там у меня брат-подпоручик, — сказал мичман Палеолог, обращаясь к сидевшему рядом с ним флаг-офицеру Нахимова Костыреву, тоже мичману.

— Есть слух о каком-то сражении там... только будто бы не совсем удачно, — отозвался Костырев, услужливо наливая гостю с брига «Язон» красного вина в стакан.

— Неудачно? — быстро спросил Палеолог, поднял, как мог, высоко брови и впился в Костырева встревоженными глазами. — Это где именно?

— Не знаю, где именно, и насколько неудачно, тоже не знаю — слышал вскользь... А вот Исаки, говорят, наши канонеры сожгли гранатами, — лихо кивнул круглой головой Костырев.

— Сожгли? Это здорово! А на Кавказе как? Должно быть, и насчет поста святого Николая одно вранье!

— Нет, там уже теперь турки... «Бессарабия» привезла подробности. Дело подлое: турки напали ночью, и в больших силах, а никто там этого не ждал, конечно — раньше, чем объявлена война.

— И действительно все там погибли?

— Все до единого... Весь гарнизон вырезан.

— Весь? Правда, значит?... А что же наши? И что же мы стоим здесь, а не идем туда?

— Туда идет эскадра адмирала Серебрякова, — успокоил Палеолога Костырев. — И будьте уверены, дадут знать тюркосам, как по ночам людей резать без объявления войны!

— А что с пароходом «Колхида»? Есть подробности?

— «Колхида» сел на мель, попал под ружейный огонь с по-

ста Николая, не только под пушечный... Потери понес порядочные, и мачты пришлось срубить, однако же снялся своими средствами и ушел.

— А турки уж к нему на своих кочермах устремились — думали: вот он, приз! Им всыпали по первое число.

— Конечно, один пароход туда же сунулся — хотел вернуть пограничный пост! Турки его большими силами заняли и артиллерии туда навезли вдоволь.

— Ничего, Серебряков им задаст перцу!

Нахимов сидел в замке большого стола, как всегда, когда он обедал в кают-компании. Около него разместились: капитан-лейтенант Воеводский, его племянник; мичман Фельдгаузен, один из его флаг-офицеров; старший врач «Марии» Земан; судовой священник отец Лука и близко к нему — мичман Варницкий с корабля «Три святителя».

Что скажет Нахимов — вот на что все свое внимание устремил Варницкий, но адмирал в начале обеда держал себя только как хлебосольный хозяин, которому доставляет большое удовольствие заботиться о гостях, так что и начисто лысый со лба и затылка и с обильной перхотью на черной рясе отец Лука, и старший лекарь Федор Карлович, не привыкший ни в малейшей степени сомневаться в себе, шумоватый человек с апоплексически короткой и толстой шеей, и даже мичман Фельдгаузен, благообразный, хорошо вышколенный немчик, принимали эту заботливость адмирала как должное — до того уж успели, видимо, привыкнуть к ней.

Однако очень возбужденные лица и громкие голоса были у обедавших за длинным столом, и вот, подняв голову и присмотревшись ко всем очень необычными, светло-голубыми и как будто прозрачными, неожиданными для вице-адмирала глазами, Нахимов сказал, ни к кому не обращаясь, точно про себя:

— В задор входят!.. Да, признаться, и есть от чего.

Белокурые, мягкие короткие волосы, заметно покатый лоб, несколько скуластое, худощекое лицо, однако не бледное — розовое, отчего выделялись белесые небольшие усы, в которых, правда, не было решительно ничего воинственного, усы для формы, длинноватый и острый твердый нос и правильно закругленный подбородок, — часто видел таким Нахимова мичман Варницкий, но ему хотелось видеть его преобразившимся сообразно с теми переживаниями, которые были не только у мичманов, но и у всех почти за столом кают-компании «Марии».

Вот долетело до адмирала, должно быть, то, что было ска-

зано в середине стола о мусульманском духовенстве, и он обратился к отцу Луке:

— Есть известие, батюшка, будто султан на совещании со своими высшими сановниками колебался... колебался, да-с, объявлять ли войну или подождать-с.

— Ну, еще бы не колебаться! — поспешил прожевать кусок курятины и отозваться отец Лука. — Дело нешуточное — война!

— Колебался, да и все министры тоже... Но вдруг вскакивает с места шейх-уль-ислам и кричит: «Да будет сабля султана остра!» Значит, колебания прочь, объявляй войну России... Ты, султан, вынимай свою саблю, а мы, духовенство, вынем деньги. Шейх-уль-ислам, а? Это ведь поважнее пост у магометан, чем патриарх константинопольский для нас, грешных... Мусульманский папа, а? И какой оказался воинственный!.. Впрочем, папы всегда бывали воинственны, особенно когда крест воздвигали на полумесяц.

— Но теперь-то уж, Павел Степанович, они, папы то есть, начали действовать обратным ходом: полумесяц натравливают на крест! Ведь вот что делают! — И, сказав это так, точно открытие сделал, отец Лука поглядел на Нахимова проникновенно и, выдержав необходимую паузу, потянулся к бутылке лафита.

Однако на слова отца Луки отозвался не адмирал, а лекарь Земан. Он засопел очень массивным, веселого огненного цвета, ноздреватым носом, откашлялся звучно и сказал вдруг твердо, точно определил болезнь:

— И папа имеет свое веское основание для того, чтобы так поступать.

— Какое такое основание? — вскинул на него отец Лука вытаращенные глаза, держа уже в широкой белой руке бутылку.

— Основание это есть зависть.

— Зависть, вы сказали? — непонимающе повторил отец Лука.

— Да, вот именно: зависть... Много ли земли имеет папа от своих католиков! Скверное положение имеет папа, как это мы знаем из газет. А между тем этот самый шейх-уль-ислам, он же и шериф, он есть пер-вей-шее лицо в Турции... после самого султана, разумеется! А духовенству мусульманскому принадлежит три четверти всей турецкой земли — то есть, конечно, не гор и не пустынь, это я хочу сказать, а пахотной... Ну, также и под садами. Называется это — вакуф!

И Земан победоносно посмотрел на отца Луку, но тот откашлялся признать себя побежденным или хотя бы убежденным.

— Тогда, стало быть, на луну и надо было ему натравить

своих католиков, а почему же у него обратный ход? И при чем же тут зависть?

Пришлось Земану объяснять:

— Французы должны, батюшка, пройти у турок курс высших наук, как им надобно относиться и к папе и к своему духовенству: три четверти всей пахотной земли, а также садовой — вот! А вы говорите, при чем тут зависть!

И лекарь дружелюбно ткнул большим пальцем отца Луку в локоть и подставил ему под бутылку лафита свой стакан.

— «Да будет сабля султана остра», — как будто про себя, повторил, глядя на Фельдгаузена, Нахимов. — Но ведь сабля султана, как и вообще турецкие сабли, очень кривая, вроде серпа... Молодая луна, а? Полумесяц?

— Вполне похожа на полумесяц, — подтвердил, улыбнувшись, Фельдгаузен.

— Страна полумесяца, да... — как будто в первый раз поняв это выражение, удивленно поднял негустые брови Нахимов. — И знаете ли, батюшка, — обратился он к отцу Луке, — они ведь, турки, во время Наваринского сражения не придумали ничего лучшего, как построить свои суда полумесяцем... Колонна полумесяцем! Так сказать, вполне раскрытые объятия для встречи врага, готовый охват с обоих флангов! Вот как-с!

И Нахимов растопырил руки, точно сам хотел удостовериться в точности своего определения. Но так как глядел он на отца Луку вопросительно, тот счел долгом вставить:

— Однако не помогло им это: проштрафился ихний полумесяц!

— Не помогло, нет... Хотя перевес в силах и был на их стороне: у них шестьдесят с лишком судов и больше двух тысяч орудий, у нас и затем-с у французов и англичан — только двадцать шесть судов, а на них тысяча триста орудий... Вот же ведь тогда французы и англичане были наши союзники, а теперь?.. Не так много, кажется, и лет прошло, а как все изменилось в политике!.. Да-с, но политика, конечно, не наше дело-с, а вот тогда «Азов» очень пострадал от береговых батарей, когда входил в бухту, так как рога-то полумесяца вон где были — на берегах-с!.. Старинное правило, батюшка, такое: пушка на берегу стоит целого корабля в море, вот как... А два орудия-с?.. Две пушки на берегу острова Корсика, отец Лука, отбили не от кого-нибудь, а от самого знаменитого адмирала Нельсона-с, вот как-с!..

— Ай-яй-яй! — укоризненно в отношении знаменитого адмирала покачал головой, блистающей двумя плешами, отец

Лука, а Воеводский, краснощекий крепыш, известный во флоте тем, что не задумался броситься с корабля в море за упавшим матросом и спас его, сказал ему улыбаясь:

— Да ведь и совсем недавно, лет пять назад, случилось нечто подобное, батюшка.

— А-а, это ты говоришь о шлезвиг-голштинской береговой батарее! — оживленно подхватил Нахимов. — Да вот он, живой пример, налицо, и очень близкий пример! Два датских судна против четырех всего пушек: линейный корабль и фрегат... И в результате перестрелки корабль взорвался, а фрегат вынужден был спустить свой флаг!.. Вот как иногда опасна бывает для нашего брата моряка пушка на берегу! Это в сорок восьмом году было-с... У береговых батарей есть еще привычка швыряться калеными ядрами в корабли, в результате чего бывают пожары, и командам приходится их тушить, то есть терять дорогое время-с! А в Синопе, к примеру говоря, имеется, насколько нам известно, шесть береговых батарей, и не четырех-, а шестиорудийных!.. Это уж серьезная защита против целой эскадры-с!..

4

Пароход «Бессарабия», состоявший как бы в ординарцах при отряде Нахимова, имел паруса, почему и назывался пароходофрегатом. Не слишком доверяли тогда пару: вдруг изменит? И что тогда делать экипажу в море? Привычные паруса казались надежней.

Штиль продолжал держаться и на другой день после того, как Нахимов передал свой приказ командирам судов, так что только «Бессарабия» и могла двигаться вдоль берега, высматривая, не покажется ли где на горизонте та самая турецкая эскадра, которая, по сообщениям из Севастополя, покинув Босфор, направляется к Сухуму.

Где-нибудь идут враги, может быть, даже и совсем близко, в двадцати—тридцати милях, но ведь глубокая осень, даль то в дождях, то в туманах...

Русские суда разбросаны по морю — это план начальника штаба Черноморского флота Корнилова, — но ведь эскадра турок может оказаться гораздо сильнее каждого из небольших отрядов русских судов, и если завяжется бой, то успеет ли другой подобный отряд прийти на помощь атакованному в открытом море? Вернее всего, что нет, если даже и расслышаны будут залпы многочисленных пушек. При слабом ветре

будут команды только горестно смотреть в сторону боя и беспокоиться об участи своих.

«Бессарабия» шла под самым берегом вблизи мыса Керемпе, укрытая сумерками. Перед тем адмирал требовал ее «под корму» для нового приказа: замечены были с марсов флагманского корабля турецкие одномачтовые баркасы — чектырмы, которые можно было захватить, чтобы от их команд узнать, если удастся, не прошел ли уже к берегам Кавказа отряд босфорских судов, везущий туркам французские штуцеры, английские орудия, боевые припасы и, на транспортах, турецкий десант.

Однако поднявшийся попутный ветер помог баркасам уйти далеко, а обложной дождь совсем скрыл их из глаз. Зато навстречу «Бессарабии», уже ночью, показался турецкий пароход, вышедший из Синопской бухты.

Ночь была лунная. Гребешки небольших волн сверкали. На берегу очень отчетливо видны были и скалы и гнездившиеся в их расщелинах пинии¹.

Чтобы придать «Бессарабии» вид мирного парусного судна — а такие суда у анатолийского берега только и могли быть турецкими, — матросы проворно принялись ставить паруса и закрывать трубу лиселями.

Однако, подходя ближе, турецкий пароход стал сбавлять ход; заметна была нерешительность его капитана. Наконец, действительно работая колесами, пароход описал пенистый полукруг и пошел обратно.

Вслед ему раздался выстрел с «Бессарабии». Турок должен был остановиться для опроса, но он повернул к берегу, и с борта его поспешно спустили шлюпки.

Сделав еще выстрел, «Бессарабия» подошла почти вплотную. Один лейтенант, несколько понимавший по-турецки, взобрался на турецкий пароход, но оказалось, что все его начальство бежало на берег, оставалось только несколько матросов. Двух из них лейтенант послал на берег за бежавшими — передать им, что их только опросят и отпустят вместе с пароходом: но, конечно, не вернулись и эти двое, хотя ждали их часа три.

Пароход этот — «Меджире-Теджарет» — был транспортное судно в двести сил. Его взяли на буксир и повели к эскадре как приз.

Осмотрев его, Нахимов сказал:

— Ну вот-с, у нас, значит, во флоте одним самоварчиком

¹ П и н и и — южные сосны с длинными иглами.

будет больше... Отправить его в Николаев для надобностей порта.

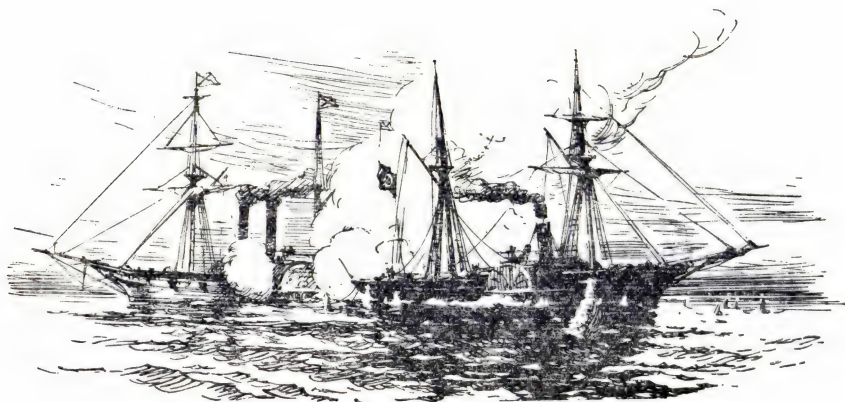
Ему хотелось узнать, не зашла ли в Синопскую бухту эскадра из Босфора, но матросы с парохода и оказавшийся между ними шкипер дали согласные показания, что в Синопе только два фрегата и два корвета.

Куда же делась эскадра, которую ждали русские суда?

Может быть, отряду Корнилова посчастливилось встретить ее или хотя бы напасть на ее след?

Крейсируя от порта Амастро до мыса Керемпе в виду берегов Анатолии, трудно было угадать, что делалось в отдаленных концах Черного моря.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Война была объявлена, но трудно было даже и решить, можно ли, не откладывая дела, напасть на турецкие фрегаты и корветы, укрывшиеся в Синопской бухте. С точки зрения здравого смысла — нужно, не только можно; по строгим правилам военной дисциплины — нельзя.

Выполняя ранее полученные приказы — или от начальника штаба Черноморского флота генерал-адъютанта Корнилова, из Николаева, или непосредственно от начальника штаба всего русского флота князя Меншикова, — Нахимов даже и не мог идти в Синоп; он должен был нести сторожевую службу в отведенных ему границах — между Амастро и Керемпе.

Нахимову было известно, что еще в сентябре правительства Англии и Франции взяли под свою защиту территорию Турции: 29 сентября (8 октября) английский адмирал Дондас предупредил князя Меншикова в Севастополе, что «английский флот будет защищать территорию Турции против всякого покушения русских высадить на нее свои войска, как и против всякого враждебного против нее действия русского флота».

Как можно было уничтожить эти два фрегата и два корвета, не вступая в бой с береговыми батареями Синопа? И как можно было заставить замолчать береговые батареи, расположенные на набережной Синопа, не нанося при этом большого вреда городу? А нанести вред городу — это значит вызвать на войну Англию и Францию на стороне Турции, что явно не может «содействовать видам» русского правительства.

Война уже шла, а крылья по-прежнему были связаны, и первый призовой пароход приходилось отправлять главным образом затем, чтобы послать с ним донесение о турецких судах в Синопской бухте и выяснить, можно ли напасть на них там или непременно ждать их выхода в открытое море.

Нахимов знал, что еще в начале октября Корнилов докладывал князю Меншикову о необходимости высадить десанты на европейском берегу Турции — в Сизополе, на азиатском — в Синопе, так как и тот и другой город одинаково удобны для защиты их с сухого пути небольшими силами, а рейды их могут вместить и укрыть от зимних штормов отряды русских военных судов какой угодно численности. Это позволило бы совершенно прекратить сообщение морем даже турецких берегов со Стамбулом, не только берегов Кавказа.

Но с тех пор сам же Корнилов раза два предупреждал Нахимова о том, что соединенная эскадра англо-французов или одна английская может появиться в Черном море и воспользоваться сильной разбросанностью судов, состоящих под общей командой Нахимова.

«Опять предостерегаю от англичан, — писал он во втором письме. — Вам известно, как они решительны, когда дело идет об истреблении чужих кораблей».

Тогда Корнилов сидел в Севастополе, но вот теперь он сам рыщет по морю во главе эскадры пароходов, чтобы открыть, где движется или где отстает неприятель. Откроет ли? И как поступит, если откроет? Может быть, случится так, что нужно будет вести свой отряд ему на помощь. Но не окажется ли это плохо в том смысле, что беспрепятственно уйдут из Синопа стоящие там суда? Лови их потом в море!

— Вот оно, глупейшее положение буриданова осла между двух охапок сена!¹ — раздраженно говорил Нахимов Воеводскому, ложась спать во втором часу ночи.

¹ Выражение, употребляемое для характеристики крайней нерешительности; по имени французского философа Буридана, которому приписывается рассказ об осле, не решившемся оделать выбор между двумя одинаковыми охапками сена.

— Между двух ли? — отозвался Воеводский. — По меньшей мере, кажется, между трех.

— Что, разумеется, еще хуже и еще глупее-с... Это ты о какой третьей охапке говоришь? О князе?

— Нет, я имел в виду не князя, хотя это само собой, а те три турецких парохода, о которых поступило донесение.

— Да ведь это еще первого числа было донесение, что вышли, идут к Сухуму. О чем ты говоришь? — возразил Нахимов. — Конечно, они уж теперь там, около Сухума... С ними ведаться Серебрякову; кстати, в его отряде тоже есть пароходы... Боюсь я за Владимира Алексеича, горяч он очень... Ну, да за ним, я думаю, корабли четвертой дивизии идут следом: если начнется, придут на выстрелы... Что-то завтра нам скажет?.. Впрочем, скоро уж утро. Туши-ка свечи...

Как бы поздно ни ложился спать Нахимов, вставал он по очень давней привычке рано — в один час с матросами. Так он встал и в этот день, 5 ноября, и, как всегда, вставши, прежде всего посмотрел на барометр.

Понижения не было. Утро в люк каюты глядело мутное, мгlistое. Стая черных бакланов, вытянувшись в шеренгу и прекрасно держа равнение, летела мимо корабля куда-то кормиться. Это говорило о том, что близко к берегу подошли косяки хамсы. Значит, погода не имела намерения круто измениться во весь этот день: хамса — рыбка мелкая, нежная, она не любит волны и уходит от нее вглубь.

Но корабли не любят штиля, обрекающего их на бездействие. И Нахимов справился, есть ли ветер. Ему ответили, что ветер зюйд-зюйд-вест — SSW, — хотя и не сильный, есть.

Когда он вышел из каюты наверх, ему рапортовали, что в море ничего не замечено, на корабле же, как и на других судах отряда, шла обычная утренняя уборка.

Она закончилась в восемь утра, а около десяти донеслась с северо-запада отдаленная, однако частая пушечная пальба.

Выстрелы то становились отчетливей, то сливались в сплошной гул. На «Марии» все заволновались.

— Сражение!

— Вот она наконец, турецкая эскадра!

— Вся ли эскадра? Пальба не так сильна что-то...

— Кто на нее наткнулся? Новосильский?

— Эх, сколько времени мы тут торчали, нам вот не повезло!

— О нас-то давно уже известно туркам. Они поэтому другим курсом и шли, чтобы с нами не встретиться...

Матросы на всех судах высыпали наверх, от их бушлатов

зачернели верхние палубы. Ждали, какой будет поднят сигнал на адмиральском корабле, так как ветер упал. Сигналом были вызваны пароходы «Бессарабия» и призовой, который не успел еще уйти в Николаев. «Бессарабии» Нахимов приказал взять на буксир «Марию», призовому — «Чесму» и двигаться по направлению выстрелов.

Слабые машины обоих пароходов пыхтели вполне добросовестно, но двигались и двигали тяжелые корабли так медленно, что Нахимов не раз, теряя терпение, ворчал: «Вот проклятые самовары!»

Впрочем, спешить на помощь было совершенно незачем: к часу дня, когда «Мария» и «Чесма» прошли не больше семи миль по курсу на W, пальба уже стихла, и двигаться дальше было как-то бесцельно. Неизвестно было только, разошлись ли противники после трехчасовой перестрелки или если сражение кончилось победой, то чьей.

Сколько ни напрягал зрение Нахимов, оглядывая в свою неизменную подзорную трубу горизонты, море не открывало того, что на нем произошло только что там, в направлении на запад.

2

Владимир Алексеевич Корнилов вышел из Севастополя в море еще в конце октября, и не с одними пароходами только, а и со всеми кораблями четвертой флотской дивизии, которой командовал контр-адмирал Новосильский.

В приказе об этом он писал: «Если бы счастье нам благоприятствовало и мы бы встретили неприятеля, то, с помощью божией, офицеры и команды судов, со мной отплывающих, вполне воспользуются случаем увеличить наш флот новыми кораблями».

Начальник штаба, он неизменно чувствовал себя хозяином флота и озабочен был главным образом приумножением его богатства. Поэтому не о победе над турками он говорил — это разумелось само собою и не требовало в приказе излишних слов, — а только о том, что команды судов его отряда должны довести турок до сознания, что им не остается ничего другого, как спустить свой флаг.

Он был администратор, в полную противоположность Нахимову. Он выхлопатывал в Петербурге средства для постройки новых судов на Николаевской верфи, для ремонта старых, для

расширения доков в Севастополе, для расширения морских казарм по мере увеличения экипажей судов, для пополнения арсенала новыми орудиями и боевыми припасами и для многого другого.

Ничто не укрывалось от его пристальных глаз стального цвета ни на кораблях, ни в порту. Сбегающее вниз острым углом лицо его, казалось бы, совсем не умело улыбаться. В противоположность Нахимову, одинокому человеку, он был примерный семьянин и отец многочисленных детей.

Он не сразу, не с юных лет, нашел самого себя, как Нахимов. Страдая морской болезнью, он хотел даже бросить службу во флоте. Но однажды стопку французских романов, лежавших в его каюте, выкинул через люк в море его командир капитан 1 ранга Лазарев и принес ему взамен книги по морскому делу, и Корнилов преобразился, чтобы со временем заместить Лазарева в Черноморском флоте.

А Лазарев поставил черноморцев на большую высоту сравнительно с балтийцами, так что из Севастополя, а не из Кронштадта шло все новое в русском флоте; а Лазарев, будучи уже полным адмиралом, не стеснялся сбрасывать свой сюртук и, засучив рукава рубахи, показывать собственноручно матросам, как надо выполнять судовые работы; а Лазарев любил устраивать гоночные состязания всех парусных судов, несмотря на чины их командиров, и не раз, к его удовольствию, случилось на этих состязаниях лейтенантам побеждать капитанов 1 ранга...

Очень тяжелая была задача стать на место такого начальника флота, каким показал себя Лазарев, и только Корнилов, а не кто-либо другой мог найти в себе силы на это.

Но готовить суда и людей к бою все-таки совсем не то, что руководить ими в бою; и, заканчивая свой приказ по отряду, с которым выходил из Севастополя, Корнилов писал, совпадая мыслями с Нахимовым:

«При могущем встретиться бое я не считаю нужным излагать какие-либо наставления. Действовать соединенно, помогая друг другу, и на самом близком расстоянии — по-моему, лучшая тактика».

Одно за другим выбегали из Большого рейда в открытое море суда; впереди как разведчик — пароход. Флаг Корнилова был на двадцатипушечном корабле «Великий князь Константин».

Три двадцатипушечных корабля было в эскадре Корнилова, кроме «Константина», — «Три святителя», «Двенадцать апо-

столов» и «Париж» — и два восьмидесятипушечных — «Свято-слав» и «Ростислав».

Первые — трехдечные, то есть трехпалубные, вторые — двухдечные.

Но «Двенадцать апостолов» и «Три святителя» были почтенных лет. И Корнилов все беспокоился, выдержат ли они без аварии шторм в открытом море.

А шторм начался с утра 1 ноября и продолжался два дня — тот самый шторм, который выдержала эскадра Нахимова у мыса Керемпе. Опасаясь, чтобы в ночное время буря не расшвыряла суда, Корнилов приказал на «Константине» через каждые полчаса пускать ракеты, в ответ на которые остальные суда должны были зажигать фальшфейеры. Эта перекличка огней в ревущей темноте показывала ему, держатся ли суда соединенно.

Шквалистый ветер, то с дождем, то с градом, раскачивал суда и тешился ими всю ночь, а к утру 2 ноября началась гроза, не совсем обычная поздней осенью на юге: сверкали ослепительные молнии, и гром гремел, как канонада боя.

Когда рассвело настолько, что стали видны очертания судов, Корнилов дал сигнал «Все ли благополучно?» и был обрадован, получив даже и от двух своих ветеранов ответ: «Все в исправности».

Эскадра держала путь к мысу Калиакру, но пароход «Владимир» был послан как разведчик вперед, чтобы осмотреть турецкие порты по болгарскому берегу — Бальчик, Варну, Сизополь, не скрываются ли загнанные туда штормом неприятельские суда.

Командиром «Владимира» был капитан-лейтенант Бутаков Григорий Иванович, один из самых сведущих и энергичных молодых командиров флота, но Корнилов отправил на пароход своего адъютанта лейтенанта Железнова, поручив ему осмотр портов, чтобы не отвлекать Бутакова от его прямого дела.

Когда в большом отдалении в сизой предутренней мгле раздались со стороны Варны два пушечных выстрела, Корнилов выкинул было сигнал «Изготовиться к бою», но тревога оказалась напрасной — просто «Владимир» слишком близко подошел к крепости, был замечен и обстрелян из крепостных орудий, военных же судов на рейде лейтенант Железнов не обнаружил.

Их не было и в Бальчике, не оказалось потом и в Сизополе. Ясно стало, что мимо этих трех портов с их очень удобными для стоянки судов обширными бухтами турецкая эскадра прошла, направляясь или вдоль анатолийского берега, или гораздо мористей. А между тем Корнилов был твердо убежден,

подходя к мысу Калиакру, что застанет суда противника или в Бальчике, или в Варне. Он даже объявил сигналом по своей эскадре: «Если открою неприятеля в Бальчике или Варне, намерен атаковать его; для сего заранее изготовить пеньковые канаты с кормы... Каната потребуется до 75 сажен...»

Канаты необходимы были для поворачивания судов, когда они станут на якорь, для управления ими во время боя.

«Владимир» от Сизополя пошел в глубину залива, к Бургасу, но военных судов не нашлось и там, зато с «Константина» замечена была утром 4 ноября купеческая шхуна, идущая с юга, от Босфора, видимо, в Варну.

Легкий бриг «Эней» получил приказ: «Задержать и опросить судно и узнать о турецком и союзном флотах».

«Эней» тут же двинулся на пересечку курса шхуны и через час доставил донесение: «Турецкий флот в большом числе судов стоит в Босфоре, там же семь английских и восемь французских судов, между которыми есть и паровые, а два турецких фрегата и два корвета за день перед тем пошли в направлении на восток».

Спустя немного был опрошен также шкипер валашского судна, которое тоже шло с юга. Он подтвердил, что судов союзных держав стоит в Босфоре пятнадцать, из них шесть пароходов и восемь больших кораблей, но добавил, что отряд турецких судов, всего шесть фрегатов и корветов, крейсирует недалеко от пролива, а дней за пять перед тем три больших парохода повезли войска в Трeбизонд.

Наконец лейтенант Железнов, задержав в Бургасском заливе только что прибывший туда австрийский пароход под турецким флагом, узнал от его шкипера, что отряд в шесть турецких судов крейсировал в море невдалеке от пролива, но потом снова вошел в пролив.

Надежды Корнилова встретиться с турками в море не оправдались. Сигналами передал он эскадре: «Неприятельский флот в Константинополе. Якорного дела не предстоит. Канаты можно убирать».

3

Угля в трюме «Владимира» оставалось уже немного; надо было отсылать пароход в Севастополь — пополнить свои запасы. На «Владимире» же решил вернуться в Севастополь и сам Корнилов, отправив всю остальную эскадру в распоряжение

Нахимова. Новосильский должен был передать Нахимову и то, что удалось узнать от шкиперов задержанных судов, главным образом о трех пароходах, двух фрегатах и двух корветах, то есть то самое, что было уже известно Нахимову.

Контр-адмирал Новосильский, один из столпов Черноморского флота, подлинный моряк на вид — широкоплечий, с обветренным лицом, явно несокрушимого здоровья, не старый еще годами, лет сорока пяти, — добравшись на шлюпке до корабля «Константин», поднялся на палубу, где его встретил Корнилов.

Новосильский не одной только своей физической мощью внушал уважение.

В молодости, в чине лейтенанта, он был участником знаменитого боя брига «Меркурий» с двумя турецкими кораблями — боя, из которого слабосильный русский бриг с его восемнадцатью небольшими пушками вышел победителем.

Это смело можно было бы принять за сказку, если бы не случилось этого в действительности здесь же, на этих самых водах Черного моря, 14 (26) мая 1829 года. Из двух кораблей, настигших бриг, один был «Селимиэ» — стодесятипушечный, сильнейшее судно во всем турецком флоте; на нем был флаг самого капудана-паши — командующего флотом; на другом же, семидесятичетырехпушечном, — контр-адмиральный флаг.

Явную мысль имел капудан-паша: увеличить флот султана одним русским бригом; с «Селимиэ» раздавались даже крики на довольно чистом русском языке: «Убирайте паруса! Сдавайтесь!» Но на эти крики с брига ответили залпом девяти орудий одного борта, и начался чудовищно неравный бой, продолжавшийся около четырех часов.

Перед боем, когда ясно уже стало, что не уйти от турецких кораблей, командир брига капитан-лейтенант Казарский созвал всех своих офицеров на военный совет; даже первый подавший свое мнение, младший в чине, штурман подпоручик Прокофьев, заявил, что необходимо сражаться «до крайности», а лейтенант Новосильский добавил: «А за последней крайностью последний и шаг: сцепиться с одним из кораблей противника и взорваться».

Это мнение и было принято всем советом, и перед боем Новосильский вынес из своей каюты заряженный пистолет и подвесил его на палубе так, чтобы всем — и офицерам и матросам — было известно, где его найти в момент последней крайности. Дулом своим пистолет этот был направлен к двери скрыт-камеры; выстрел из этого пистолета в скрыт-камере должен был вызвать взрыв брига, а вместе с ним и турецкого

корабля, чтобы гибель «Меркурия» куплена была турками очень дорогой для них ценой.

Казарский, как командир, обратился к матросам с кратким, но сильным словом о чести русского флота, о долге перед отчиной, о том, что если придется всем умереть, то умереть героями, используя все средства защиты.

Турецкие корабли взяли бриг в перекрестный огонь, чтобы, обрушив на него лавину чугуна, заставить его спустить флаг, но команда маленького русского судна не потеряла спокойствия: спокойно, как на ученье, и очень метко стреляла орудийная прислуга, спокойно целились и стреляли из ружей остальные матросы.

Все было на стороне турок: не только 184 пушки против 18, но и гораздо больший их калибр; не только гораздо более высокие борта, но и куда более надежные по толщине; не только в несколько раз более многочисленная команда на кораблях, но и вполне уверенная в близкой и легкой победе.

И однако же, случилось невероятное. Казалось бы, турецкие снаряды должны были в самый короткий срок обратить в кучу щепок гордый русский бриг, истребив всю его команду, но вышло обратное: на палубах обоих кораблей валялись груды убитых и раненых, в то время как команда брига потеряла всего несколько человек, а начавшийся было пожар потушила быстро.

Вместо русских матросов сломлены были турецкие. Они покидали свои места у орудий и метались по палубам, ища спасения от русского огня. Слышны стали их возгласы «Алла!» и возмущенные крики их офицеров. Притом и повреждения на стопушечном корабле «Селимиэ» уже через час после начала боя оказались так значительны, что капудану-паше пришлось вывести его из боя: в последний раз дал залп по бригу и ушел зализывать раны.

Но другой корабль и один был все-таки в несколько раз сильнее брига, получившего уже много пробоин, и неравная борьба продолжалась еще три часа. Не одна пара глаз начала уже оглядываться на пистолет Новосильского, на него самого и на командира брига: не пришел ли тот самый момент «последней крайности»? Однако видели, что этот роковой момент еще не пришел: Новосильский был так же далек от беспокойства, как и Казарский.

Напротив, забеспокоился командир турецкого корабля, адмирал. Он видел, что паруса на его судне наполовину сбиты, потери в людях очень велики — еще немного, и корабль будет лишен способности двигаться; абордаж же при таком упорстве

русских мог кончиться только тем, что оба судна взлетели бы на воздух. В этом он нисколько не сомневался и был прав, конечно. Поэтому он прекратил обстрел брига и даже постарался уйти от него на приличное расстояние.

Так необычайно, почти фантастично кончился этот бой, единственный, не имеющий себе подобных в истории всех флотов земного шара. И если Казарский давно уже умер, заработав себе своим подвигом памятник в Севастополе с надписью: «Потомству в пример», то сподвижник его Новосильский остался живым примером для матросов и молодых офицеров, с Георгием в петлице и пистолетом, попавшим, по особому рескрипту, в его герб.

Он и был потом примерным командиром — сначала брига «Меркурий», а после — стопушечной громады «Три святителя».

— Федор Михайлович, дорогой мой, здравствуйте! Мне вам кое-что надо сказать, — приветствовал его Корнилов, когда тот вошел на палубу.

— Здравствуйте, Владимир Алексеевич! — И, выжидаяще улыбнувшись только, но считая совершенно излишним какой бы то ни было вопрос, Новосильский утопил в своей мясистой теплой руке узкую и холодную руку Корнилова.

— Да, что-то не повезло нам с вами, и я решил вас бросить на произвол судьбы, а сам отправляюсь сейчас в Севастополь, вот что-с, — быстро и отчетливо проговорил Корнилов. — Но кое о чем потолкуем с вами у меня за чаем, пойдемте...

Олицетворенное спокойствие, Новосильский, сидя в каюте Корнилова, представлял собою как бы умышленный контраст хозяину каюты. Он и говорил расстановисто, точно с усилием подбирая слова, и медленно глотал чай, и еще более неторопливо посасывал свою короткую трубку с чубуком из соломенно-желтого янтаря.

— По воробьям из пушек... буквально по воробьям из пушек выскочили мы в море с такой эскадрой, — возбужденно говорил Корнилов. — Ну что такое какие-то там три турецких парохода и прочее? Мелочь!... Турки боятся выходить из пролива, тем более в такие погоды... А точнее, они хотя и выходят иногда порядочным отрядом, но понюхают, чем пахнет из Севастополя, и уходят, как это мы узнали от австрийцев... А слух о том, что они в Сухум-Кале пошли, мне кажется заведомо ложным, чтобы только сбить нас с толку и заставить попусту тратить силы.

— Может быть, — отозвался Новосильский, так как Корни-

лов смотрел на него вопросительно. — Может быть, и ложный... На войне ложь — во спасение.

— Для турок во спасение, для нас — в ущерб! — возбужденно подхватил Корнилов. — Суда зря изнашиваются, люди зря устают, и если случится принять противника всеми нашими силами, а половина кораблей будет в это время ремонтировать, то что тогда делать?.. Нет, уж вы, Федор Михайлович, повидаться-то с Павлом Степанычем повидайтесь и все, что надобно, ему передайте, а эскадру свою ведите-ка домой — нечего ее трепать раньше времени.

— Всю эскадру вести в Севастополь? — спокойно спросил Новосильский.

— Стопушечные, во всяком случае, все, — тут же ответил Корнилов. — Я рад, конечно, что старики наши браво выдержали шторм, но так ли браво выдержат они второй подобный, это еще вопрос... Их отвести непременно, а с ними и остальные тоже: у Павла Степаныча сил довольно на случай чего... А я так пришел к убеждению, что даже и за глаза довольно.

— Но ведь может статься, что у Павла Степаныча свои соображения, по ходу дела у тех берегов, — как же тогда быть, Владимир Алексеич?

— По ходу дела у берегов Анатолии? — оживленно подхватил это замечание Корнилов. — А что именно? По какому «ходу дела»? Вы полагаете, что турецкая эскадра все-таки прошла мимо нас, а?

Явное беспокойство начальника штаба послышалось Новосильскому не только в этих торопливых вопросах, но и в самом тоне голоса, каким они были сказаны, и глаза Корнилова возбужденно блестели; поэтому, почувствовав необходимость его успокоить, Новосильский ответил:

— Едва ли могла проскочить незамеченной нами эскадра в семь-восемь вымпелов... Это едва ли... Но я не о том хотел, а вот тот же самый шторм, который нас трепал...

— Ну да, разумеется, конечно! — перебил его Корнилов. — У Павла Степаныча тоже есть старики — «Ягудиил» и «Храбрый». Что ж, если они пострадали, заберите их с собой, а ему оставьте два восьмидесятипушечных... Словом, это уже сделаете по его усмотрению... Там у него еще и бриг «Язон»... И бригау и команде брига тоже следовало бы уже дать отдых...

Минуты через две-три, так же проникновенно глядя в прочное, выдубленное морскими ветрами лицо Новосильского, говорил Корнилов:

— Что же они, летучие голландцы, что ли, а не турки, что

могли проскочить мимо нас незамеченно?.. Предположим даже для полноты всех вероятностей, что они проскочили, держась того берега, — то там ведь только один удобный порт, Амастро, но он под наблюдением Павла Степаныча.

— Да, Амастро и еще Пендерекли, — уточнил Новосильский.

— Пендерекли очень близко к Босфору.

— Близко, конечно... Но при необходимости отстояться могли бы они завернуть и в Пендерекли, — ответил на пристальный, даже, пожалуй, строгий взгляд Корнилова Новосильский.

Корнилов еще внимательнее взгляделся в небольшие, заволоченные синим дымком трубки карие глаза контр-адмирала и вдруг ударил пальцами правой руки по столу, как по клавишам рояля.

— Ну что же, могли бы так могли бы! Значит, если даже допустить, что они там, — попадут они, когда двинутся дальше, прямо под пушки эскадр, вашей и Павла Степаныча... Но вероятнее всего, что они не там, а пока еще в Босфоре, и неизвестно, выйдут ли или постесняются... Ведь как мы справляемся о них и делаем опросы, так и они о нас... Так что вы, Федор Михайлович, сделайте именно так, как я вам сказал, а потом следом за мной идите в Севастополь.

4

Эскадра Новосильского, вытянувшись в кильватерную колонну, двинулась на юго-восток, взяв курс на мыс Керемпе, вблизи которого, как это было известно, держался со своими кораблями Нахимов.

Корнилов же, пересев на пароход «Владимир», долго любовался стройными движениями уходивших судов, поймавших всеми парусами свежий попутный ветер и представлявших картину, привлекательную даже и не для моряка.

Но сам он медлил отдавать приказ следовать в Севастополь. Он поручил лейтенанту Железнову как можно точнее определить, каковы запасы угля в трюме, и когда Железнов доложил, что угля, как он убедился, еще достаточно, что смело может хватить его еще на целые сутки хорошего хода, Корнилов приказал Бутакову идти по направлению к порту Амастро.

— Исключительно для очистки совести мы побываем еще и в Амастро, — говорил он, обращаясь к Бутакову и Желез-

ву. — Если турок нет ни в Бальчике, ни в Варне, ни в Сизополе, ни в Бургасе — нет и не было даже, — то какой же из этого можно сделать вывод? Только один, и единственный: что никаких крюков они делать не намерены, а пойдут в Требизонд прямым рейсом, что и было нами предусмотрено, когда пятая дивизия получила свое назначение.

— Кажется, ваше превосходительство, «Коварна» крейсирует около Амастро, — сказал Бутаков, которому несколько горбатый, широкий в переносице нос придавал особую воинственность; это был крепкий, высокий человек, соединявший в себе большие знания морского дела с не менее большою сметкой.

— «Коварна» или другое судно — суть дела не в этом, — возразил Корнилов. — По прямому смыслу приказа князя, наше судно не имеет права заходить в самый порт, а мы, уж так и быть, на свой страх и риск зайдем, так как тут, на месте, выясняется необходимость в этом.

Несколько помолчав, он добавил:

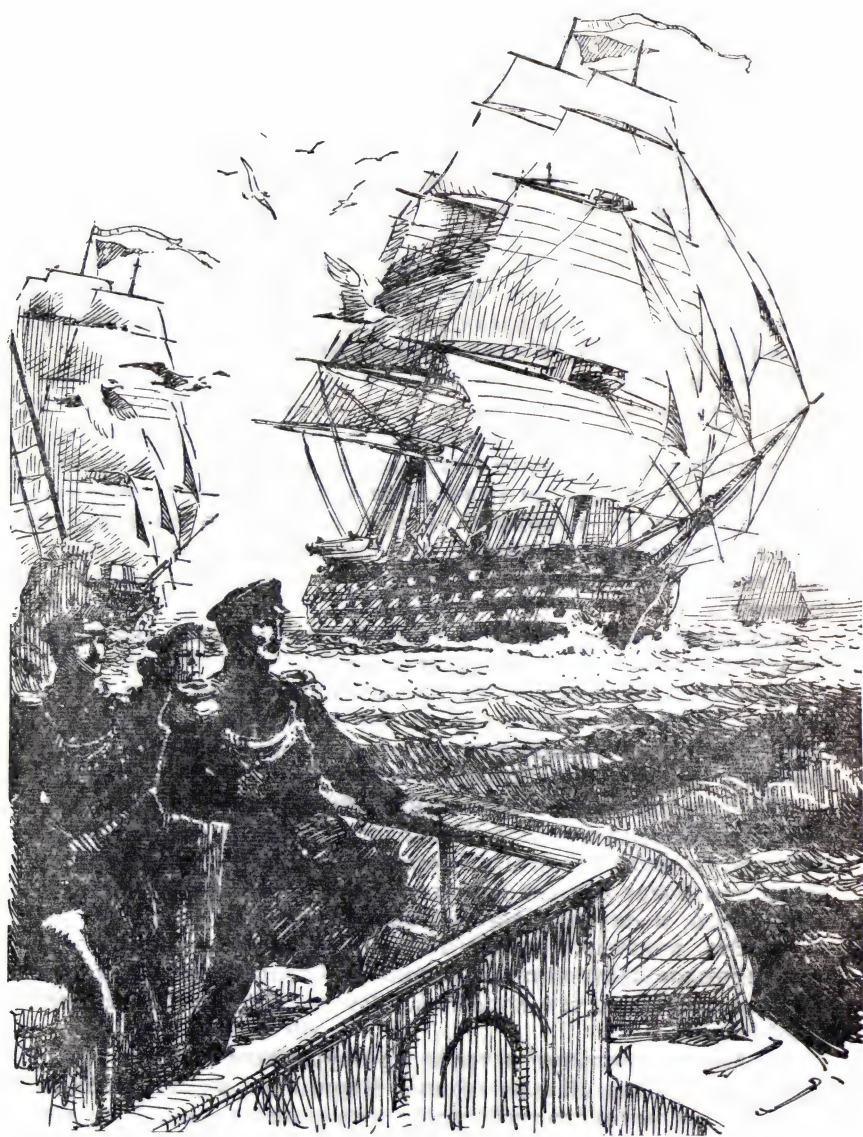
— Зона между Амастро и Босфором для нас запретна по соображениям петербургской политики... А между тем турецкая эскадра, может быть, стоит в Пендерекли. Соображения министерства иностранных дел доходят до нас с очень большим запозданием, а турецкая эскадра движется, то есть имеет полную возможность двигаться, гораздо быстрее... И кто будет отвечать в случае чего, боже сохрани, — мы или чиновники министерства?

Ничего не приказывал, говоря это, Корнилов. Он только глядел при этом на Бутакова серьезным, даже строгим взглядом, и Бутаков, поднеся руку к козырьку фуражки, по-нахимовски сидевшей на его вытянутой спереди назад голове, отозвался вполголоса:

— Есть, ваше превосходительство, — и отошел.

Через четверть часа, хлопотливо работая лопастями колес, «Владимир» шел уже не на Амастро, а несколько западнее, на порт Пендерекли, хотя сам Корнилов этого и не знал. Ему только хотелось, чтобы утром, когда, по всем расчетам, будет виден анатолийский берег, можно было узнать что-нибудь положительное и относительно Пендерекли.

Можно было не посылать к Нахимову всю эскадру Новосильского, если бы у Корнилова была только одна цель — оставить в распоряжении Павла Степаныча два восьмидесятипушечных корабля: «Ростислав» — новый корабль и «Святослав» — старой постройки. Их командиры и без Новосильского

могли бы довести свои суда до мыса Керемпе и передать все то, что хотел передать Корнилов.

Но Корнилов про себя верил совсем не в то, что говорили шкиперы задержанных у румелийских берегов шхун, а в то, с чем он свыкся уже в своем представлении, начиная с минуты выхода корабля «Константин» из севастопольской Большой бухты в открытое море: эскадра турецкого адмирала покинула уютный Босфор и идет на восток; эта эскадра должна стать добычей Черноморского флота.

И, ложась спать, когда совершенно почернело море (небо было плотно и сплошь задернуто тучами), он был уверен в том, что на рассвете увидит в отдалении неясные, но желанные очертания турецких судов. Тогда «Владимир», не обнаруживая себя, пошел бы к обеим дивизиям — четвертой и пятой, — которые должны к тому времени соединиться, и он, Корнилов, принял бы над ними начальство в предстоящем бою.

Долго не мог он уснуть, ворочаясь на узкой койке, но в конце концов усталость взяла свое. Проснулся он только на рассвете, когда берег отделился от моря — индигово-синяя узкая полоса от широкого белесого полотнища.

Тумана не было, но дали моря все-таки были замутнены от очень мелкого, похожего на туман, когда он поднимается, дождя. Извилистыми рядами, как черные бусы, низко, над самой водой, летели, дружно действуя широкими крыльями, бакланы.

Корнилов, поднявшись на капитанский мостик, пристально глядел по сторонам в зрительную трубу.

Бутаков привел свой пароход на высоту Пендерекли. Корнилов же знал и помнил только то, что он приказал идти к Аматро, и даже не спрашивал, какой это городок белеет там на берегу, в глубине небольшого залива.

Его внимание привлекли очень зыбкие, даже и в трубу видимые смутно верхушки мачт нескольких судов к северо-востоку, и он все силился сосчитать, сколько там было судов. Уставали глаза, тем более что все колыхалось: и капитанский мостик, и море около, и смутные мачты этих загадочных судов.

— Это, конечно, эскадра Павла Степаныча, — сказал наконец Корнилов лейтенанту Железнову, — только я никак не могу сосчитать, сколько там кораблей... Ну-ка, вы, у вас глаза помоложе моих.

Железнов прильнул к трубе прищуренным глазом.

Это был любимый флаг-офицер Корнилова, а стать любимым флаг-офицером такого требовательного адмирала, как Корнилов,

было не так-то легко. Однако все, что ни приходилось делать в штабе Железнову, он делал, казалось бы, без малейшего усилия: он был как будто прирожденный адъютант, этот ловкий во всех движениях, девически тонкий в поясице, круглолицый, охотно и часто улыбающийся блондин, который если и хотел придать некоторую важность своему лицу, то только хмурил свои почти безволосые брови и старался глядеть исподлобья.

— Шесть вымпелов, ваше превосходительство, — сказал он, не отнимая трубы от глаз, а Корнилов подхватил с живостью:

— Ну вот! Шесть, действительно шесть! Мне и самому так казалось, только я боялся ошибиться... Шесть и должно быть у адмирала Нахимова: «Мария», «Чесма», «Храбрый», «Ягудил», затем «Кагул» и... и, по-видимому, «Коварна», а бриг «Язон», может быть, послан был охотиться за турецкими каботажными...

— Сейчас штиль, ваше превосходительство, — осторожно напомнил Бутаков, стоявший около и тоже глядевший на эскадру в свою трубу.

— Я вижу, что штиль. И «Язон» мог быть послан совсем не сейчас, а когда был ветер, — недовольно возразил Корнилов. — А вон там пароходный дымок, видите? Это куда-то послал Павел Степаныч «Бессарабию»... Только не сюда, к Амастро, а в сторону Севастополя... Ну да, «Бессарабия» идет с донесением в Севастополь, а это совершенно лишняя трата угля, и нам надо бы остановить этот наш пароход.

— Наш ли? — усомнился Бутаков, повернув свою трубу в сторону дымка.

Он был в очень неловком положении. Вечером ему казалось, что он отлично понял намек своего начальника вести «Владимир» к Пендерекли, и он добросовестно вычислял, где в тот момент находился его пароход, чтобы не случилось ошибки.

Ошибки не случилось как будто, однако адмирал, показывая в сторону Пендерекли, говорит «Амастро», и доказательства этого налицо: эскадра Нахимова к востоку от Амастро, где она и должна была стоять теперь, в мертвый штиль, и пароход, который держит курс на Севастополь, не может быть никаким другим, только «Бессарабией», но все-таки...

— Мне кажется, что это не «Бессарабия», — сказал он, однако не очень уверенно.

— А вот сейчас мы это узнаем, — подхватил Корнилов. — Полный ход — и за ним!.. К Павлу Степанычу мы всегда успеем. А если это турок, тем лучше! А вы что думаете насчет этого парохода? — обратился Корнилов к Железнову:

— Мне бы не хотелось, чтобы это была «Бессарабия»... Я предпочел бы турка, ваше превосходительство,— политично ответил Железнов, который не мог ничего разобрать, кроме полоски дыма повыше и другой, более плотной полоски судна пониже.

— Он предпочел бы! — весело отозвался Корнилов. — Я сам предпочел бы это. Попробуем сблизиться, узнаем...

И «Владимир» пошел за уходящим к югу пароходом, оставив в стороне эскадру из шести выпелов. А между тем именно то, что так жадно хотел встретить в открытом море Корнилов, стояло перед его глазами: эскадра эта была не Нахимова, а старого турецкого адмирала Османа-паши, такого же участника Наваринского боя, как и сам Корнилов, и Нахимов, и Истомин. В его эскадре было пять фрегатов и корвет.

5

Полчаса самого быстрого хода, какой только могла развить четырехсотсильная машина «Владимира», — и стало возможно уже разглядеть трубу и мачты парохода, за которым гнались. Однако теперь и Бутаков не говорил уверенно, что это не «Бессарабия»: если эскадра оказалась нахимовской, если вместо Пендерекли «Владимир» вышел к порту Амастро, то, разумеется, пароход мог быть и «Бессарабией».

Но «Бессарабия» имела всего двести двадцать сил, так что особого труда не будет догнать ее или, по крайней мере, подойти к ней настолько, чтобы оттуда разглядели сигнал адмирала, а направление обоих пароходов одно — на Севастополь.

Корнилов почти безотрывно наблюдал рангоут парохода и трубу его, которые становились все отчетливее, но ходом «Владимира» он был недоволен. Он волновался. Несколько раз срывалось у него с языка разочарованно: «Неужели это в самом деле «Бессарабия»?.. Какая досада!»

Но прошло еще три четверти часа, и он сказал Железнову:

— Ага, нас там заметили наконец!.. И кажется, принимают за турок. Смотрите!

Железнов взял корниловскую трубу и воскликнул:

— Меняют курс к берегу! Вот так умники!

— Прикажете, ваше превосходительство, идти на пересечку? — спросил Бутаков.

— Разумеется! И поднять опознавательный сигнал,— приказал Корнилов.

Ясно было, что с того парохода так же точно наблюдали за «Владимиром» и оставались в недоумении, чей это пароход.

Со стороны эскадры в шесть вымпелов, оставшейся довольно далеко уже позади, никакого вмешательства в действия пароходов не могло быть: стоял по-прежнему штиль. И когда минут через двадцать преследуемый «Владимиром» пароход снова повернул в море, Железнов решил:

— «Бессарабия»! Разглядели, что мы — свои... Оознавательный сигнал помог...

На лице Корнилова сквозило явное неудовольствие, и он проговорил сердито:

— Черт знает что! Отчего же они видят сигнал и не отвечают?... Григорий Иваныч! Прикажите поднять русский флаг!

Бутаков бросился исполнять приказ, и результаты сказались вскоре: пароход вдруг пошел назад, навстречу «Владимиру», но... поднятый на нем флаг был турецкий.

— Вот вам и «Бессарабия»! — торжествующе обратился Бутаков к Железнову.

Он мог торжествовать не только потому, что, усомнившись в самом начале, оказался теперь совершенно прав, но и потому также, отчего торжественно было и лицо Корнилова: перед ловцом появившись, сам на ловца бежал зверь.

Однако бежал он недолго: разглядев русский флаг, там круто повернули снова назад. Но этот маневр был уже бесполезен: еще несколько минут, и «Владимир» подошел к турецкому пароходу на пушечный выстрел.

По знаку Корнилова этот выстрел и был сделан; ядро шлепнулось около самого носа парохода. Вдруг пароход, стоявший к «Владимиру» левым бортом, окутался пороховым дымом, блеснули желтые огоньки, раздался грохот орудий. Огоньков насчитано было пять: пароход оказался десятиорудийным.

«Владимир» имел небольшое преимущество: всего на одно орудие больше, но из его пушек три было пексановских — шестидесятифунтовых, — так что сила его залпа значительно превосходила силу залпа турецкого парохода. Однако капитан этого парохода не спустил флага, как ожидал Корнилов, он решил сражаться.

Как узнали потом, он был черкес родом, мамелюк адмирала египетского флота Саида-паши, человек мужественный, уже молодой.

На залп его парохода ответил залпом «Владимир», и ядро сбilo флагшток с турецким флагом, но тут же проворно был поднят новый флаг.

Так начался в десять часов утра 5 (17) ноября 1853 года на Черном море первый в истории флота бой парохода с пароходом, причем оба они были колесные.

Раскаты орудийных залпов этого именно боя и донесли до эскадры Нахимова, вызвав столько догадок и попытку со стороны флагмана помочь своим.

Помощи, впрочем, не требовалось: матросы «Владимира» стреляли гораздо лучше турецких, то и дело дававших перелеты.

Лавируя около турецкого парохода, Бутаков заметил, что кормового орудия он не имеет и лишен будет возможности защищаться, если стать ему в кильватер и открыть по нему продольный огонь.

— Так можно скорее заставить его сдаться, — говорил Бутаков Корнилову об упорном капитане турецкого парохода.

«Владимир» стал за кормой противника, но успел сделать один за другим только два залпа, как турок повернулся к нему бортом и, отстреливаясь, решительно направился к берегу.

Между тем уже около трех часов тянулась перестрелка, и видно было, что турок достаточно обит: на корме зияло большое отверстие. Можно было опасаться, что пароход затонет и придется спасать на шлюпках его команду, а приза не будет.

— Сблизиться на картечный выстрел! — приказал Корнилов.

Трудно было предположить, что меткая пальба из орудий, нанеся видимый вред и корпусу и рангоуту судна, не вывела из строя многих его защитников, однако турок сопротивлялся упорно. Пусть никто еще не пострадал на «Владимире», но вдруг при абсордажном бое окажется, что их команда больше нашей!

— Картечь и абсордаж!.. Это единственное, что осталось, — возбужденно говорил Корнилов и, обратясь к Железнову, добавил: — Сойдите-ка в каюту, принесите мой пистолет.

Железнов кинулся по трапу вниз и через минуту вернулся с оружием; сам нацепил кавказскую шашку, Корнилову протянул его пистолет.

Пальба между тем прекратилась, и был слышен только перебор лопастей пароходных колес, похожий на топот коней, скачущих галопом.

Капитан турецкого парохода, очевидно, понял замысел русского адмирала приблизиться на картечный выстрел: так как дым отволокло в сторону, на палубе заметно стало усиленное движение матросов.

Но их было что-то много сравнительно с небольшой командой «Владимира».

— Посмотрите, у всех ли наших людей есть абордажные пики,— обратился к Железнову Корнилов.— Бой будет жаркий, если не сдадутся: там, кажется, имеются и турецкие пехотинцы, кроме матросов.

Железнов, выполнив поручение, снова стал около Корнилова и, так как минута наступала весьма серьезная, нахмурил брови и глядел на турецкий пароход исподлобья, держась левой рукой за эфес шашки.

Топотали колеса, взбивая в белую пену зеленую воду, и вдруг почти в одно время грянули два залпа — отсюда и оттуда; и Корнилов изумленно поглядел на своего адъютанта, правой рукой ударившего его в подбородок и потом повалившегося мешком на палубу.

— Что? Что с вами? — нагнулся было к нему Корнилов, но отшатнулся тут же: Железнов был убит наповал — картечь пробила ему лоб над переносьем, лицо его было залито кровью.

А залпы гремели один за другим с такими малыми промежутками, что трудно было бы сосчитать их, и вдруг, как отрезало, упала тишина. Это Бутаков заметил, что турки спустили флаг.

— Отбой! Бей отбой! — скомандовал Корнилов.

— Отбой! — передали команду дальше, и барабанщик-матрос истоиво отстукал короткую, но значительную по своему смыслу дробь отбоя.

Бутаков поглядел на свои часы — было около часу. Бой продолжался три часа.

6

Имя неприятельского парохода оказалось «Перваз-Бахри», что значит «Морской вьюн», и принадлежал он египетскому флоту; мощность машины его была двести двадцать сил. Упорное сопротивление его «Владимиру» объяснялось геройством его капитана; как только он был убит картечью (в одно время с Железновым), команда решила сдаться. Два других офицера, бывших на «Перваз-Бахри», погибли раньше капитана. Пехотных солдат, как думал Корнилов, пароход не вез, но очень многочисленна была его команда — полтораста человек; сорок из них было убито и ранено, в то время как на «Владимире» выбыли из строя только три матроса и лейтенант Железнов.

Приз был получен, но в каком жалком виде! Корнилов сам

осмотрел его, как опытный хирург осматривает тяжело раненного, и покачал головой:

— В таком состоянии мы не доведем его до Севастополя!

Мачты были расщеплены, труба измята и пробита в нескольких местах, палуба продырявлена здесь и там, корпус изувечен так, что Бутаков решил:

— Не больше как через полчаса затонет.

Но Корнилов не хотел упустить добытое и не сошел с приза, пока не удостоверился, что машина его в исправности, что есть резон приступить к ремонту.

Тогда в открытом море застучали топоры и молотки русских матросов, старавшихся предохранить добычу от немедленного потопления.

В то же время опрашивали пленных, куда и зачем шел «Перваз-Бахри», и установили, что шел он в Пендерекли.

— Откуда шел?

— Из Синопа.

— Зачем ходил в Синоп?

— Отправил туда какие-то важные письма.

— Почему нужно было идти в Пендерекли?

— Там назначено было ожидать эскадру фрегатов Османа-паши, которая должна была прийти из Босфора.

При опросе пленных присутствовал сам Корнилов. Когда он услышал, что турецкая эскадра, которую он искал столько дней напрасно, ожидается, если не пришла уже, в Пендерекли, он всех свободных матросов с «Владимира» послал на «Перваз-Бахри», чтобы ускорить ремонт и быть готовыми для встречи эскадры.

Однако часа три возились, накладывая пластыри на разбитый пароход.

Но вот к четырем часам дня донесение о том, что приз в состоянии держаться на воде и, пожалуй, даже не на буксире, а вполне самостоятельно может дойти до Севастополя, было получено, и одновременно с этим были замечены две эскадры, подходившие к месту недавнего боя: одна — с юга, другая — с запада.

Эскадры были далеко, однако шли они на парусах, так как дул уже ветер. Приняв, как оно и могло быть на самом деле, первую эскадру за нахимовскую, соединившуюся уже с эскадрой Новосильского, Корнилов решил о второй: «Вот они наконец, турки!»

— Григорий Иванович, идти им навстречу! — крикнул он Бутакову.

Бутаков понимал план адмирала: подойти к турецкой эскадре как можно ближе и, завязав перестрелку, отступить на свою эскадру, дав ей тем самым время как следует изготавиться к бою. Однако чем ближе «Владимир», шедший полным ходом, подходил к турецкой эскадре, тем больше сомневался Бутаков, что она действительно турецкая.

Наконец сомнения подтвердились: он ясно различил в трубу знакомые очертания флагманского корабля «Константин», а за ним в кильватер шли «Три святителя», «Двенадцать апостолов» и другие суда эскадры Новосильского, которую задержал утренний штиль.

Но то же самое успел разглядеть и Корнилов.

— Федора Михайловича нужно предупредить, что эскадра Османа-паши ожидается в Пендерекли,— сказал он Бутакову,— и чтобы Павлу Степанычу передал он об этом и о нашем с вами призе.

«Владимир» подошел к эскадре Новосильского, и команды русских судов встретили его криками «ура». Корнилов приказал обойти все суда, чтобы все команды видели первый приз Черноморского флота в эту войну, захваченный после упорного боя.

Это должно было поднять дух команд для предстоящего им большого сражения с турецким флотом, который вот-вот должен прийти в Пендерекли, а потом пойдет к берегам Кавказа.

Было около пяти часов вечера, и уже сгущались ранние в ноябре сумерки. Море заволакивала какая-то неопределенная мгла.

Передавая командиру эскадры сведения о другой русской эскадре, с которой на соединение нужно было идти на юго-восток, и идти притом недолго, так как она стоит совсем близко, хотя ее совершенно не видно теперь, да не могло быть видно отсюда и часом раньше, Корнилов не знал, что, став жертвой ошибки в семь часов утра в этот день, он продолжал оставаться во власти этой же ошибки и теперь, в сумерки: эскадра, которую он уверенно принял за нахимовскую, была все та же турецкая эскадра Османа-паши.

Среди судов Черноморского флота было еще одно, которое почти вплотную подошло к этой эскадре, приняв ее за русскую. Это был пароход «Одесса».

Он должен был выйти из Севастополя вместе с «Владимиром», так как входил в отряд Корнилова, но задержался из-за неисправности в машине и вышел двумя днями позже, надеясь

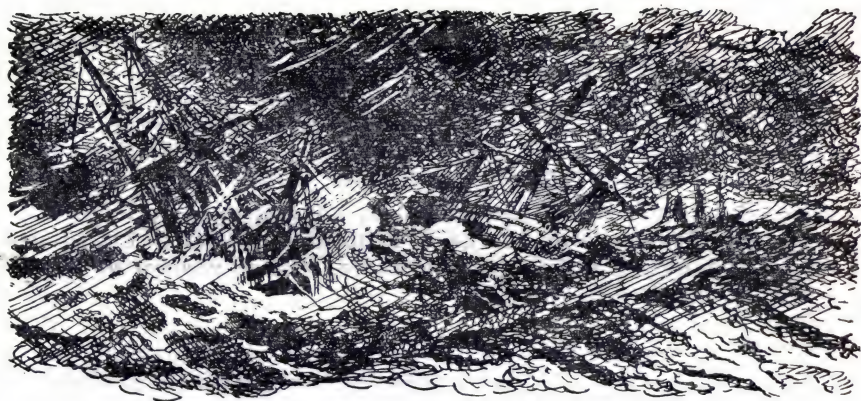
догнать отряд благодаря быстроте своего хода сравнительно с ходом парусных судов.

Он шел по тому же курсу, но все-таки дождливая погода не дала ему возможности отыскать своих у румелийских берегов, и он повернул к югу, окончательно разойдясь с ними. Тут-то, вблизи берегов Анатолии, он и столкнулся с турками.

Темная, ненастная ночь укрыла его, и он продолжал идти теперь уже на восток, чтобы передать о своей встрече эскадре Нахимова. Однако, дойдя до мыса Керемпе, не нашел и этой эскадры. Между тем он получил серьезные повреждения лопастей колес и, кое-как починившись своими средствами, лег на курс в Севастополь.

Так что когда Корнилов, продержавшийся в море еще целую ночь благодаря углю, взятому из трюма «Перваз-Бахри», явился наконец в Севастополь, там уже знали, что турецкий флот разгуливает в море.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Получив от Корнилова указания, где найти эскадру Нахимова, Новосильский думал соединиться с ней через час — через два. Однако совершенно стемнело, кончился вечер, наступила ночь — эскадры не было видно, хотя суда шли хорошим ходом. Осман-паша увел свои фрегаты по направлению к Пендерекли.

В то же время и на судах Нахимова вахтенные, помня приказ адмирала, зорко следили, не покажутся ли где в тяжелой, сырой темноте приближающиеся цепочки хотя бы и очень слабых за дальностью огоньков турецкого флота.

И вот огоньки действительно прорезали темь, и они не то чтобы проходили мимо — они явственно приближались, когда настало время сменяться вахтенным — полночь. По тревоге все заняли свои места — офицеры и матросы... Шла турецкая эскадра, появления которой возбужденно ждали раньше много дней на эскадре Нахимова, а после перестрелки, слышавшейся в этот день целых три часа кряду, ждали с особенным возбуждением.

Иллюминированная всеми огнями, двигалась навстречу чужая эскадра, и сотни орудий, направленные на нее, ждали только сигнала к бою. И быть бы большой беде, если бы вовремя не взвились на головном корабле «Константин» опознавательные знаки, так как огни на судах Нахимова потушены не были и их различил издалека с судов Новосильского.

Большое оживление в монотонную, хотя и трудную жизнь экипажей судов Нахимова внес этот ночной приход четвертой дивизии. Правда, как всегда в подобных случаях, никто на отдельных судах, кроме флагманского, ничего толком не знал, и все строили смелые догадки о каком-то близком бое с большим турецким флотом.

Только утром произошел намеченный Корниловым обмен судами: «Ягудиил» и бриг «Язон» присоединились к эскадре Новосильского и вместе с нею пошли в Севастополь отдыхать и чиниться, а «Ростислав» и «Святослав» из отряда Новосильского остались у Нахимова, чтобы подкрепить его на случай встречи с эскадрой Османа-паши.

Все, что было ему передано Новосильским, Нахимов выслушал весьма внимательно, изредка вставляя:

— Так-так-с... Да-да-с... Вон как-с!

Однако без одобрения отнесся к бою, данному Корниловым один на один турецкому пароходу.

— И зачем это было ему рисковать по пустякам? Не понимаю-с! — сказал он, хмурясь и гмыкая. — И пароходишко этот все равно бы от нас не ушел — рано или поздно мы бы его захватили или истребили... Что же, за каждым из них гоняться, как за зайцами? Им надобно дать вместе сойтись, вот как-с!

— Хорошо, как сойдутся, а если... — начал было Новосильский, но Нахимов перебил его:

— Непременно сойдутся! Непременно-с должны сойтись!.. Вот тогда их и истребить всех, чтобы чувствителен был Турции удар... А так — турки и за ухом не почешутся, вот что-с! А Владимир Алексеич шел на непростительный риск — это я ему и сам скажу при первой нашей встрече-с...

Из всего переданного им Новосильским он отметил особенно то, что эскадру Османа-паши ожидали накануне в Пендереки и что захваченный Корниловым пароход отвозил в Синоп какие-то важные бумаги; из этого он вывел, что турецкая эскадра через день, через два непременно придет в Синоп, где стоят уже два фрегата и два корвета. В соединении с ними и под прикрытием береговых батарей она представит собой внушительную

силу, но в то же время мешать этому соединению было бы неразумно.

Он припомнил, что писал ему еще перед выходом из Севастополя в свою рекогносцировку Корнилов: «С удовольствием ожидаю с вами встретиться и, может, свалять дело вроде Наваринского». Но «дело вроде Наваринского» «свалить» можно было бы только большими силами и против больших сил, а для этого надо было прежде всего удостовериться, собрал ли, и где именно, противник эти большие силы.

В то же время раза два употребил Новосильский в ночном разговоре своим словцо «усмотрение». «По вашему усмотрению...»

Нахимов не был вполне убежден, к чему, собственно, относилось это «усмотрение»: к тому ли только, чтобы оставить у себя два двухдечных корабля — «Ростислав» и «Святослав», — или к дальнейшим действиям всего своего отряда. Но так как ему хотелось, чтобы было именно это последнее «усмотрение», а письменного приказа или даже простой записки за подписью Корнилова он не получил, обстановка же, сложившаяся в море, требовала действий, а не ожидания приказов, то он и решил передвинуть свой отряд поближе к Синопу, чтобы легче было наблюдать за этим портом; для наблюдения же за портом Амастро отделен им был фрегат «Кагул».

2

Это часто случается и на суше, что в действия двух противников, из которых каждый взвесил все доводы в свою пользу, вмешивается вдруг «прозаическая» погода и путает все доводы и все расчеты. Но гораздо чаще случается это в море.

Дул легкий норд-вест, когда, часов в шесть вечера, Нахимов отдал приказ по своей эскадре двигаться в кильватерной колонне за флагманским кораблем «Мария». Движение это сознательно было начато, когда уже стемнело, чтобы для наблюдателей с берегов загадкой было, в каком направлении ушла русская эскадра. Однако весьма загадочно было и поведение ветра: иногда он слабел до того, что паруса теряли свою напряженность, иногда крепчал порывами.

Утром он дул уже не ослабевая и заставлял каждого из командиров судов то и дело взглядывать на барометр. К полудню же начался шторм гораздо большей силы, чем бывший несколько дней назад.

По три, по четыре якоря бросали команды с каждого судна в море, чтобы только удержаться на месте, чтобы буря, как бы свирепо ни швыряла она суда, не могла все-таки погнать их на береговые скалы, где они разбились бы в щепы.

В зрительные трубы видно было, как белел около берега кипень редкостного по силе прибоя, и моряки представляли, что делалось там, у берега, какой вышины достигали там бешеные валы и как они там ревели.

Но минуты, когда можно было приглядываться к тому, что делалось у берегов, выпадали очень редко. В эти два дня сверхчеловеческой борьбы со штормом даже слова команд приходилось выкрикивать в рупор, чтобы что-нибудь могли расслышать матросы.

Опасна была ночь с 7 на 8 ноября — длиннейшая и темнейшая ночь, когда только и слышно было, как разноголосо выла буря, а устоять на судах было невозможно: их бросало, как жалкие лодчонки, и кренило, казалось бы, до предела.

Но все-таки это был далеко еще не предел. Наивысшей силы достиг шторм утром 8-го, когда все суда потеряли грот-марсель, когда у фрегата «Коварна», кроме того, треснула грот-мачта, а корабли «Святослав» и «Храбрый» получили такие повреждения в рангоуте, что не могли уже нести все паруса.

Пароход «Бессарабия» тоже пришел в такое состояние, в каком не был «Владимир» и после трехчасового боя с «Перваз-Бахри», притом же и запас угля на нем приходил к концу.

Несвоевременный и жестокий шторм этот не только приостановил движение эскадры к Синопу, но еще и вывел из строя четыре судна в такой момент, когда у Нахимова вполне созрел дальнейший план действий.

Все рушилось... Донесения о состоянии судов Нахимов получил вечером, когда упал ветер, но они оказались так тревожны, что на другой день утром он сам навестил все потерпевшие суда.

Глазам поэта парусного флота предстали корабли со сломанными фока-реями, с безнадежно треснувшими грот-реем у одного и грот-мачтой у другого... Запасного леса не было, да если бы и был, починка таких повреждений в открытом море была почти немыслима: суда готовились не к стоянке в бухте, а к большому сражению, и не калеками, кое-как залеченными, должны они были идти в бой не только с многочисленной турецкой эскадрой, но и с береговыми батареями вдобавок.

Только три корабля оставались исправными: «Мария», «Чесма» и «Ростислав». Но с тремя кораблями безумно было бы

самому ввязываться в сражение, в котором все преимущества на стороне врага. И Нахимов решил наконец отправить поврежденные парусные суда в Севастополь на ремонт, а с «Бессарабией», которая должна прийти гораздо раньше их, послать на имя Меншикова просьбу о замене пострадавших от шторма кораблей здоровыми, способными к близкому бою.

Вспомнил он и о «Кагуле», оставленном в виду Амастро на сторожевом посту. После шторма этот одиноко стоявший фрегат мог оказаться в таком же положении, как и товарищ его «Коварна».

— Да, но какую же помощь мы ему можем оказать, если у него вдруг так же лопнула грот-мачта, как у «Коварны»? — говорил Нахимов, стоя рядом с командиром «Марии» капитаном 2 ранга Барановским и провожая глазами отходившие суда. — Разумеется, если он получил повреждения, то должен все-таки прийти к своему отряду, поскольку исполнить порученное ему дело он уже будет не в состоянии...

— А так как его что-то не видно, то, значит, он остался целехонек и продолжает оставаться на своем посту, — сказал Барановский и добавил: — Что же третье еще с ним может случиться?

— Как же так-с — «что третье еще»? А турецкая эскадра-с? — метнул строгий взгляд в лицо Барановского Нахимов.

Барановский же знал, что пароход «Бессарабия» посылался к «Кагулу» утром 7-го числа и в полдень, уже при начале шторма, вернулся с донесением: фрегат стоит на своем месте и неприятельских судов поблизости от него не обнаружено. Вечером же того же дня, ночью и 8-го, то есть накануне, бушевал шторм, во время которого «Кагул» или был поврежден, как «Коварна», или отделался пустяками и по-прежнему стоит на своем посту; и трудно было предположить о его встрече с противником.

И, однако, случилось именно последнее. В то время как Нахимов, беспокоясь о своем фрегате, говорил о нем с командиром «Марии», «Кагул» шел на всех парусах, преследуемый четырьмя фрегатами Османа-паши и держа курс не на свой отряд, а прямо на Севастополь.

Это преследование «Кагула» началось еще вечером накануне, когда утих шторм. Как раз в Амастро и отстала вся эскадра Османа-паши — пять фрегатов, шлюп и два транспорта с десантным отрядом, предназначенным для высадки в Сухум-Кале.

Турецкая эскадра вошла в порт ночью под 7-е, в дождливую

пору; дождь не переставал и 7-го весь день, почему с «Кагула» и не было замечено ее присутствие в порту. Потом начался шторм, и на «Кагуле» все были заняты почти непосильной борьбой за целостность судна.

Судно отстоять удалось — повреждений не допустили. Но только что дали себе вполне заслуженный отдых вечером, как показалась в море вся турецкая эскадра.

Команда «Кагула» едва успела натянуть паруса и сняться с якоря, так как борьба с пятью турецкими фрегатами и шлюпом была совершенно немислимой и могла бы закончиться только гибелью судна, как бы ни была славна эта гибель.

Капитан-лейтенант Спицын, командир «Кагула», решил положитьсь на легкость хода своего судна; дул же теперь, к ночи, зюйд-вест, что и определило направление хода.

Старому турецкому адмиралу представлялась заманчивой и даже легкой задача захватить этот русский фрегат, так же как был захвачен в 1829 году другой, тоже сорокапушечный, фрегат, «Рафаил», окруженный со всех сторон и после короткого боя спустивший андреевский флаг. Этот бывший «Рафаил», переименованный в «Фазли-Аллах» («Богоданный»), как раз находился в отряде Османа-паши. Но в самом начале погони «Фазли-Аллах» стал отставать от других четырех фрегатов, гораздо более новых; отстал и шлюп, и вместе с транспортами они старались только не терять из виду свой отряд.

Об этом, конечно, не пришлось уже думать ночью. «Кагул» был ходкий фрегат, так что турки вынуждены были гнаться за ним всю ночь и почти весь день 9 ноября, но все-таки не могли приблизиться к нему на пушечный выстрел, а когда близки уже стали берега Крыма, совсем прекратили погоню.

Но зато они вышли на высоту Синопа и, соединившись с остальными судами своего отряда, пошли к Синопу, счастливо разминувшись с эскадрой Новосильского, которую шторм застал в открытом море.

Впрочем, даже продвинуться в направлении Синопа не смогли турки: как это часто случается, настал после шторма штиль, и к утру 10-го числа весь отряд Османа-паши остановился и стоял неподвижно милях в пятидесяти от эскадры Новосильского, также замершей неподвижно.

За дальностью расстояния противники не видели друг друга, хотя погода в этот день была ясная.

Ясная штилевая погода была в этот день и у берегов Кавказа; но эта погода оказалась вполне благоприятной для трех турецких военных пароходов, задумавших атаковать такой же, как и «Кагул», сорокапушечный фрегат «Флора» недалеко от русского укрепления Тагры, против мыса Пицунда.

Эти три парохода были те самые, о которых говорили турецкие шкиперы лейтенанту Железнову. Они были под общей командой Муштавер-паши — англичанина Следа, — державшего свой адмиральский флаг на пароходе «Таиф», если и не более сильным из трех, то наиболее быстроходном.

Фрегатом «Флора» командовал капитан-лейтенант Скоробогатов, человек еще молодой, в то время как адмирал След был старый и опытный морской волк: в чине капитана английского флота он участвовал в бою двух турецких кораблей с бригам «Меркурий» и на службу к султану поступил после этого боя.

Силы у Следа — Муштавер-паши — были более чем двойные, и три его парохода могли лавировать, как хотели, вокруг неподвижного, по причине штиля, фрегата. На море была только мертвая зыбь, качавшая фрегат, как люльку, а темнота ночи несколько времени скрывала неприятельские пароходы от команды «Флоры».

Их заметили только в два часа ночи, когда небо очистилось от туч и стало гораздо светлее; как раз к этому времени подул, хотя и очень слабый, ветер, и фрегат начал двигаться со скоростью узла полтора. Пароходы замечены были впереди на небольшом — около мили — расстоянии.

Скоробогатов думал вначале, что это свои, и на всякий случай приказал поднять фонари опознавательных знаков. Пристально вглядывались потом матросы и офицеры, что ответят пароходы, но ни одного огонька не появилось на их мачтах, потушены были даже огни, видные сквозь люки; наконец стало заметно, что пароходы идут к фрегату.

«Значит, турки», — решил Скоробогатов и приказал готовиться к бою — первому в своей жизни и в жизни каждого из людей команды «Флоры».

Приготовления к бою шли, однако, быстро: все видели, что и враг спешил застать русский фрегат врасплох.

Пароходы шли один за другим, направляясь к носовой части фрегата, чтобы взять его под продольный огонь; фрегат повернули к пароходам левым бортом. Вот пароходы, шедшие очень малым ходом, остановились, открылись их порты, и раздалися

первые выстрелы. Одно ядро гулко ударилось в борт фрегата, сделав пробоину. По шестнадцати орудий одного борта было насчитано у каждого из двух больших пароходов, одиннадцать — у меньшего; так что сорок три орудия приходилось против двадцати двух на «Флоре». И, однако, русские матросы, несмотря на мертвую зыбь, с первых же залпов дали почувствовать противнику, что они куда лучше как артиллеристы.

Двадцать минут выдерживали пароходы их пальбу и отошли: в то время как выстрелы из турецких орудий давали перелет за перелетом, русские ядра то там, то здесь попадали в цель.

Это был первый бой парусного судна с паровыми; и парусное, хотя и больше чем вдвое слабое, за себя постояло. Сердце Нахимова, влюбленное в парусный флот, могло бы порадоваться вместе с сердцами матросов «Флоры».

Видя, как удаляются, выходя из-под обстрела, суда противника, Скоробогатов приказал прекратить стрельбу.

— Сколько раненых и убитых? Узнать живо! — понеслась по палубе передача от командира, и не больше как через две минуты дошел до него ответ:

— Ни одного!

Быстро, как делается все на судах в море, начали заделывать единственную пробоину, а пароходы стояли вдаль, и адмирал След, приведя в известность свои потери, обсуждал с командирами своего отряда план нового нападения на колющий фрегат.

Обсуждение длилось недолго, минут десять. Решено было плана не менять, а действовать, как и прежде; и пароходы снова подошли на выстрел со стороны носа фрегата, который снова же повернулся к ним левым бортом.

Команда «Флоры» понимала, конечно, что окружить фрегат было бы невыгодно пароходам: тогда пришли бы в действие против них все орудия обоих бортов, а это уравнесило бы силы.

Опять загремела пальба. Еще одно ядро впилося в борт фрегата, но зато каждый из пароходов пострадал настолько чувствительно, что через полчаса все они отошли снова мили на две.

Поспешно застучали матросы-плотники на фрегате, заделывая новую пробоину и приводя в исправность рангоут.

— Много ли убитых и раненых? — справился Скоробогатов.

И снова тот же ответ:

— Ни одного!

Шутками перекидывались матросы: из такого неравного боя вышли они победителями и без потерь. Но торжествовать было

еще рано: адмирал След был не из таких, чтобы примириться со своей неудачей и уйти совсем.

В четвертом часу все три парохода подошли снова, обогнув фрегат, чтобы действовать против его кормы, но залпы их встретили орудия правого борта. В темноте ночи невозможно было определить, насколько успешна была стрельба русских комендоров, но турецкие стреляли из рук вон плохо: снаряды их все время летели через рангоут фрегата.

Но вот прекратилась пальба, и на «Флоре» ударили отбой. Матросы весело хохотали:

— Тикают, хо-хо-хо!.. Не понравилось!

Пароходы ушли на этот раз поспешнее, чем прежде. И Скоробогатов немедленно после прекращения пальбы получил донесение:

— Ни убитых, ни раненых не имеется.

Теперь даже и сам Скоробогатов думал, что турки оставят его в покое и удалятся, но он ошибся: нападения повторялись еще два раза и прекратились только к шести часам, когда появились первые признаки близкого рассвета. Новых пробоин не было, потеря в людях — тоже.

Когда рассвело, с фрегата увидели, с кем вели такую упорную борьбу ночью: на всех трех пароходах, стоявших вне выстрелов, вились турецкие флаги, одно судно выкрашено было сплошь в черный цвет, два других имели белые полосы вдоль бортов. Все были трехмачтовые.

Скоробогатов, долго не отрывавший глаз от зрительной трубы, оживленно вскрикнул наконец, обращаясь к своему помощнику лейтенанту Кондогурову:

— Посмотрите-ка, Павел Ананьевич! Вице-адмиральский флаг на фор-брам-стенге у черного парохода! Вон с каким чертом мы столкнулись! Что же это за адмирал?

Кондогуров взял трубу у Скоробогатова, но его внимание привлекло другое.

— Ох, неотбойные! — сказал он. — Кажется, они опять хотят идти к нам!.. Идут ведь!

Бессонная, беспокойная ночь ничем не отразилась на лице Скоробогатова. Это было лицо твердых линий; остро глядели небольшие серые глаза, часто появлялась на тонких губах насмешливая улыбка.

Улыбнулся Скоробогатов и теперь, беря снова трубу у лейтенанта. Поглядел и отозвался ему:

— Торопятся в бой... Ну что же, честь и место... Вот теперь-то мы им всыплем в загривок!

Пароходы теперь разделились: адмиральский шел прямо на фрегат, два других заходили между фрегатом и берегом, до которого было на глаз миль десять.

Это показалось загадочным Скоробогатову, но вот он уловил в том направлении, которое взяли два парохода, какое-то маленькое судно и догадался, что это шхуна «Дротик», которая вот-вот станет добычей турок.

— Э-э, вон что, голубчики!

Долго думать над тем, как спасти «Дротик», не приходилось. Скоробогатов приказал повернуть фрегат правым бортом к адмиральскому пароходу и открыть огонь. Первые ядра дали недолет, но теперь, при утреннем свете, Муштавер-паша рискнул не уклоняться от боя с почти неподвижным русским фрегатом. Он придвинулся ближе, и началось единоборство, опасность которого для парохода «Таиф» увидели командиры других пароходов. Они оставили шхуну и повернули к фрегату. «Дротик» на веслах пустился к берегу, а на «Флоре» все поняли, что настоящий бой с турецкими пароходами начинается только теперь.

Двадцать два орудия одного борта нужно было распределить по трем целям, и Скоробогатов десяти из них приказал стрелять в адмиральский пароход, на котором заметил в трубу матросов в европейской одежде.

— Во-он в чем дело, братцы мои! — изумленно обратился он к Кондогурову.

Через час стало заметно, что черный пароход пострадал больше других — не все орудия его стреляли. Прошло еще полчаса — медленней и неуверенней стали отстреливаться и два других парохода; наконец они ушли, и теперь уже видно было, что ушли совсем не к берегам Кавказа, а на запад и адмиральский пароход позорно тащился на буксире.

— Урра-а! — кричали им вслед матросы «Флоры» и махали бескозырками: парусный русский фрегат одержал победу над тремя «самоварами», которые были вдвое с лишком сильнее.

Нечего было и спрашивать Скоробогатову, есть ли убитые и раненые: все его матросы и офицеры были налицо. Никаких новых пробоин в корпусе судна — ни надводных, ни подводных — не оказалось; рангоут был тоже цел.

Даже сам Скоробогатов был удивлен таким результатом почти двухчасового боя и говорил смеясь:

— Я напишу контр-адмиралу Вукотичу донесение обо всем этом деле. А вдруг он мне не поверит, что тогда?

Как объяснилось в тот же день, турецкие пароходы хотели атаковать Сухум-Кале, на защиту которого мог выступить, ко-

нечно вполне безуспешно, один только маленький тендер «Скорый», так как эскадра, стоявшая там раньше — два фрегата, два корвета, бриг и четыре парохода, — ушла накануне под командой вице-адмирала Серебрякова в экспедицию против вероломно захваченного турками поста св. Николая.

4

Этот пост был атакован эскадрой Серебрякова еще 7-го числа, но об этом не знали ни на «Флоре», ни в Гаграх, ни в Сухум-Кале.

Турки успели со времени захвата поста устроить там несколько батарей и встретили эскадру сильным огнем, так что атака не увенчалась удачей.

Потеряв несколько человек в двухчасовой перестрелке, Серебряков счел за лучшее сняться с якоря и идти к Требизонду, но в пути застал эскадру шторм, хотя здесь он и не был такой большой силы, как между Амастро и Синопом. После этой второй неудачи Серебряков решил вернуться в Сухум-Кале, куда и пришел 10-го к ночи, одновременно с «Флорой».

Ни о подвиге команды «Флоры», ни о неудаче адмирала Серебрякова не знал Нахимов, когда с тремя восьмидесятипушечными кораблями и бригом «Эней» он подошел наконец 11 ноября к Синопу.

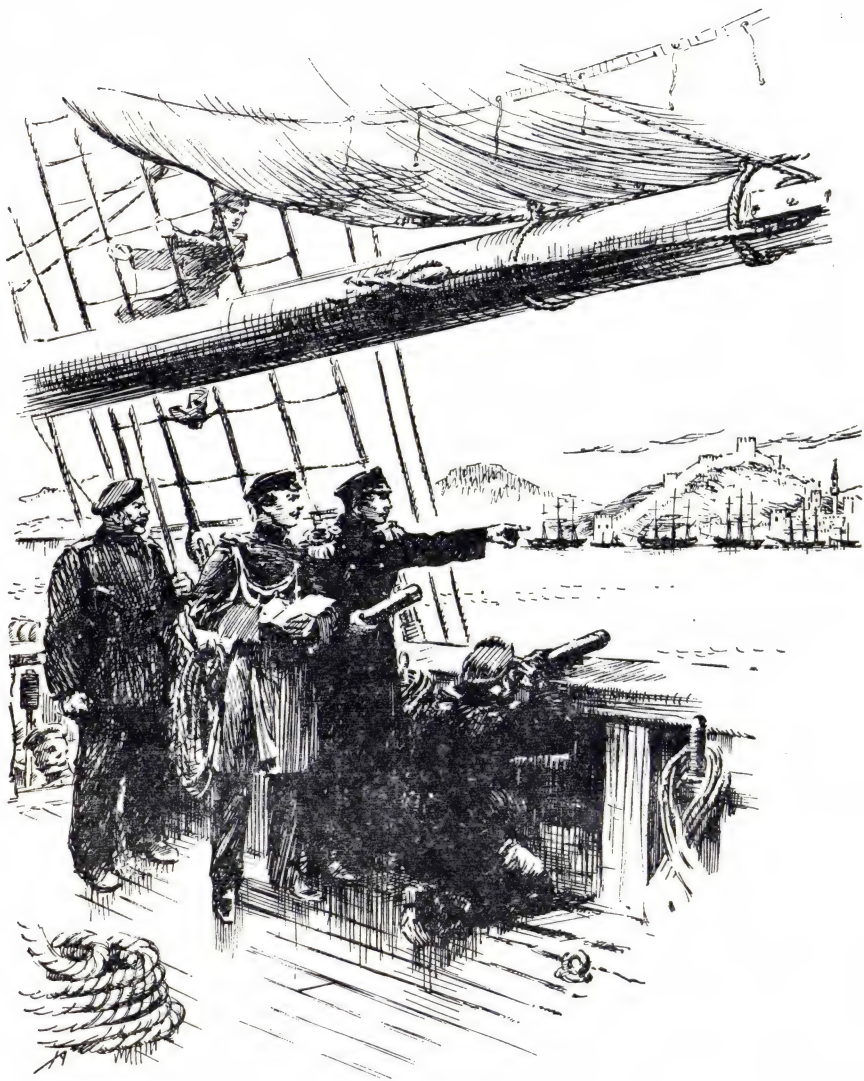
Это была торжественная не только для самого Нахимова, но и для всех команд четырех его судов минута, когда разглядели они не только белые стены города, его мечети и минареты в одной стороне и греческие церкви — в другой, но и мачты укрывшегося в бухте турецкого флота.

— Так вот где она наконец, эта турецкая эскадра! — радостно говорили на кораблях.

Нахимов на «Марии» подошел к самому входу в бухту, чтобы подсчитать турецкие суда, и долго и внимательно разглядывал он их глазами опытного моряка. Тут было семь фрегатов, три корвета и шлюп, два транспорта и два парохода — один большой, черного цвета, другой малый.

Большой пароход был тот самый «Таиф», который более двух других потерпел при столкновении с «Флорой». Доведя его на буксире до Синопа, где можно было ему чиниться (здесь были доки), его товарищи ушли в Босфор.

С эскадрой же из двух фрегатов и двух корветов, бывшей под командой адмирала Гуссейна-паши и стоявшей здесь раньше,

соединилась пришедшая сюда в ночь с 10 на 11 ноября эскадра Османа-паши, которую Корнилов дважды принял за эскадру Нахимова.

Бухта, известная в глубокой древности как самая удобная из всех на анатолийском берегу, прикрывалась с севера гористым высоким полуостровом, самый же город был расположен на узком перешейке. Прилежавшая к Синопу местность была лесиста, и оттуда вывозился лес. Здесь была и верфь для постройки небольших судов. Длинный мол тянулся в бухте вдоль берега.

Одну береговую батарею разглядел Нахимов с правой стороны, при входе в бухту, другую — с левой, но об этом он знал и раньше. Самое же важное было другое — исполнилось то, о чем он только мечтал: турецкие адмиралы объединились под надежной защитой городских укреплений.

Но надолго ли? Успеют ли починиться до того времени корабли «Ягудил» и «Храбрый» и вернуться в отряд? Хотя бы фрегат «Кагул» явился на подкрепление сил! Нельзя же с тремя восьмидесятипушечными кораблями атаковать целый турецкий флот! С ними опасно идти даже и на одни береговые батареи!

— Вот бы когдагодились самовары! — сокрушенно говорил Нахимов.

— Может быть, придет какой-нибудь пароход из Севастополя, — пытался успокоить его Воеводский.

— Как это «может быть»? Почему это «может быть»? — возмущался Нахимов. — То есть невзначай как-нибудь забредет ко мне? Нет-с! Послать должны-с! Ведь турки наш рангоут отлично видели через перешеек, когда мы подходили, а тем более теперь видят-с... Четыре судна всего, считая с бригам, — ты думаешь, это им неизвестно? Прекрасно известно-с!.. Им остается только выйти из порта и на меня напасть, чему я и буду рад-с! Очень рад-с!

— Не хватит смелости у них на это.

— Ага, вот видишь! И не хватит! И не выйдут, чтобы на меня напасть, а выйдут, чтобы уйти из ловушки, вот что-с! Потому что это для них ловушка и гибель, да-с!

— Едва ли они так думают! Не наоборот ли?

Под диктовку Павла Степановича Воеводский написал рапорт командиру севастопольского порта, вице-адмиралу Станюковичу:

«Обозревши сего числа в самом близком расстоянии порт Синоп, я нашел там не два фрегата, корвет и транспорт, как доносил, а семь фрегатов, два корвета, один шлюп и два больших

парохода, стоящих на рейде под прикрытием береговых батарей.

Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтобы собрать такой отряд военных судов в Синопе, я положительно остаюсь здесь в крейсерстве и буду их блокировать до прибытия ко мне двух кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений; тогда, несмотря на вновь устроенные батареи, кроме тех, которые показаны на карте, я не задумаюсь их атаковать.

Убедительнейше прошу ваше превосходительство поспешить прислать два корабля моего отряда и фрегат «Кулевчи», который вместо двух недель, как предполагали отправить его из Севастополя, стоит там более месяца. Если корабли «Святослав» и «Храбрый» прибыли, то их легко снабдить реями и парусами со старых кораблей, если же нет или они имеют более значительные повреждения, тогда нельзя ли прислать один из новых, стопушечных, и корабль «Ягудиил».

В настоящее время в крейсерстве пароходы необходимы, и без них, как без рук. Если есть в Севастополе свободные, то я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство прислать ко мне в отряд по крайней мере два.

Последние новости от опрошенного греческого судна, которое вышло из Константинополя четыре дня назад: английские, французские и турецкие флоты стоят в Босфоре; для снабжения провизией французского флота как в Константинополе, так и в Черном море делается подряд.

При этом представляю план расположения неприятельских судов в Синопе».

С рапортом послан был бриг «Эней», но его командиру приказано было Нахимовым непременно дойти раньше до места стоянки «Кагула» и передать, что фрегат должен немедленно отправляться к Синопу, на соединение со своим отрядом.

Было утро 12 ноября, когда вестовой бриг отбыл на запад, к мысу Керемпе и дальше, по направлению к Амастро, где мог находиться «Кагул».

Не найдя фрегата, «Эней» повернул к Севастополю, но он потерял напрасно целые сутки, а «Кагул» в это время сам шел от берегов Крыма к эскадре Нахимова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Курьер Нахимова, бриг «Эней», привез рапорт адмирала командиру севастопольского порта Станюковичу в полдень 16 ноября, а часов в десять в тот же день совершилось самое счастливое событие в жизни Нахимова: на горизонте, в северном направлении, показались корабли, державшие курс как раз на мыс Пахиос, около которого стояла эскадра из трех судов, осмелившаяся блокировать Синоп со всеми фрегатами и корветами противника, нашедшими убежище на его рейде.

На трех кораблях Нахимова было всего только 250 орудий против 460 на турецких судах, — насмешкой могла бы показаться такая блокада!

В уютном порту, в бухте, глядевшей на юг, отрезанной от Черного моря — действительно черного в это время года, — спокойно стоял турецкий флот, и длинные пушки шести береговых батарей служили ему надежным оплотом: флот был у себя дома. А три двухпалубных русских корабля крейсировали в открытом море четверо суток, стараясь только об одном — как бы

не выпустить, не упустить из их же порта турок, которые были почти вдвое сильнее их!

Все это время дули сильные ветры, часто переходившие в бурю, за которой следовал то проливной дождь, то снег, — казалось, где-то назрела уже бóра и несется сюда, чтобы искалечить и эти три последних корабля, так же как несколько дней назад были искалечены три других и пароход «Бессарабия».

Дошли ли они до Севастополя? Где тонко, там и рвется, — могли потерпеть новую аварию в пути. А к туркам не подойдут ли за эти дни новые силы? Было над чем думать командиру маленькой русской эскадры!

Даже и эти суда, которые разглядели с салингов матросы, могли быть турецкими, а совсем не своими. Рангоуты их маячили неясно в снежной метели — то появлялись, то исчезали, — и матросы то и дело сбивались в счете судов, тем более что суда шли в кильватер.

Однако, хотя и мачты, на которых сидели матросы, качались под свежим ветром и снег слепил глаза, все-таки донесения от них шли о том, будто приближаются не два, а больше кораблей — три, или четыре, или даже пять, между тем как Нахимов ожидал только двух, отосланных им же самим чиниться после шторма.

Не менее получаса прошло в колебаниях, чьи это суда, которых неожиданно больше чем два. На всякий случай приказано было готовиться к бою. Но вот пронесло метель, прояснилась даль, а суда подходили быстро, полным ходом. И наконец сам Нахимов разглядел, что головное судно было стопушечный корабль «Париж» с контр-адмиральским флагом, а в кильватере за ним — «Константин».

— Ого! Ого! Вот как-с! — радостно бормотал Нахимов, не отрываясь от своей трубы. — «Париж» и «Константин»... И... неужели «Три святителя»? Ого! Ого!.. Вот это так! Вот за это спасибо Владимиру Алексеичу! Вот удружил так удружил! А? Вот «ура» так «ура»! И «Кагул» мой в хвосте!.. Ведь это «Кагул»?.. Ну, разумеется, «Кагул»!.. Как же он очутился тут, с кораблями четвертой дивизии?.. Вот это подарок так подарок! «Кагул» и есть! Три стопушечных и фрегат, и все дошли в исправности! Молодчина Федор Михайлович!.. Ах, что за молодчина! Положительно молодчина!

Он не знал, что это торжественное шествие русских кораблей на помощь ему, Нахимову, воочию представил еще накануне старый турецкий адмирал Осман-паша. Число кораблей, занятых блокадой синопского порта, удвоилось в его глазах еще

15 (27) ноября, когда послал он телеграмму в Константинополь, что перед Синопом крейсирует шесть линейных кораблей. Он добавил к ним еще бриг и два парохода, чтобы в Константинополе прониклись ужасом его положения и поспешили его спасти. Не забыл он при этом и «Кагул», за которым гнался почти двое суток, но в телеграмме его один русский фрегат вырос в восемь фрегатов, и вся флотилия эта, с двумя пароходами впереди, крейсировала, по его словам, между Синопом и Босфором.

Это была не телеграмма, а крик сердца, но... но в Константинополе как раз в это время праздновали «победу турецких пароходов над русскими фрегатами», известие о которой привезли сюда те же самые два парохода, которые, отбуксировав «Таиф» до Синопа, отправились дальше в Босфор. При этом «Флора», от которой постыдно бежали все три парохода, превратилась ни больше ни меньше как в целую эскадру самого Нахимова. Если три турецких парохода — под командой, правда, Муштавер-паши — смогли разгромить эскадру Нахимова, то, разумеется, только явной трусости могли приписать в Константинополе телеграмму Османа-паши. А незадолго перед этим корреспондент одной лондонской газеты сообщал в Лондон, что египетский пароход «Перваз-Бахри» притащил на буксире в Константинополь разбитый им русский пароход «Владимир» и находившийся на нем адмирал Корнилов теперь в плену у турок.

Толки о блестящих успехах турецких моряков не прекращались в Константинополе, разносясь и по другим европейским столицам, и вдруг зов о безотложной помощи из такого сильного порта, как Синоп! Конечно, этот зов был приписан неуместному малодушию, да и беспрерывно бурная погода совсем не располагала к тому, чтобы турецкое правительство решилось послать свой парусный флот сражаться не столько с русскими судами, сколько со штормами: и без того в истории турецкого флота достаточно было случаев гибели кораблей во время равноденственных бурь, особенно сильных осенью...

Подходили перенесшие не одну бурю в пути корабли эскадры Новосильского и приставший к ним фрегат «Кагул». Их паруса были занесены снегом, кое-где оледенели, но это только прибавляло торжественности долгожданной минуте. Даже сам Нахимов кричал «ура».

В кают-компании «Марии» шло вечером в этот день совещание флагманов и командиров судов о предстоящем деле: получив столь неожиданно для себя такую сильную подмогу, Нахимов спешил посвятить в свои планы весь высший командный состав.

Крылья небывалого еще в жизни счастья, осенившие его утром, когда подходил Новосильский, чувствовались всеми сидевшими с ним теперь за столом кают-компаний. Как помолодели вдруг голубые пятидесятилетние глаза! Какая убежденная и даже плавная появилась речь! Какая осанка у этого привычно для всех сутуловатого, очень простого в обращении со всеми человека, говоря с которым даже мичманы иногда забывали, что он вице-адмирал!

Теперь, на совещании перед боем, об этом последнем помнили и капитаны 1 ранга; и один из них, командир корабля «Париж» Истомин — красивый, лысоватый со лба, спокойный и уравновешенный, — поднявшись, обратился к нему не по имени-отчеству, как это было тогда принято у моряков, а по чину.

— Ваше превосходительство, меня занимает вопрос, каким образом мы, вступив в перестрелку с турецкими судами, можем не задеть снарядами городских строений... Ведь непременно будет стрельба по такелажу, будут и перелеты — нельзя ручаться, что их совсем не будет, а если это так, то пострадает, разумеется, и город в той или иной степени. А между тем мы этого допустить не смеем, так пришлось слышать мне в Севастополе.

— Вам пришлось слышать, а я получил такой приказ от князя, вот через Федора Михайловича, — очень живо отозвался на это Нахимов, кивнув в сторону сидевшего с ним рядом Новосильского. — И хотел сказать об этом сам — вы меня предупредили. Мне, господа, — обратился он ко всем, — очень хорошо известно это было и раньше: ведь это не только желание князя, это идет от министерств, из Петербурга. «Уничтожить турецкие суда при встрече с ними в море»... Так-с, прекрасно-с! Вот Владимиру Алексеичу посчастливилось одно такое судно встретить в открытом море, и он его уничтожил, почти уничтожил... Не спросил я вас, Федор Михайлович, дошел ли этот египтянин до Севастополя?

— Дойти дошел, только едва ли куда годится, — ответил Новосильский.

— Ну вот, значит, почти уничтожен! Повезло, выходит, Владимиру Алексеичу, а не нам-с! Если турки не вышли из Синопа, когда у меня только три корабля было, то теперь их и калачом не выманишь! А между тем у меня в руках приказ: истребить два фрегата и два корвета, сто-я-щие в синопском порту! Запоздалый приказ, как всегда бывает: теперь уже там целая эскадра, а не два фрегата. Но приказ остается приказом: мы должны напасть на турецкие суда, сколько бы их там ни оказалось. Сто-я-щие в порту! Вот как-с! Значит, это наша основная задача: получив не только разрешение, но и приказ, мы должны действовать безотлагательно... Великой важности вопрос поднят вами, Владимир Иванович, — обратился он к Истомину, — но ответ на него даст только будущее; да-с, только будущее. По возможности мы должны щадить город — об этом вы скажете командам своих судов, да, наконец, я должен буду упомянуть это и в приказе по отряду, да-с; но-о не в ущерб для своих действий — это прошу иметь прежде всего в виду-с!.. Если турецкие корабли стоят на причале, скажем, у самой набережной, а вдоль этой набережной расставлены орудия береговых батарей, которые калеными ядрами в нас лупить будут, отчего у нас непременно — это прошу иметь в виду-с! — непременно начнутся пожары, то как же команды наши сохраняют ледяное хладнокровие для ответной стрельбы, чтобы нисколько не пострадал от нее город? Я по крайней мере не в состоянии этого себе представить... Вот вы, Владимир Иванович, были сами в Наваринском бою...

— Отлично помню, ваше превосходительство, — снова поднявшись, заговорил Истомин. — Помню, что турецкие суда взрывались и горящее дерево с них несло на город.

— Вот! Вот-с! Именно это я и хотел сказать! — подхватил Нахимов, щелкнув пальцами. — Пожары, возможно, будут у нас на судах, пожары — непременно это — будут у них на судах, и пожары — мы избежать этого не сможем — начнутся и в городе, поближе к месту боя... Это закон! Это война. Это не какая-то там игра девичья в фанты: «Черного-белого не покупайте», по берегам отнюдь не стреляйте, а то англичане на нас надуются — не турки, нет! Однако же турки напали на наш пост святого Николая? Напали! Всех там уничтожили и самый пост захватили? И уничтожили и захватили! Так почему же мы это должны терпеть-с, я вас спрашиваю? Мы воюем или нет? Воюем — был выпущен высочайший манифест о войне с Турцией. Суда турецкие топить в море можем? Можем — это право нам дано... дано, несмотря на то-с, что Англия претендует на очень многое, госпо-

да! На то претендует, как вам и без меня известно, чтобы во всем мире, на всех океанах и морях не было сделано ни одного выстрела без ее, Англии, на то разрешения, вот на что-с!.. Но я отвлекся в сторону от сути дела, господа... А суть заключается, по-моему, вот в чем... Орудия на берегу — их всех оказалось сорок, господа, так как две батареи у них по восьми орудий, остальные четыре по шести, — эти орудия для нас наиболее опасны-с. Это первое, да-с... Но ведь турецкие адмиралы надеются не только на них, иначе они не стояли бы в своей ловушке-с...

— Не думают ли они нам ловушку устроить? — спросил Новосильский, так как к нему обращен был взгляд Нахимова.

— Именно-с! Именно-с! Это самое! — И вздернул плечи, как бы внезапно пораженный такой догадливостью, Нахимов. — Но как же все-таки устроят они эту ловушку?

Теперь Нахимов переводил глаза с одного на другого из сидевших около него за столом, и командир корабля «Три святителя» Кутров ответил за всех:

— Допустить можно, что хотят поставить нас в два огня, ваше превосходительство.

— В два огня? Каким образом в два огня?

— А это я в том смысле, что, может быть, уже идет другая турецкая эскадра сюда из Босфора, — объяснил Кутров.

— Прекрасно-с! Это был бы для нас самый лучший выход из положения! — очень оживленно отозвался Нахимов. — Я лично был бы очень рад и с тремя своими кораблями пошел бы второй эскадре навстречу, а Федор Михайлович со своими встретил бы как нельзя лучше синопцев. Таким образом мы избежали бы чего именно-с? Да прежде всего необходимости подставлять себя под выстрелы береговых батарей, вот чего-с! А в них-то и заключается эта самая для нас приготовленная ловушка-с!

Тут Нахимов выждал некоторое время, переводя глаза с Истомина на Кузнецова — командира «Ростислава», с Кутрова на Ергомышева — командира корабля «Константин», — и добавил, понизив голос, точно выдавал нечто весьма секретное:

— Не знаю-с, как сделают турецкие адмиралы, а я бы сделал на их месте так: снял бы орудия со всех судов с одного борта да поставил бы их на берегу-с, вот как-с!.. А вдруг они именно так и сделают, господа, а? Ведь у них берег, а не у нас, а половина их орудий все равно им бесполезна для дела... И вот при таком обороте, господа, мы имели бы против себя на берегу не сорок,

а двести семьдесят, если не больше, пушек. Вот если мы с этим столкнемся, то тут-то и будет для нас ловушка-с! Вот это и будет значить вполне и решительно: поставить нас в два огня-с!

Озабоченно переглянулись командиры судов, а Новосильский сказал успокоительно:

— Не догадаются сделать так турки, Павел Степаныч!

— А если там есть, кроме турок, и англичане и французы? — обратился к нему Истомин.

Спицын же, командир «Кагула», покрутив головой и улыбаясь, ответил Истомину за Новосильского:

— Хотя я и не турок, но, признаюсь, ни за что бы не догадался так сделать!

И все улыбались, глядя на этого бедового капитан-лейтенанта, который сорок пять часов тащил за собой, как на невидимом буксире, четыре фрегата противника, справедливо рассудив, что бой с ними не может сулить ему победы, и к чему в таком случае напрасно и заведомо отдавать гибели и судно и команду, если можно этого избежать.

— Вы, Федор Михайлович, говорите — не догадаются, но нам надо действовать так, чтобы не допустить их до этого, если бы они и догадались вдруг, — сказал Новосильскому Нахимов. — Пока они этого не сделали — я лично за этим слежу, — а за один завтрашний день уже не успеют этого сделать; двести с лишком орудий снять с судов — на это на одно нужно большое время, но ведь нужно не только их снять, а еще и установить на берегу в укреплениях — на это времени втрое больше-с; так что о-поздали они с этим, господа! — протянул он и укоризненно, по адресу турецких адмиралов, покивал головой.

— Да если бы они сделали, так раньше! — сказал командир «Чесмы» Микрюков.

— А у них было время именно так сделать, — дополнил сказанное им Барановский.

Нахимов же заключил:

— Тогда они были бы неприступны-с! А если бы вдруг они взялись за это сегодня, то завтра же утром мы их должны были бы атаковать... Но я думаю все-таки, что завтра мы еще можем дать несколько отдохнуть и оглядеться в незнакомой местности командам новоприбывших судов, что я считаю очень важным, а восемнадцатого, господа, может быть атака, и там уж что бог пошлет, да-с, что бог пошлет!.. Однако в успех я верю. Надеюсь вполне на вас, что верите и вы все; а уж что касается младших офицеров и молодцов-матросов, то в этих не может и тени воз-

никнуть сомнения, что они обрадуют Россию... и тени сомнения быть не может... Расскажите, господа, вашим командам о Наваринском бое. Вот вы, Владимир Иванович, как очевидец, да и дар слова имеете, хорошо можете это им напомнить! (Истомин поднялся, слегка наклонил корпус и сказал: «Есть, Павел Степаныч!») Напомните матросам, как еще за месяц до Наваринского боя турки выказывали страх перед русскими — не перед английскими, не перед французскими, а именно перед нашими судами! Когда мы, делая эволюции только, сближались с их судами — это видели тогда все, господа! — турки бежали в сторону английского флота. Английский флот казался гораздо менее страшен, чем русский: вот как напугал их еще адмирал Ушаков!¹ Я сам читал после, где-то в английской газете печаталось письмо сына адмирала Кондрингтона из Наварина матери в Лондон; от тех времен письмо — и он буквально пишет матери то самое, что я вам сейчас сказал. Так что, стало быть, и англичане этот страх турок перед русскими моряками заметили-с! А строй их и перед Синопом такой же самый, как и в Наваринской бухте: подкова-с... полумесяц... самый неудачный для них строй, так как не станут же они идти на охват нас с обоих флангов! Вообще я уверен, что двигаться они не станут, поэтому и мы станем на якорь, как только войдем и построимся против них...

— Этот строй удобен для них только затем, чтобы выбрасываться на берег, когда они будут разбиты, — вставил Новосильский, лишь только сделал паузу Нахимов.

— Да, они выкинутся, это так, и едва ли, едва ли, господа, нам удастся захватить что-либо из этих судов, — посетовал Нахимов. — Если ветер послезавтра не переменится, то он будет нам в спину, а им в лицо. Вот еще причина, что мы должны укрепиться на своих местах, иначе нас ветер погонит на их суда, а это худо. Войти же на рейд мы должны будем двумя колоннами: я с тремя кораблями буду действовать против их правого крыла и батарей, а вы, Федор Михайлович, тоже с тремя, — против левого и тоже двух или трех береговых батарей — это смотря по тому, смогут ли нас достать их крайние две батареи; мне кажется, что они у них стоят неудачно, однако дело покажет, сколь дальнобойны там орудия... Что еще мне вам остается сказать, господа? Подробности будут изложены мною в приказе, за которым прошу прислать по одному младшему офицеру завтра

¹ Адмирал Ф. Ф. Ушаков (1744—1817), командуя Черноморским флотом, прославился неоднократными победами над турецким флотом.

утром, а пока думаю я, что туркам ничего больше не остается, как защищаться отчаянно... Они хотя и верят в кисмет — в судьбу, но дешево жизни не продадут, и потери у нас должны быть немалые — главным образом от береговых батарей, разумеется. Так что если мне суждено будет погибнуть во время сражения, то команда эскадрой переходит к контр-адмиралу Новосильскому.

3

На другой день утром показалось со стороны Севастополя еще одно парусное судно, шедшее явно на соединение с отрядом Нахимова. Скоро узнали в нем фрегат «Кулевчи», бывший под командой капитан-лейтенанта Будищева, общего любимца во флоте, способного выкинуть любую озорную штуку. Он не стал бы уходить от четырех фрегатов Османа-паши, он непременно бы затеял с ним драку, и как знать — может быть, драка эта кончилась бы у него тем же, чем и у Казарского, на бриге «Меркурий».

Под его командой даже и самый этот фрегат «Кулевчи» приобрел какой-то озорноватый вид. Задор сквозил во всех его снастях даже и теперь, после двух суток пути по очень беспокойному морю.

По приказу Меншикова он вышел из Севастополя на рассвете 15-го числа, чтобы передать наконец Нахимову «высочайшее повеление», как ему следует поступать.

Хотя это повеление было уже передано ему на словах Новосильским, но одно дело на словах и совсем другое — на бумаге.

От Будищева Павел Степанович получил тот самый пакет, который посылал Меншиков раньше, с пароходами «Одесса» и «Громоносец». Но оба парохода попали в шторм 7—8 ноября, который так повредил их, что они, не дойдя до эскадры Нахимова, повернули снова в Севастополь.

Высочайшие повеления состояли из трех пунктов: во-первых, турецкие приморские города не атаковать; во-вторых, турецкий флот стараться истребить, если он вышел в море; и в-третьих, стараться отрезать сообщение между Константинополем и Батумом.

Повеления эти весьма запоздали: они были помечены 23-м числом октября.

— Так-с... Да-с... Очень хорошо-с... Я уж над этим думал и

говорил вчерашний день-с, — бормотал Нахимов. — В Синопе есть консульства... На них непременно выкинут национальные флаги... А, как вы полагаете? — спросил он Будищева, продолжая держать полученную от него бумажку.

— Не только свои флаги выкинут, — отвечал Будищев, — а и себя также как можно дальше от Синопа, чуть только увидят, что наши корабли входят в рейд, Павел Степаныч!

— Ну да-с, это, конечно, так и будет, — согласился Нахимов. — Насчет консульских домов можно будет вставить в приказ, а гарантии дать, что они останутся в целости, — этого уж от меня не просите-с!

Был, кроме этого пакета, еще второй, более поздний, от Меншикова. Князь писал:

«Приказываю вам, по истреблении в Синопе неприятельских судов — двух фрегатов и двух корветов, — пройти с эскадрою вдоль Анатолии к восточным берегам Черного моря, у которых появились турецкие пароходы и делают нападения на крейсирующие там суда...»

— Вот как? — изумился Нахимов. — А на какие же суда делались ими нападения, не знаете? И кто именно привез эти сведения в Севастополь?

Будищев ответил, что сведения получены там от командира парохода «Херсонес» Руднева, который был в эскадре Серебрякова при атаке поста св. Николая, окончившейся неудачно, а нападение трех пароходов на «Флору» было блестяще отбито, и совершенно без потерь.

— Ах молодцы! Вот молодцы! — обрадовался Нахимов, услышав о «Флоре» — Команда, команда у Скоробогатова молодец к молодцу! Да ведь и сам молодчина — весь в команду свою; а команда — в него-с. И неужели же столько часов боя — и так-таки ни одного человека не потерял?

— Руднев привез донесение об этом от контр-адмирала Вукотича.

— Ну, с нами уж этого быть не может, — озабоченно возразил Нахимов. — Береговые батареи — вот что будет нам в тягость... Против адмирала Серебрякова что же там могло быть выставлено на берегу? Пустяки-с! И то вот — вы говорите — неудача, а в Синопе совсем не пустяки, да, кроме того, еще и двенадцать военных судов, из них два парохода. В умелых руках эти два парохода могут зайти нам в тыл и обстреливать наши корабли продольно — вот что скверно-с! Да еще есть предположение, что среди команд их видели англичан, а не

кого-нибудь... В таком случае вы будете вместе с «Кагулом», оба фрегата, отряжены на предмет наблюдения... за действиями этих самых двух пароходов. Так будет лучше всего-с... А что они те самые — два из тех трех, — в этом сомнения быть не может-с... Третий же или сейчас в Требизонде, или ушел в Босфор, за подмогой Осману-паше... Да, это скорее всего, что он послан в Константинополь, и нам поэтому надо же завтра покончить с этим делом... Прощайте-с пока, готовьте своих людей к сражению; хотя они и устали, но что же делать-с. А часа через два одного из младших офицеров пришлите ко мне за получением приказа.

Так как сражение предстояло весьма серьезное, то и приказ Нахимова оказался довольно обширным. Он касался и диспозиции судов во время боя, и действий их перед началом боя и в самом начале, справедливо полагая, на основании опыта Наварина, что раз бой начался, то руководить им в дальнейшем ему, командиру всего отряда, будет трудно.

Вот этот исторический приказ с небольшим сокращением:

«Располагая при первом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе в числе семи фрегатов, двух корветов, одного шлюпа, двух пароходов и двух транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по оной на якорь и иметь в виду следующее:

1. При входе на рейд бросать лоты, ибо может случиться, что неприятель перейдет на мелководье, и тогда стать на возможно близком от него расстоянии.

2. Иметь шпринт на оба якоря; если при нападении на неприятеля будет ветер N, самый благоприятный, тогда вытравить цепи шестьдесят сажен, иметь столько же и шпрингу... Вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недействительными от малейшего невнимания и промедления времени.

3. Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов на рострах я сделаю сигнал спустить их у борта на противолежащей стороне неприятелю.

4. При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги, посылать же для овладения ими не иначе как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если бы с неприятельскими судами дело и было кончено.

5. Ныне же осмотреть заклепки у цепей, на случай надобности расклепать их ¹.

6. Открыть огонь по неприятелю по второму адмиральскому выстрелу, если пред тем со стороны неприятеля не будет никакого сопротивления нашему на него наступлению; в противном случае палить как кому возможно, соображаясь с расстоянием до неприятельских судов.

7. Став на якорь и уладив шпринг (то есть повернув им корабль бортом к неприятелю), первые выстрелы должны быть прицельные; при этом хорошо заметить положение пушечного клина на подушке мелом для того, что после, в дыму, не будет видно неприятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собой разумеется, что он должен быть направлен по тому же положению орудия, как и при первых выстрелах.

8. Атакуя неприятеля на якоре, хорошо иметь, как и под парусами, одного офицера на грота-марсе или салинге для наблюдения при батальном огне за направлением своих выстрелов, а́ буде они не достигают своей цели, офицер сообщает о том на шканцы, для направления шпринга.

9. Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» во время действия оставаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему.

10. Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на которых будут подняты национальные их флаги.

В заключении выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменявшихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг.

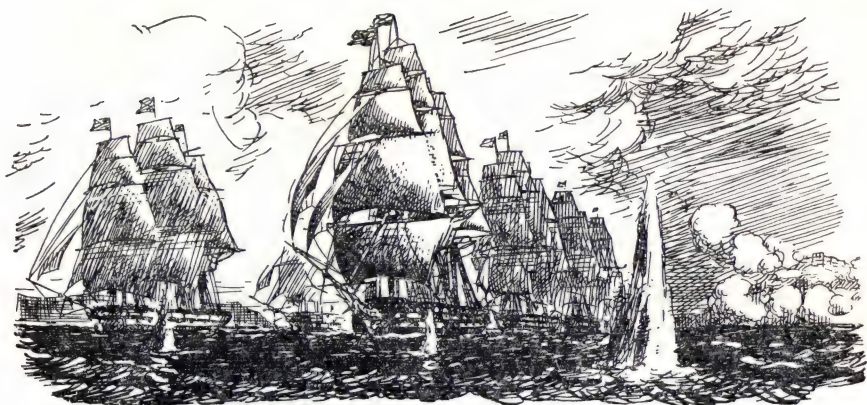
Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

Морской бой обыкновенно бывает очень короткий сравнительно с сухопутным боем, но в то же время чрезвычайно значителен по своим результатам, и командиры судов, получив

¹ Заклепки на скобах якорной цепи, соединяющие отдельные куски цепи. При необходимости поспешно сняться с якоря гораздо легче расклепать такую заклепку, чем вытянуть всю длинную якорную цепь.

приказ, знали, конечно, что им надо готовиться к сражению, которое назовут историческим, но в то же время знали и другое — что успех его будет зависеть от всей подготовки к нему, тянувшейся и для них самих и для команд их судов долгие, очень долгие годы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Нахимов в своем приказе, данном 17 (29) ноября, не назначил дня атаки. Он сознательно, конечно, допустил полную неопределенность в этом, откладывая сигнал к атаке до «первого удобного случая». Военное судно, крейсируя в море во время войны, всегда должно быть готово к этому сигналу, и нет нужды заранее назначать для этого определенный день или час, тем более что «первый удобный случай» вполне может разминуться с этим заранее назначенным днем, даже часом.

Однако про себя он решил действовать без промедлений: слишком долго он ждал, крейсируя без захода в порт свыше месяца в штормовые погоды, именно этого «удобного случая», чтобы упустить его, когда он представится во всей желанности и силе.

Утром 18-го (30-го) числа было мглисто, сеялся мелкий дождь, видимость была скверная. Но при всем этом дул самый благоприятный для нападения на суда в Синопской бухте ветер — норд, хотя и шквалистый; временами он ревел глухо, как в лесу, в снастях восьми русских судов, временами слабел.

Ночью ветер был гораздо яростней, и дождь лил крупный, упорный, и темнота кругом была кромешная, так что трудно было ожидать, чтобы утро предоставило «удобный случай» для атаки турецкого флота.

Скупо и медленно пробивался свет сквозь сплошную тучу, окутавшую небо над морем. В восемь часов все кругом было еще очень неразборчиво, только в девять наконец прояснилось, и дан был сигнал с адмиральского корабля «Мария» спустить гребные суда соответственно приказу.

Это показало всем, что скоро начнется дело. Спуская шлюпки с палубы за борт, матросы взглядывали на мачты «Марии»: не появится ли новый сигнал, после которого окончательно должен стать ясным даже этот только что наступивший дождливый день. И сигнал был поднят в половине десятого: «Приготовиться к бою и идти на синопский рейд...» Слов было очень мало — смысл их большой.

На судах и без того все были готовы к бою, и только оставалось дело за судовыми священниками: боцманы, взявшись за свои свистки, вызывали всех матросов наверх, на молебен, который тянулся довольно долго. Но вот он кончился, заплескались на брам-стенях национальные флаги, отданы были якоря, и эскадра двинулась к Синопу, строясь по заранее полученной диспозиции, на ходу, в две колонны; правую вел Нахимов на «Марии», левую — Новосильский на корабле «Париж». Вместо «Ростислава» в колонну Нахимова вступил вторым «Константин», третьей оставалась «Чесма», так что колонна Новосильского, в которой было два стопушечных корабля — «Париж» и «Три святителя», — оказывалась сильнее колонны самого Нахимова. Это был жест великодушия со стороны командира отряда.

Но, кроме этого мотива, было также и соображение, казавшееся Нахимову вероятным: он заметил, что наиболее сильные турецкие суда — шестидесятипушечные фрегаты, которых было всего четыре, — расположились на флангах, на рогах полумесяца, по два с каждого фланга, а более слабые, сорокапушечные, — в середине; причем между обоими крыльями был интервал, дававший возможность действовать большой батарее, расположенной прямо на набережной Синопа.

Против колонны Нахимова должно было прийти шесть судов, против колонны Новосильского — только четыре, но зато на эту колонну ложилась задача борьбы и с береговой батареей на набережной, в то время как суда Нахимова должны были не только подавить огонь пяти турецких фрегатов и корвета, но

еще и уничтожить батарею укрепления, лежавшего вне городской черты, однако в близком соседстве с городом.

Каждой из колонн, кроме того, предстояло выдержать и погасить огонь батарей, охранявших вход в бухту; две же остальные батареи, которым Нахимов не придавал особого значения, не могли влиять на исход боя, так как находились довольно далеко от Синопа, но их нельзя было миновать, огибая полуостров, чтобы войти в бухту.

Когда началось движение русских судов, шел уже двенадцатый час.

Продолжал идти дождь, продолжал гудеть порывистый ветер. Команды всех восьми кораблей были приподнято настроены: никто не сомневался в победе; однако не всякий был уверен в том, что уцелеет в бою, а на судно под вице-адмиральским флагом, на «Марию», глядели напряженно, чтобы не пропустить сигнала к началу боя или последних важных приготовлений к нему.

Но вот действительно взвился сигнал.

— Что там? Какой сигнал? — И не верят глазам: адмирал, как на ученье, в мирной обстановке, показывает: «Полдень». И ничего больше. «Полдень»... Можете посмотреть на свои часы и поставить их по адмиральским.

Через пятнадцать—двадцать минут начнется жестокий бой, а пока ничего, полное спокойствие, «адмиральский час» — полдень, — суда идут полным ходом при попутном ветре, и сквозь кисею дождя уже видны на перешейке полуострова стены Синопа.

Чтобы не подвергать суда своего отряда действию двух передовых турецких батарей, Нахимов прошел мимо них в расстоянии больше чем миля. Хотя огонь ими и был открыт, снаряды не долетали. Две батареи эти могли бы оказать большую услугу туркам в случае высадки русского десанта на полуострове, как это и предполагал сделать еще в сентябре Корнилов, но при нападении непосредственно на синопский флот двенадцать орудий этих батарей были бесполезны для защиты.

Зато чуть только оба флагманских корабля, «Париж» и «Мария», подошли на пушечный выстрел к середине полумесяца турецких судов, как с флагманского фрегата «Ауни-Аллах», на котором был вице-адмиральский флаг Османа-паши, раздался первый выстрел.

Вслед за ним засверкала, загрохотала, запенилась, задымилась вся бухта. Командиры турецких фрегат и корветов стремились со всею поспешностью воспользоваться выгодой своего

положения. Их суда стояли уже в боевом строю, охватывающем две параллельные колонны русских судов, которые должны были еще строиться в боевой порядок, неизбежно такой же самый, как и у их противника: полумесяц против полумесяца, меньший по дуге против большего; тем более что, кроме парусных, у турок во второй линии дымились трубы двух пароходов — это слева от входа в бухту, а справа, за линией боевых судов, виднелись два транспорта и в третьей линии — два купеческих брига.

Но рассмотреть такие подробности можно было только с подхода, пока не загремела канонада; потом белый, как вата, густой пушечный дым покрыл все море от судов до берега, а русские корабли засыпало тучей осколков чугуна.

Турецкие артиллеристы целились вверх, в мачты, в такелаж: так было им приказано, такова была тактика морского боя у турок — тактика паука, который, кидаясь к запутавшейся в его паутине мухе, прежде всего откусывает или обвивает паутиной ей крылья, чтобы лишить ее способности двигаться.

У турецких командиров был и еще расчет на то, что русские матросы будут посланы вверх по вантам убирать паруса, представлявшие слишком благодарную цель, и вот тогда-то они посыплются вниз, как яблоки с яблонь во время осенней бури.

Но Нахимов был опытен, он помнил Наварин, когда познакомился впервые с тактикой турок. Его забота о парусах была проявлена раньше, когда он приказал их взять на гитовы, чтобы уменьшить давление на них ветра и тем уменьшить их площадь.

Отнюдь не без выстрела шли обе колонны: орудия правого борта кораблей Нахимова и левобортные пушки Новосильского отстреливались направо и налево; но в то время как турки имели перед собой одну цель и одну задачу — нанести нападающим как можно больше вреда, — нападающие должны были под смерчем снарядов становиться на якорь в определенной дистанции друг от друга и устанавливать при помощи шпрингов свои корабли. Это проделывалось на ученьях в море, но тогда обстрел с неприятельских судов или береговых батарей только предполагался, теперь он гремел со всего полукружья.

Кроме сплошных ядер, летели и книпеля — снаряды, состоящие из двух полушарий, скрепленных общим железным стержнем. Они обрывали снасти судов — это и было их назначение. «Вы пришли, но вы не уйдете назад!» — так можно было перевести грозный рев и гул открытой турками канонады.

Восточный кисмет — рок, судьба — стоит тут же со своими

весами, на которых все взвешено заранее, и ничего изменить нельзя, но на чашу весов этих прежде всего положено старинное военное искусство турецких моряков. Четыреста лет назад турецкий флот принес гибель Византии и вслед за тем овладел всеми берегами Черного моря. 1853 год был юбилейным годом для турок.

Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» остались позади и вне выстрелов даже со стороны береговых батарей, а головные корабли «Мария» и «Париж» в полуверсте от противника остановились и повернулись к нему — первый правым, второй левым бортом, как это было предусмотрено диспозицией. Спокойно и быстро там и тут опустили якорь. По флагманским строились остальные суда. Пальба, начавшаяся на ходу, стала теперь и сильнее и серьезней: каждый из кораблей сосредоточил весь свой огонь на одной определившейся цели.

Два старых наваринца очутились друг против друга: Нахимов на «Марии», Осман-паша на сорокачетырехпушечном фрегате «Ауни-Аллах». Только полкилометра разделяло их, но глазомерно на таком же почти расстоянии от «Марии» стал «Париж», потому что таков был интервал между соседним с фрегатом небольшим корветом «Гюли-Сефид» и ближайшим к нему фрегатом «Дамиад» из правого крыла турецких судов. В интервале же действовала береговая батарея в двенадцать орудий большого калибра.

Страшны по своему действию такие орудия береговых батарей, и лучше чем кто-либо другой знал это Нахимов, но он надеялся на свой противовес — шестидесятивосьмифунтовые бомбические пушки, из которых состояли батареи нижних палуб крупнейших судов Черноморского флота.

Английские газеты ничего не писали об этом. Но как бы ни замалчивались шестидесятивосьмифунтовые русские гаубицы англичанами, эти пушки очень внушительно заговорили сами в этот злосчастный для турок день. И когда заговорили, то трудно уже было даже офицерам-наблюдателям со своих салингов, а тем более с грот-марсов разобраться как следует в том аду, который точно из недр Синопской бухты вырвался и закипел перед их глазами.

Точно при извержении вулкана, поднявшегося со дна моря, бухта вся клокотала, клубилась дымом, белела высокими фонтанами здесь и там, вздвигала волны, стонала, ревела, грохотала, сверкала огнями выстрелов, как молниями из туч...

Нахимов все время находился на юте с неизменной подзорной трубой. Кусок стены, разбитой ядром, упал вниз, ему

на плечо. Наваченная шинель и эполет сюртука спасли его плечо от перелома. Мелкие щепки и клочья разорванных парусов и вант сыпались на него, но он держался совершенно спокойно, как держался бы под дождем.

Не только за стрельбой с «Марии» следил он, насколько возможно было что-нибудь разглядеть, но и за действиями других судов. Он даже хотел, как на ученье, поднять сигнал — благодарность «Парижу» за быстроту и отчетливость его маневров, но не на чем было поднять этот сигнал: фалы — сигнальные веревки — были перебиты.

Оба флагманских корабля, «Мария» и «Париж», приняв на себя всю тяжесть первых минут боя, нанесли и первые большие потери врагу. Не больше как через полчаса после начала сражения «Ауни-Аллах» уже отклепал свою якорную цепь.

Кто и зачем приказал это сделать — сам ли Осман-паша, бывший уже десять лет в чине адмирала, или командир фрегата на свой страх и риск, — но фрегат под вице-адмиральским флагом первым вышел из строя.

Он и не шел — разумной человеческой воли не было заметно в его движении, — его несло ветром между линиями сражающихся судов, вправо от того места, где он стоял. Весь растерзанный бомбами с «Марии», с горами трупов на палубе, он похож был на призрак фрегата и, однако же, двигался куда-то неизвестно зачем.

Выйдя из-под огня «Марии», попал он под пушки «Парижа» и наконец, полуразрушенный, выкинулся на мель под правой береговой батареей.

Некогда было следить за его судьбой — и у «Парижа» и у «Марии» оставалось еще довольно противников, кроме сильной береговой батареи, с которой только теперь, в середине боя, начали вдруг лететь каленые ядра.

Но поздно! Раньше чем вызваны были ими легкие пожары на русских судах, пламя охватило «Фазли-Аллах», стоявший в соседстве с флагманским фрегатом, бежавшим из боя так бесславно.

«Фазли-Аллах», бывший «Рафаил», пылал, точно исполняя заблаговременно приказ о нем: «Предать фрегат «Рафаил» огню, как недостойный носить русский флаг, когда попадет снова в наши руки». Все офицеры этого фрегата, возвратившиеся из турецкого плена, были разжалованы в матросы без выслуги, а фрегат, хотя и старой постройки, старательно подновлялся и сберегался турками, как единственный их трофей во всех боях

с русским флотом, начиная со времен Орлова-Чесменского¹.

Теперь этот трофей пылал, как факел, черным столбом своего дыма выделяясь над белым полотнищем дыма от пушек. Но вот стало заметно, как этот чёрный столб и языки багрового пламени под ним движутся к берегу, под батарею; это командир фрегата решил повторить маневр своего адмирала — якорная цепь была расклепана, пылающий фрегат выкинулся на берег.

Почти вслед за ним настала очередь и корвета «Гюли-Сефид»: бомба с «Парижа» проникла в его кюйт-камеру, и корвет взлетел на воздух от взрыва. В облако дыма метнулось снизу темное облако обломков и человеческих тел и упало в бухту около мола.

Но с «Парижем» не корвет «Гюли-Сефид» вел борьбу, а два шестидесятипушечных фрегата — «Дамиад» и флагманский «Низамиз», с контр-адмиральским флагом, — по числу орудий равные «Парижу».

Покончив с бывшим «Рафаилом», Нахимов хотел было дать приказ «Марии» идти на помощь «Парижу», но разглядел, что «Дамиад» уже пьтится к берегу, чтобы выброситься так же, как и «Рафаил», а долго ли мог сопротивляться «Парижу» один «Низамиз», у которого были перебиты уже все мачты! Вот уж и на нем отклепали якорную цепь, и, отодвинувшись к берегу, он загорелся вдруг, подоженный, видимо, своей же командой.

Прошло всего только сорок минут с начала боя, а половина турецкого флота — четыре фрегата из семи и корвет — погибла, сражаясь против двух только русских кораблей, погибла, несмотря на могущественную поддержку береговой батареи.

Однако огонь батареи этой не ослабел, и потому сначала «Мария», а за нею «Париж» направили против нее все свои пушки одного борта, как против сильнейшего из звеньев всей вражеской цепи.

Эта батарея по тому месту, какое занимала она в общем ряду береговых батарей, называлась у турок пятой; влево от нее по берегу расположена была (вне города) четвертая, вправо — шестая, последняя.

Пока «Мария» и «Париж» стояли против пяти турецких судов и пятой батареи в их тылу, корабли правой, нахимовской колонны, выдерживая усиленную пальбу с четвертой и более далекой третьей батареями, боролись с двумя шестидесятипушеч-

¹ Граф А. Г. Орлов (1737—1808) — командовал русской эскадрой в Средиземном море. За победу над турецким флотом при Чесме (25—26 июня 1770 года) получил титул Чесменский.

ными фрегатами — «Навек-Бахри» и «Насим-Зефер» — и корветом «Неджин-Фешан».

Минут двадцать длился бой — казалось, так, без всяких результатов. Против двух крупных кораблей действовали две батареи, и эта помощь менее сильным, чем русские, судам не только уравнивала силы, но могла бы стать сокрушительной, если бы не шестидесятисосьмифунтовые пушки, занимавшие нижнюю палубу «Константина».

«Константин» был уже окружен фрегатами и корветом; на нем тушили два небольших пожара, возникших от каленых ядер. «Чесма», ведшая в это время перестрелку с третьей батареей, спешила уже, снявшись с якоря, ему на помощь, как вдруг раздался взрыв, покрывший страшным грохотом всю канонаду: снаряд одного из бомбических орудий «Константина» покончил с фрегатом «Навек-Бахри».

Взрыв корвета «Гюли-Сефид» не мог бы быть назван слабым сравнительно со взрывом этой громады. Мгновенно возникнув из дыма огромным столбом, обломки, обрывки, куски человеческих тел — все это обрушилось на четвертую батарею, загрозив ей так, что она умолкла совершенно. Видно было в трубы, как бежали от нее в сторону города турецкие артиллеристы.

«Чесме» оставалось только усилить свой огонь против этой батареи, чтобы скрыть ее до основания и повернуться потом к третьей, которую обезвредить было гораздо труднее. А «Константин» повернулся на шпринге и продолжал бой с фрегатом «Насим-Зефер» и корветом, и минут десять еще длилась эта борьба, пока ядро не перебило якорную цепь фрегата.

Ветер понес его к молу против греческой части Синопа, и на корвете сочли, что больше ничего не остается делать, как последовать за своим товарищем. Провожаемые огнем «Константина», фрегат и корвет выбросились на берег около пятой батареи; их команды бежали в город.

2

Бой нахимовской колонны с левым крылом турецких судов, которым руководил вначале непосредственно Осман-паша, почти закончился. Сопротивлялась огню «Чесмы» только третья батарея, но бой колонны Новосильского с правым крылом был к этому времени еще в разгаре.

Казалось бы, что это крыло, состоявшее только из трех фрегатов и корвета, под начальством контр-адмирала Гуссейна-

паши, было слабее левого, но оно пользовалось мощной поддержкой пятой и шестой батареей, а для русских судов, предводимых «Парижем», несчастливо сложились в самом начале случайности боя, которые невозможно предотвратить, потому что нельзя предвидеть.

В то время как «Париж» вел огонь по корвету «Гюли-Сефид», крайнему в левом крыле, и отражал весьма энергичный огонь двух фрегатов правого крыла — «Дамиада» и «Низамиэ», стоявший непосредственно за ним «Три святителя» вступил в бой с фрегатом «Каиди-Зефер», а на долю «Ростислава» выпала задача гораздо более сложная: кроме корвета «Фейзи-Меабуд», против него направила все свои усилия шестая батарея.

Неудача корабля «Три святителя» состояла в том, что он в самом начале боя потерял возможность управления: неприятельское ядро перебило его шпринг. Оставшись на одном только якоре, огромное судно это по воле ветра повернулось и к своему противнику, фрегату, и к шестой батарее кормою, то есть попало под продольные выстрелы врагов — положение, самое опасное из всех, в какое могло попасть парусное судно; его орудия обоих бортов не были в состоянии отвечать на обстрел врага.

Ядра и гранаты летели в корабль с двух сторон. Одна за другой были разбиты в две-три минуты все мачты. Желая выручить попавшего в беду товарища, «Ростислав» перестал отвечать корвету «Фейзи-Меабуд», а все орудия левого борта направил против батареи.

Нужно было заменить перебитый шпринг, и с корабля «Три святителя» были спущены баркас и полубаркас с матросами под командой мичмана Варницкого, чтобы завезти верп (якорь) с кормы.

Не так далеко от носа корабля до кормы водою, но в воду у бортов корабля и в корабль летели ядра, и одно из них ударило в полубаркас, на котором были Варницкий и несколько матросов; толстою щепою разбитой лодки мичман был ранен в руку.

Однако кругом пенилась вода, лодка тонула. Некогда было думать о ране, и мичман первым перескочил на баркас, за ним вся его команда. Ледяная вода бурлила от шлепавшихся в нее ядер, дым ел глаза, залпы своих и чужих пушек гремели кругом, но завести якорь было необходимо, и это сделали матросы. И громадина вновь грозно ошетичилась против врага жерлами шестидесяти двух орудий.

Не прошло после этого и десяти минут, как расстрелянный фрегат «Каиди-Зефер» принужден был бросить свое место в строю и выкинуться на берег. Но как раз в этот момент в одно из орудий «Ростислава» ударила граната большого калибра; она не только разорвала это орудие, но, разбив также и палубу, воспламенила пороховой ящик. Взрыв этого ящика (кокора) произвел большое опустошение среди скученных на палубе матросов: до сорока человек из них были ранены или получили тяжелые ожоги. Но страшное действие роковой гранаты на этом не кончилось: на корабле начался пожар, причем загорелся так называемый кожух, и горящие клочья его стали падать у входа в крюйт-камеру, где пороху было куда больше, чем в одном только кокоре, а дверь в крюйт-камеру как раз была приоткрыта.

Буквально секунды решали дело: достаточно было одной искры попасть в крюйт-камеру, и гибель «Ростислава» была неминуема.

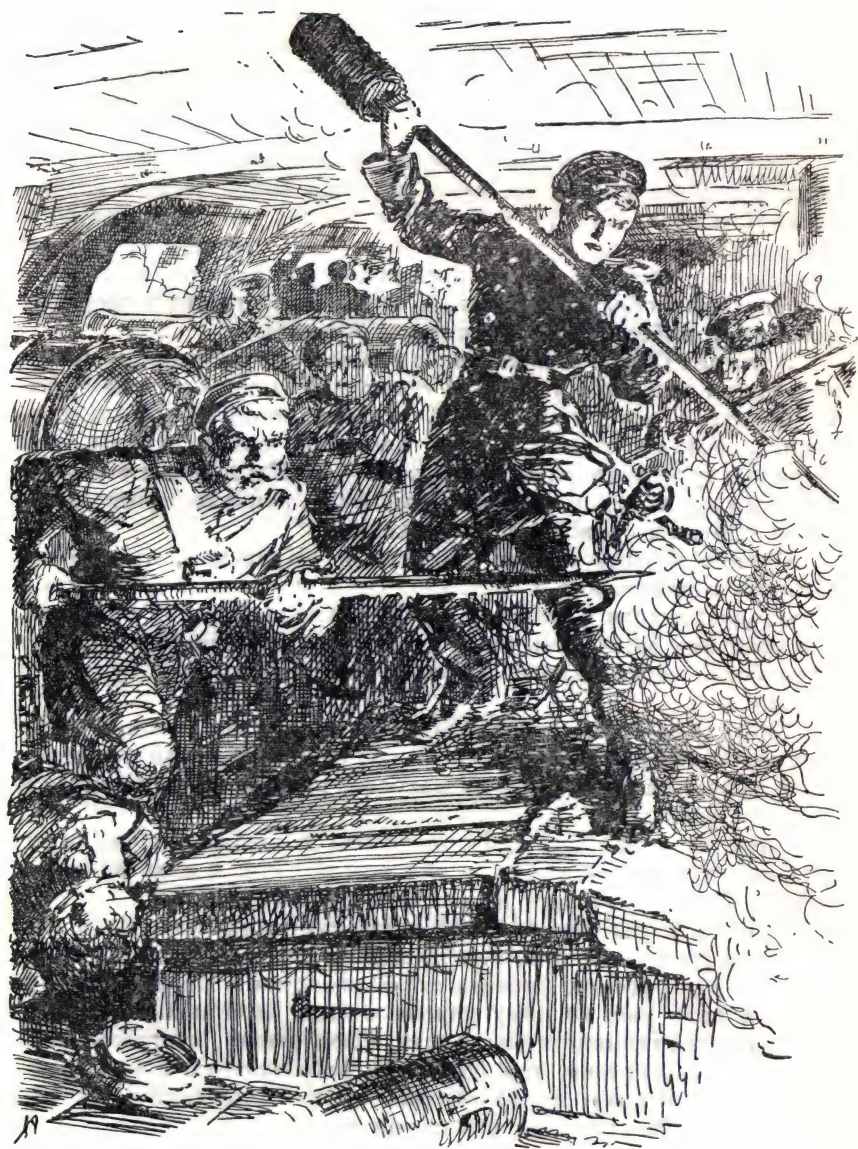
Мгновенно поняв это, проявив полное хладнокровие, тут же бросился к двери крюйт-камеры, чтобы затворить ее, бывший тут и случайно уцелевший при взрывах гранаты и кокора молодой мичман Колокольников.

Он не только закрыл дверь, но, схватив банник и став спиной к этой двери, начал обрывать и отбрасывать банником подальше горящие клочья кожуха. На помощь ему подскочили матросы, которые сорвали наконец весь кожух с крючьев и сбросили его в море.

Так был спасен «Ростислав». Обожженных и раненных вынесли с палубы с той быстротой и четкостью движений, с которой все делается на кораблях не только во время учений, но и в бою, очистили палубу от обломков и, как бы в награду за это, увидели через две-три минуты, что корвет, приславший им гранату, сильно качаясь на ходу, двинулся к берегу вслед за фрегатом «Каиди-Зефер». Все-таки этому корвету, «Фейзи-Меабуд», удалось продержаться чуть-чуть дольше, чем всем остальным военным турецким судам, и покинуть поле битвы последним.

А тем временем пожар, охвативший «Фазли-Аллах», бывший «Рафаил», дошел до его крюйт-камеры, и сильнейший взрыв при усилившемся порде засыпал горящими обломками турецкую часть Синопа.

Загорелся город. Горел фрегат «Низамиэ», подожженный, как оказалось после, бежавшей с него командой. Горели также и один из транспортов и купеческий бриг; другие затонули от

русских снарядов. Горел и один пароход — меньший. Другой же, «Таиф», бежал еще в самом начале боя: адмирал След помнил — и трудно ведь было забыть за такое короткое время — свое сражение с одним почти неподвижным при безветрии русским фрегатом, и этого было с него довольно, чтобы отказаться от попытки зайти в тыл русской эскадре и решиться обстрелять тот или иной корабль продольным огнем своих бомбических орудий.

Под прикрытием дыма от первых же залпов турецких и русских судов он вышел на рейд, но считал более умным совсем бросить и свою эскадру и Синоп и бежать по направлению к Босфору. Конечно, куда как хорошо быть первым вестником поражения, особенно когда поражение это должно быть соответствующим образом освещено, чтобы возвести его в ореол героизма, а победителей заклеймить бесславием.

Адмирал След в самом начале сражения предвидел, конечно, чем может оно окончиться для турок, и хотя числился на службе у султана, хотел явиться в Константинополь истым англичанином, больше политическим деятелем своей страны, чем моряком турецкого флота. Но для того, чтобы явиться с обстоятельным докладом, ему необходимо было, конечно, продержаться за спинами сражавшихся до конца.

Однако в тылу стояли «Кагул» и «Кулевчи», назначение которых в том только и состояло, чтобы следить за действиями пароходов; и хотя «Таиф» не предпринимал никаких действий, все-таки они двинулись было к нему, испытывая при этом все неудобство состязания в скорости между парусным судном и паровым.

Следу ничего не стоило лавировать, как он хотел, — пароход слушался руля, но совсем не то было с парусами при перемене курса: на долю русских матросов выпала очень сложная и трудная работа.

След не видел для себя опасности в весьма неповоротливых фрегатах, от которых он мог всегда уйти, и в то же время нужно было досмотреть до конца кипевший бой.

Однако, когда уже большая часть турецких судов была или взорвана русским огнем, или вышла из строя, выкинувшись на берег, а два русских фрегата стали обходить «Таиф» справа и слева и дали уже по нему первые залпы, за большим расстоянием не причинившие ему вреда, След решил, отстреливаясь, обогнуть полуостров, тем более что наблюдателю с мачты через перешеек полуострова гораздо лучше было видно, что еще происходит на рейде, да и в самом городе.

Но, уйдя от «Кагула» и «Кулевчи», «Таиф» наткнулся на русские пароходы, из которых головной, «Одесса», был под флагом вице-адмирала Корнилова.

3

Вернувшись из своей рекогносцировки с призом, Корнилов отправился в Николаев, где находилось управление Черноморским флотом — место его службы. Надо было сделать там много распоряжений на зиму, и, сделав их, 15 ноября он возвратился в Севастополь.

Нахимов ошибался, когда думал, что подходившая к нему 16-го числа эскадра Новосильского послана благодаря заботам Корнилова: последний узнал об этом в подробностях только в Севастополе, от Меншикова. Но, узнав, он сразу развил всю энергию, на какую был способен.

Как ни ничтожен оказался приз, захваченный им в бою, приз, доставивший ему так много хлопот, пока он довел его до Севастополя, он все-таки не бросил своей прежней мысли: не истребить, а захватить турецкие суда, прижавшиеся к Синопу.

Для того же, чтобы Нахимов с большим успехом мог выполнить именно это, он убедил Меншикова послать к Синопу еще три пароходофрегаты: «Крым», «Одессу» и «Херсонес», под общей командой контр-адмирала Панфилова.

Испытав во время своего недавнего плаванья на «Владимире», чем может грозить нехватка угля в открытом море, он просил Станюковича, командира севастопольского порта, не жалеть угля: поэтому углем не только загрузили трюмы этих пароходов, но его в мешках навалили везде, где было можно, и на палубах.

Четвертый пароходофрегат, «Громоносец», в таком же виде самостоятельно отправлялся в распоряжение Нахимова. Корабли «Храбрый» и «Святослав», сильно потрепанные штормом 8 ноября и отправленные Нахимовым чиниться, теперь, с приездом Корнилова, усиленно готовились к обратной отправке к Синопу. Наконец, приказано было очистить доки от стоявших там уже давно старых и безнадёжных судов — корабля «Султан-Махмуд» и фрегата «Агатопись». Несколько команд матросов посланы были к этим инвалидам, чтобы как можно скорее разломать их и убрать из доков, которые должны были, по расчету Корнилова, пригодиться для ремонта турецких судов, хотя и израненных в бою, но все-таки новой постройки.

К утру 17 ноября все три парохода отряда Панфилова были уже готовы к отплытию.

Но мог ли спокойно оставаться в Севастополе Корнилов, когда там, в Синопской бухте, уже назревал бой? Ему представлялась возможность такого оборота событий, когда Нахимову нужна будет помощь для отражения атаки с тыла; тогда-то вдруг и явится, как снег на голову, с тремя пароходами против нового отряда турецких судов он, Корнилов.

Правда, назначен уже Панфилов, но он адмирал еще очень молодой, неопытный; пожалуй, не сумеет в бою расставить силы, как надо... С этими доводами явился Корнилов к Меншикову.

К удивлению Корнилова, Меншиков с первого же слова не только согласился с ним, но даже сказал:

— Я думаю, что это совершенно необходимо.

Светлейший князь Меншиков, правнук знаменитого сподвижника Петра, был боевой генерал. Он был участником войны с Наполеоном I, а во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов, при осаде турецкой крепости Варны, был ранен ядром в ноги. Однажды он так изумил царя Николая своим знанием морского дела, почерпнутым из книг, что тот не задумался переименовать его из генерала в адмирала и сделать управляющим морским министерством, причем во главе этого министерства стоял тогда сын Николая I Константин, так же как и Меншиков, никогда не командовавший ни одним военным судном.

Меншиков унаследовал талантливость прадеда. Как управляющий морским министерством, он отлично поставил флот, особенно Черноморский, всегда поддерживая адмирала Лазарева во всех его требованиях. Он начал вводить в русском флоте паровые суда, а до того при нем усиленно велась постройка парусных судов на нескольких верфях.

Англичане уже давно зорко следили за состоянием Черноморского флота, копившего силы для выхода на широкую арену Средиземного моря. Когда в марте 1851 года после тяжелой болезни умер Лазарев, многих англичан, прикосновенных к политике, до того обрадовала эта смерть, что они поздравляли с нею друг друга, чокаясь бокалами шампанского.

Адмирал Лазарев действительно создал тесно спаянную общей работой многочисленную семью черноморцев, в совершенстве постигших морское дело.

В то же время Лазарев был не генерал, переименованный высочайшим указом в адмирала, как Меншиков, а моряк от молодых ногтей.

Разумеется, появившись в среде черноморцев (после возвращения из Турции он был назначен командующим всеми сухопутными и морскими силами Крыма), Меншиков и отдаленно не напоминал им Лазарева и внес к ним только петербургский чиновный холод. Благодаря высокомерию его невзлюбили и матросы и младшие офицеры, а он, в свою очередь, начал неприязненно относиться к Нахимову и даже к Корнилову, плохо, по его понятиям, воспитавшим и матросов и младший командный состав.

С этим было связано и то, что, перестав быть начальником главного морского штаба, Меншиков попал в прямое подчинение военного министра, которого он не очень-то уважал. В Севастополе он держался по привычке светлейшим князем и министром, как бы упустив из виду масштабы, которые очень сузились около него и к которым ему надо было себя приспособить. Он привык быть всероссийским, а сделался только крымским. Почетный пост защитника родины в наиболее уязвимом ее месте обернулся обидой, им не заслуженной, так как царь и его военный министр ожидали нападения не на Крым, а на Кавказ, хотя сам Меншиков совершенно справедливо предугадывал вторжение французов и англичан именно в Крым.

Ни с частями гарнизона крепости Севастополь, ни с моряками Меншикову не удалось сблизиться.

В пехотных частях возбуждало полное недоумение, что командовать ими назначен этот высокий адмирал то в черной шинели, то в белых брюках, а в морских экипажах отлично знали, что он не моряк, поэтому относились к нему, как к чужому.

Он пытался приглашать адмиралов и капитанов 1 ранга к себе на чашку чаю, но беседа с ними у него, восхищавшего своими остротами двор, никак не клеилась.

Штаба у него не было. Адъютанты служили ему только для посылок.

Оторванный от привычной для него жизни в столице, Меншиков мог бы, конечно, проникнуться сознанием, что вот ему доверено царем вынести удар врагов России и отразить его, однако этого не было: в Петербурге были уверены, что военные действия будут на Кавказе; значит, и отражать удары предназначалось другим, а не ему.

Морские офицеры привыкли к тому, что подозрные трубы Корнилова, Нахимова и других адмиралов направлены с берега на них, когда они на судах на Большом рейде вели занятия с

матросами, когда выводили суда в море, когда входили снова на рейд.

У Меншикова хотя и была тоже труба, даже бóльших размеров, чем обыкновенная, но она спокойно лежала на подставке в его кабинете...

Высокомерие сановника и неприязнь к Нахимову, которого он считал чересчур демократичным, внес Меншиков и в свой разговор с Корниловым, не питая особой симпатии и к последнему.

— Адмирал Нахимов, конечно, хорошо знает свое дело, в этом ни я, ни кто другой усомниться не может... Но-о, Владимир Алексеич, между нами говоря, морской бой, который предстоит ему, — это ведь не ученье, — рассуждал светлейший. — Мне не один раз приходилось атаковать турок в их укреплениях. Они защищаться умеют, смею вас уверить, и защищаются отчаянно... В таких случаях надо придумать такой маневр, чтобы он ошеломил их, чтобы о-он... заставил их растеряться, а не то что идти напролом, бить в лоб... На это Нахимова хватит. Бить в лоб — это только им на руку. В лоб и... и в Синоп, что запрещено самим государем, как вам это известно.

— Что же может сделать Павел Степаныч, чтобы избежать этого? — спросил Корнилов.

— Что он может сделать, этого-то именно я и не знаю, а вот вы, Владимир Алексеич, я уверен, что-нибудь могли бы придумать там, на месте, чтобы выманить турок в открытое море.

— Спрятать, например, часть судов, а с двумя-тремя войти в бухту и вызвать за собой погоню всей турецкой эскадры? — попробовал догадаться вслух Корнилов, вопросительно глядя на Меншикова. — Но может случиться, что спрятанные суда не успеют подойти вовремя, и тогда получится еще хуже, чем атаковать, не мудрствуя, прямо в лоб.

— На месте виднее, как распорядиться, — уклончиво отозвался Меншиков, — но надо распорядиться умно... Умно, — подчеркнул он, — это главное.

Несколько помолчав, он добавил:

— Кроме того, я, конечно, не сомневаюсь в победе нашего отряда судов над турецким отрядом, и мне хотелось бы, чтобы честь этой победы принадлежала вам.

Что князь не благоволил к Нахимову, это было известно Корнилову, но все-таки он не думал, что князь договорится до этого хотя бы с глазу на глаз. Ему стало неловко, и он сказал:

— Ваша светлость, Павел Степаныч старше меня по производству.

— Это решительно ничего не значит! — поморщившись и презрительно махнув рукой, сказал на это Меншиков. — Он старше вас по производству в вице-адмиралы, вы старше его по своей должности в Черноморском флоте... кроме того, вы генерал-адъютант!

— И все же этого недостаточно, ваша светлость, чтобы мне принять командование там, в виду Синопа, — попробовал возразить Корнилов.

— Но для вас будет достаточным основанием мое предписание по этому поводу? Вы передадите его Нахимову перед сражением и вступите в командование во исполнение моего приказа.

И Меншиков, усевшись за письменный стол и приставив к своим старым глазам лорнет, начал писать мелко, но разгонию.

— Я польщен вашим доверием ко мне, ваша светлость, — сказал Корнилов, принимая бумажку, — но все-таки мне даже и после победы будет думаться, что победа эта подготовлена Нахимовым, а я пожну, по существу, его лавры.

Меншиков пристально поглядел на него, откинувшись на спинку кресла, и заметил наставительным тоном:

— Насколько известно мне лично, государю будет приятнее дать за эту победу высшую награду вам.

Возражать против этого было уже нельзя — можно было только наклонить голову и пожедать князю спокойной ночи, так как шел уже двенадцатый час.

Эту ночь Корнилов спал довольно крепко, так как утомился за день, но, когда пароходы вышли в море, достаточно было времени, чтобы подумать над тем, что говорил Меншиков накануне, и над его бумажкой, лежавшей теперь в боковом кармане сюртука.

Два вице-адмирала, столпы Черноморского флота, Корнилов и Нахимов, влюбленные в одно и то же искусство, не были соперниками. Их близкое знакомство было давним, со времени Наварина, когда один был на чин моложе другого.

Однако, и догнав Нахимова в чинах и даже став несколько выше его в служебном положении, Корнилов с неизменным уважением относился к Павлу Степановичу.

И вот вдруг подойти на своем пароходе «Одесса» к кораблю «Императрица Мария», взобраться по трапу на палубу, где с открытыми объятиями будет ждать его Павел Степанович, и...

вынув из кармана бумажку князя, подать ее ему, а самому отвернуться? Немыслимо!.. Даже странно как-то, почему и зачем очутилась у него в кармане эта бумажка... Воля князя? Польза службы? Желание царя?..

Но ведь если отбросить первое и третье, то откуда взять уверенность, что для пользы службы, для пользы дела будет гораздо лучше, если он, Корнилов, примет командование над эскадрой?

Уверенность в победе у него была, но план действий, который почти диктовался ему Меншиковым, требовал все-таки разработки. — его нельзя было провести сразу, с приходу. План этот сводился к тому, чтобы, атакуя турецкий флот, не повредить Синопу. Но для этого надо, чтобы турецкие адмиралы позволили выманить себя из-под защиты береговых батарей, то есть потеряли бы разум. Но такой старый турецкий адмирал, как Осман-паша, далеко не простак, — Корнилов познакомился с ним в бытность в Константинополе вместе с Меншиковым весною, когда князь вел переговоры, приведшие к войне.

Между тем времени терять было нельзя — вот-вот могла бы подойти, а может быть, и подошла уже помощь туркам, попавшим в блокаду; так что единственный маневр, который остается применить, и как можно скорее, — это лобовой удар...

Пароход «Одесса» был переделан в военный из пакетбота и нес на себе только шесть орудий, то есть был вдвое слабее «Владимира», притом гораздо тихоходнее его; но «Владимир» стоял в ремонте. Зато командир «Владимира» Бутаков вел теперь «Одессу»: это было сделано по приказу Корнилова.

Таковыми же шестиорудийными и такими же тихоходными, как «Одесса», были и «Крым», и «Херсонес», но все три парохода, щедро нагруженные углем, шли бодро в кильватер, лопоча своими колесами и держа курс прямо к Синопу. На «Крыме» вился флаг контр-адмирала Панфилова, но Корнилов не хотел поднимать своего флага на «Одессе», оставляя за Панфиловым честь командования этим маленьким отрядом, так как ему, может быть, предстояло поднять флаг свой на большом, стопушечном корабле перед началом исторического боя.

4

Так как дул попутный ветер, то все три пароходофрегата шли на полных парусах, и это помогло им пересечь Черное море за сутки: на рассвете 18 (30) ноября они подошли к

мысу Пахиосу, где Корнилов предполагал найти эскадру Нахимова.

Эскадры этой, однако, не было видно. Явилось даже сомнение, действительно ли очень слабо видневшийся вдаль берег — мыс Пахиос, тем более что лил дождь, за которым берег совершенно скрывался иногда, а если очертания его проступали, то были очень смутны, расплывчаты.

Корнилов дал сигнал убрать паруса и застопорить машины, пока станет виднее и можно будет определить, куда идти на соединение с Нахимовым.

Так, в нерешительности, простояли пароходы до десяти часов, когда наконец ослабел дождь и значительно рассеялась мрачность горизонта.

Тогда Корнилов приказал Бутакову подвести «Одессу» к самому берегу и идти по направлению к Синопу, другим же двум пароходам идти к Синопу тоже, но на расстоянии самого дальнего сигнала и высматривать русскую эскадру.

Пароходы шли медленно, малым ходом; два часа понадобилось им, чтобы подойти к Синопскому перешейку, через который в это время уже летели первые русские ядра и пенили море.

Корнилов увидел в трубу русский флаг на фор-брам-стенке корабля «Мария», понял, что опоздал — всего на какой-нибудь час, не больше, но опоздал, — и у него отлегло от сердца. Раз сражение уже началось, бумажка, данная ему Меншиковым, теряла свою силу. Он вынул было даже ее, чтобы бросить за борт, но, повертев в руках, положил снова в карман. Обращаясь к Бутакову, он сказал:

— Ну, помоги господи Павлу Степанычу!

Потом приказал дать сигнал остальным пароходам: «Держаться соединенно», а на «Одессе» велел поднять его, Корнилова, флаг.

Было несколько минут задержки, пока сблизилась с «Одессой» «Крым» и «Херсонес»; затем полным ходом все три парохода двинулись, огибая полуостров, в бухту, где бой был уже в разгаре, — шел второй час дня.

Однако разглядеть, что делалось в глубине бухты, не удалось Корнилову; он увидел, как навстречу «Одессе», но вне выстрелов ее орудий шел большой черный пароход, явно турецкий, а за ним двигались два фрегата, очень знакомые по очертаниям, — «Кагул» и «Кулевчи».

Догадаться, что турецкий пароход просто бежал, а русские фрегаты гнались за ним без всякой надежды его догнать, было

нетрудно, и Корнилов приказал сигнализировать: «Пароходам атаковать неприятеля, поставив его в два огня».

Два фрегата сзади, три парохода спереди — положение Следа могло бы оказаться довольно трудным, если бы это не был «Таиф». Англичане позаботились о пополнении турецкого флота: такого быстроходного и сильно вооруженного парохода не было у черноморцев. Все три русских парохода, взятые вместе, были значительно слабее «Таифа»: они имели только восемнадцать орудий против двадцати двух на «Таифе», у которого к тому же батареи были закрытые и два орудия — бомбические десятидюймовые.

Прикрываясь первой и второй батареями, След вел свой пароход вдоль берега, в то время как оба фрегата, погнавшиеся за ним, отстали, а пароходы «Крым» и «Херсонес» еще не подошли на пушечный выстрел.

Однако Корнилов приказал Бутакову на полных парусах и полным ходом машины идти на пересечку курса турецкого парохода.

Это был уже чисто охотничий задор. Корнилов помнил свой совсем недавний успех в бою с «Перваз-Бахри», который к тому же не бежал, а, напротив, держался весьма уверенно. Этот же пароход бежал, и ведь неизвестно было, в исправном ли состоянии. Может быть, он уже довольно тяжело подбит, почему и не развивает хода.

Новый приз — так смотрел на турецкий пароход Корнилов.

— Открыть огонь! — скомандовал Корнилов, и первые ядра полетели в «Таиф», в то время как и «Крым» и «Херсонес» были еще далеко, хотя и спешили на помощь «Одессе».

Перед «Таифом» был пока всего небольшой русский пароход, привлекавший внимание Следа своим вице-адмиральским флагом. Противник был достоин ответных выстрелов, и перестрелка завязалась.

Дождь, прекратившийся было в полдень, незадолго перед встречей с «Таифом», начался снова. На палубе «Одессы» все было мокрое, скользкое. «Таиф», бежавший вдоль берега, представлял собой плохую цель: его силуэт сливался с такими же туманными очертаниями береговых скал; русский же пароход довольно отчетливо выделялся на фоне моря, и желание нанести ему большой вред, если даже не потопить совсем, заставило Следа уменьшить ход «Таифа».

Залпы по «Одессе» следовали один за другим, однако снаряды давали перелеты. На «Одессе» же единственное бомбическое орудие не могло отвечать противнику, так как платфор-

ма его соскочила со штыря и в самое горячее время команда возилась, утверждая платформу на прежнем месте, что было не так легко.

Корнилов стоял на площадке, то поминутно вглядываясь сквозь трубу в своего противника — нет ли попаданий в него, то озираясь назад — близко ли «Крым» и «Херсонес». От нетерпения ему казалось, что команда чересчур медлит, стреляя на ходу судна. В пылу погони он уже представлял себе, как он принудит противника опустить флаг, подойдя на картечный выстрел.

Прибыв сюда с планом Меншикова непременно той или иной хитростью выманить турецкие фрегаты из их убежища в открытое море, Корнилов совсем не предполагал подобной же хитрости у врага.

Не менее как полтора часа длилась погоня за турецким пароходом.

Между тем дождь усилился; за его плотной кисеей с трудом уже можно было различить черный «Таиф», как бы прилипший к темно-сизым скалам.

— Ага! Ну вот, наконец-то! — довольно сказал Корнилов, когда услышал первые выстрелы с «Крыма».

И в этот же момент ядро с «Таифа» перебило железную шлюпбалку, пробило насквозь шлюпку, разбило стойку штурвала и, в довершение всего, ранило унтер-офицера.

Дождь между тем лил уже нешуточный, стало гораздо темнее кругом, да и день уже клонился к вечеру. Корнилов слышал редкие выстрелы «Крыма», но не было слышно ответных выстрелов противника, и это его поразило вдруг.

— Уходит? — изумился Корнилов. — Успел исправить повреждения свои под нашим огнем?

— Уходит на всех парах, — не отрываясь от зрительной трубы, проговорил Бутаков, и тут же вслед за ним разглядел это сам Корнилов.

Дождевую тучу между тем пронесло, и всем стало видно, что «Таиф» уже вне выстрелов «Одессы» и «Крыма» и с каждой минутой расстояние между ними становится все больше и больше.

— В таком случае, он совсем не был поврежден, — сказал наконец Корнилов. — Зачем же, спрашивается, он бежал?

Вместе с тем пальба со стороны Синопа не прекращалась, и Корнилов, приказав прекратить погоню и повернуть «Одессу» назад, дал сигнал «Крыму» и «Херсонесу»: «Следовать за мной».

В Синопской бухте в это время, то есть в три часа дня, шла перестрелка русских кораблей с береговыми батареями — третьей, пятой и шестой, так как только четвертая молчала уже, скрытая до основания залпами «Чесмы».

Нахимов не мог признать боя законченным, пока могли еще наносить вред береговые орудия, хотя турецкие суда и были уже все истреблены час назад.

Если не все они были взорваны, как «Фазли-Аллах», или «Навек-Бахри», или корвет «Люли-Сефид», и не все горели, как «Низамиэ», один из транспортов, пароход и купеческий бриг, то приткнувшиеся к берегу или к мели были уже бессильны и в большинстве совершенно лишены своих команд, частью погибших, частью бежавших на берег.

Синоп горел. Зажженный только ли горящими обломками бывшего «Рафаила», разлетевшимися при его взрыве вдоль набережной, или еще и гранатами с судов, он пылал в разных направлениях в турецкой части, в то время как греческая оставалась невредимой.

Это объяснялось просто тем, что пятая береговая батарея, наиболее сильная и по числу, и по калибру орудий, и по количеству снарядов к ним, и по своим укреплениям, находилась против турецкой части, прикрывала ее, оставляя греческую без защиты; поэтому-то большая часть русских снарядов и направлялась против этой батареи, от чего неминуемо должны были пострадать — и пострадали — турецкие кварталы.

Нахимов предвидел такую возможность, хотя и знал, как неодобрительно отнесутся к ней там, в Петербурге, да и в Севастополе, во дворце светлейшего. Усердно глядя в трубу, он силился разобрать в дыму и пламени, цел ли еще там хоть один дом с каким бы то ни было флагом, но не находил ни одного такого, явно консульского дома, хотя и сам же приказывал их «щадить по возможности».

Зато он видел и знал, как сильно пострадал в бою его флагманский корабль «Мария»: в нем было до шестидесяти пробоин, причем несколько из них подводных. Командиру «Марии» Барановскому перебило обе ноги обломком мачты, разбитой турецким ядром. Шестнадцать матросов было убито и человек шестьдесят ранено. Мичману Костыреву, который был одним из флаг-офицеров Нахимова, оторвало осколком гранаты два пальца на левой руке; кроме него, ранено было еще два молодых офицера.

О потерях на других судах Нахимов еще не знал, но предполагал, что они не меньше, и это его угнетало.

Но вот «Чесма» и «Константин» справились наконец с третьей батареей, а шестая хотя и посылала еще выстрелы, но редко: большая часть орудий там была уже подбита. Несколько залпов еще с «Марии» и «Парижа» — и пятая батарея была скрыта, а следом за ней перестала действовать и шестая, приведенная к молчанию кораблями «Ростислав» и «Три святителя». Турецкий берег утих.

Но как раз в это время показались один за другим парходы, шедшие полным ходом к эскадре, а от головного из них, «Одессы», отвалила шлюпка по направлению к турецкому фрегату «Насим-Зефер», рядом с которым горел другой фрегат, подожженный бежавшей командой.

Корнилов усмотрел опасность, которая угрожала первому фрегату от второго, и послал лейтенанта Кузьмина-Караваева с командой матросов отстоять непременно от огня «Насим-Зефер».

Но чем ближе подходила «Одесса» к русским кораблям, тем яснее видел Корнилов, в каком состоянии некоторые из них, особенно «Три святителя» и «Мария», — так велики были повреждения в их рангоуте и такелаже.

В свите Корнилова находился подполковник Сколков, молодой стройный человек, адъютант Меншикова, который заранее был назначен светлейшим отвезти в Гатчину, царю, донесение о Синопской победе.

Сколков должен был докладывать царю как очевидец и даже участник боя, и вот теперь он боялся пропустить какую-нибудь мелочь и очень внимательно оглядывался кругом, чтобы все запомнить.

— Бой был жаркий, ваше превосходительство! — сказал он в разговоре с Корниловым. — Мне кажется, что больше всех наших кораблей пострадала «Императрица Мария», а Павел Степаныч как раз ведь на нем и находился.

— Вы это говорите так, как будто он может теперь уже и не находиться там! — воскликнул Корнилов.

— То есть, моя мысль была... — начал было объяснять Сколков, но Корнилов перебил его:

— А что, если и в самом деле вдруг что-нибудь случилось с Павлом Степанычем? Чего, боже сохрани, конечно...

Еще не поравнялась «Одесса» с «Чесмой», как загрохотало «ура» матросов «Одессы». Радость встречи была неподдельной.

Едва утихли крики, Корнилов, подняв глаза к верхней палубе «Чесмы», спросил:

— Здоров ли адмирал?

Этого здесь не знал никто из офицеров.

Но «Одесса» двигалась дальше, к кораблю «Константин», и, разглядев флаг Корнилова, навстречу пароходу отправился на катере командир «Константина» Ергомышев.

— Жив ли Павел Степаныч, не знаете? — не дождавшись, когда подойдет поближе катер, нетерпеливо и встревоженно крикнул ему Корнилов.

— Павел Степаныч? Слава богу, жив и здоров! — ответил Ергомышев, улыбаясь, и Корнилов, не задерживаясь долго около «Константина», где матросы также кричали «ура», приказал идти прямо к «Марии».

Подойдя, он покинул «Одессу».

Усевшись в шлюпку, поданную с «Марии», и увидав издали на шканцах сутуловатую фигуру Нахимова, он зааплодировал ему, кричал: «Браво, Павел Степаныч!» — и махал фуражкой.

Встреча двух вице-адмиралов была выразительна пылкостью одного и непритворным спокойствием другого, хотя и находившегося перед тем два с лишком часа под огнем.

— Поздравляю, поздравляю от души, Павел Степаныч! Поздравляю с победой! — восторженно говорил Корнилов, обнимая Нахимова.

— Да ведь я тут ни при чем же! — вполне искренне удивился его бурности Нахимов. — Ведь это все команды сделали, а я только стоял на юте, смотрел и совершенно больше ничего не делал-с!

— Команды?... А команды кто так обучил, не вы ли?

— Нет-с, не я-с! — поспешно отозвался Нахимов. — Это все покойный Лазарев, Михаил Петрович... все он, а я что же-с...

— Ах скромник! Ах какой скромник! — любясь Нахимовым, качал головой Корнилов. — Ну уж так или иначе, а победа славная. Гораздо выше Чесмы победа. Что Чесма — выше Наварина даже! Выше, выше Наварина, не спорьте! Я уж вижу, что хотите спорить...

И, заметив, что на турецких судах не были спущены флаги, Корнилов предложил:

— Надобно, Павел Степаныч, пока еще не совсем поздно, послать шлюпки ко всем их судам, чтобы спустили флаги, и сейчас же надо перевозить оттуда на наши суда пленных.

Но, спохватившись, что говорит с Нахимовым, с победителем, командным тоном, Корнилов добавил:

— Это мое мнение, Павел Степаныч, дорогой, а вы, может быть, распорядитесь как-нибудь иначе?

Нахимов успокоил его, сказав:

— Я уже приказал спустить шлюпки и назначил офицеров парламентарями; сейчас они отправляются... Также и в Синоп назначил мичмана Манто. Он, как грек, сумеет поговорить со здешними греками, если не найдет в Синопе турок.

— Как не найдет турок? Почему не найдет? — встревожился Корнилов.

— Я полагаю, что все они уже бежали отсюда как можно дальше, — спокойно ответил на это Нахимов.

6

Шлюпки, катера, полубаркасы, отправленные с русских судов к не охваченным еще пока пожаром турецким судам, бороздили в разных направлениях поверхность бухты, теперь уже совершенно утихшей.

Поразительна была эта тишина после недавнего страшного грохота нескольких сот орудий в течение двух с лишним часов. Теперь слышны были только команды или просто окрики на русском языке, а там, со стороны турок, треск дерева, пожираемого огнем; людей нигде на берегу не было видно.

Когда матросы с «Одессы» под командой лейтенанта Кузьмина-Караваева пристали к фрегату «Насим-Зефер», никто не оказал им сопротивления, никто даже не подошел к трапу, по которому они поднимались на батарейную палубу; можно было думать — так и подумали, — что на фрегате нет ни одной живой души.

Однако один матрос, подымаясь, заметил, покрутив головой и потянув носом:

— Не-ет, должно, люди тут есть: шибко турецким табаком пахнет!

И действительно, на палубе турок оказалось много. Они сидели на полу, подобрав под себя ноги, и почти все безмятежно курили: кисмет — судьба, ничего не поделаешь, остается только ей покориться.

У Кузьмина было человек десять матросов, и его, как и всех матросов, поразило то, что по всей палубе между курильщиками был рассыпан кучками порох, который каждую секунду мог взорваться от первой попавшей в него искры.

— Ваше благородие, что же это такоича! — испуганно обратился к лейтенанту один старый матрос, остановившись у открытой двери. — Ведь это у них в крюйт-камеру дверь!

— Сейчас же закрой! — крикнул ему Кузьмин и, повернувшись к туркам, так скомандовал «Не ку-ри-ить!.. Бросить все трубки за борт!», что турки проворно вскочили и опустили руки по швам, хоть и не поняли команды.

Среди матросов «Одессы» был один, немного говоривший по-татарски; но пока он объяснялся с ближайшими к нему турками, другие матросы поспешно кинулись отбирать трубки и швырять в море.

— Залить весь порох на палубе водой! — снова скомандовал своим лейтенант, когда отобраны были трубки, и матросы рассыпались по фрегату, отыскивая ведра, так как не могли найти помпу.

Подсчитали потом пленных. Их было около двухсот человек здоровых, человек двадцать раненых. В стороне лежали убитые. Остальные из команды фрегата покинули его — пустились вплавь к берегу, и одни доплыли, другие утонули.

Около капитанской каюты нашли тело командира фрегата.

Нужно было расклепать якорную цепь, чтобы отвести фрегат подальше от другого, жарко пылавшего фрегата, но это оказалось не так просто: болты были сильно заржавлены. Принялись рубить одно из звеньев цепи, а пока возились с ней одни матросы, другие занялись перевозкой пленных на ближайший корабль «Три святителя».

— А раненые? Что же делать с ранеными? — раздумывал вслух лейтенант, не получивший на этот счет никаких приказаний от Корнилова, и решил внезапно: — Перевезти их на берег, и пусть их турки лечат, а не мы будем с ними возиться!

— Ваше благородие, — обратился к нему матрос-переводчик, — тут дохтур ихний, турецкий, есть.

— Отлично! Вот пусть он и отправляет в синопский лазарет. А в помощники ему оставит, так и быть, на каждого раненого по здоровому турку.

Катер подтащил на буксире вместительную турецкую баржу, стоявшую между фрегатом и берегом и счастливо уцелевшую, потом приказано было двадцати здоровым турецким матросам уложить на эту баржу своих раненых товарищей, перетаскать туда же и их и свой багаж и запас сухарей, взятых из брод-камеры.

Не спущенный турками флаг был снят и отправлен на «Марию», Нахимову, как трофей, а фрегат отвели наконец подальше

от его плававшего товарища и от русского корабля, но тоже решили сжечь, чтобы не оставлять туркам: он был до того разбит снарядами, что дотащить его до Севастополя было бы совершенно невозможно.

В таком же точно состоянии были другие два фрегата, уцелевшие от огня. На флагманский «Ауни-Аллах» взошел с посланной Нахимовым шлюпки мичман Панютин с несколькими матросами. «Ауни-Аллах» тонул уже, большая часть его корпуса погрузилась в воду.

На нем не думали уже найти никого, поэтому велико было удивление мичмана, когда он увидел на палубе седобородого старика, но пояс в ледяной воде, державшегося дрожащими руками за пушечный брюк, то есть канат, которым орудие прикрепляется к борту.

Глаза его были выкачены, лицо тряслось, форменная феска была надвинута на оттопыренные уши, но ни шинели, ни даже мундира на старике не было — только рубашка, мокрая вплоть до ворота.

Старик стоял на одной левой ноге, правая оказалась перебитой; более бедственное положение трудно было представить.

Панютин сам кинулся в чем был в воду, чтобы его вытащить, так как гибели судна можно было ожидать с минуты на минуту. Он не знал, что это за старик. Когда матросы на руках втащили погибавшего и спасенного от близкой смерти в свою шлюпку, он только слабо стонал и бился от потрясающего озноба.

Его отправили на «Марию», и только там подтвердилась неуверенная догадка мичмана, что спасенный не кто иной, как сам Осман-паша.

Обогретый, перевязанный судовым врачом, он рассказал Нахимову и Корнилову на плохом французском языке, как его не только бросила, но еще и ограбила команда фрегата, спасаясь с тонувшего судна на берег.

— Показалась течь, — рассказывал злосчастный адмирал, — вода все прибывала... Надежд уже не было никаких... И вот началось бегство и офицеров и матросов... А я был ранен как раз в этот момент и лежал с перебитой ногой. Я приказывал взять меня в шлюпку, но меня уже не слушали... Раненых всех бросали, если они не могли двигаться сами, не могли плыть к берегу, потому что шлюпки ушли и уже не вернулись... негодяи бросили их там, на берегу, а сами бежали. Когда один матрос приподнял меня, я полагал, что он хочет отнести меня на руках на шлюпку, но он только вытащил мои золотые часы, положил

их себе в карман и побежал дальше. Когда другой матрос присел около меня на корточки, я думал: вот этот помнит воинскую дисциплину, и он возьмет меня, старого своего начальника, чтобы я не попал в плен к русским... Но он только обшарил меня, вытащил кошелек с деньгами и побежал догонять товарищей. Тогда я собрал все силы и кое-как поднялся; да и лежать уже было нельзя — на палубе оказалось на четверть воды... Последние матросы оставались — трое. Они раздевались, чтобы удобнее было плыть... Я им крикнул: «Возьмите меня!» — и они подошли... И они раздели меня, точно я тоже мог бы плыть с моей перебитой ногой рядом с ними... Они раздели меня, так что я остался в одном белье, потом связали все мое верхнее платье в узел, и один из них, самый крепкий, прикрепил веревкой узел к своей спине и бросился в море плыть с ним к берегу... А я остался! Я остался в воде, достигавшей уже до колен, раненный, ограбленный и брошенный на погибель своей командой, — я, который сорок два года провел на морской службе и последние десять лет из них был адмиралом его величества султана!

Старик плакал, рассказывая это врагам, которым обязан он был своим спасением.

Слушая его, Корнилов изумленно пожимал плечами и вопросительно глядел на Нахимова. Осман-паша попросил разрешения укутаться с головой в одеяло, так как теперь весь дрожал больше нервической дрожью, чем от озноба. Корнилов не выдержал и обратился к Нахимову:

— Возможно ли, Павел Степаныч, что-нибудь подобное в нашем флоте?

Нахимов ответил с оттенком укоризны:

— Мне даже и вопрос подобный как-то никогда не приходил в голову.

7

Однако не один только Осман-паша был оставлен на гибель своими матросами: та же участь постигла и тяжело раненного командира фрегата «Фазли-Аллах» и капитана одного из корветов, также спасенных от неминуемой смерти русскими моряками.

Один из спасенных был очевидцем того, как русский снаряд попал в шлюпку, на которой хотел переправиться на берег с горевшего «Низамиэ» Гуссейн-паша. Разбитая шлюпка перевернулась килем вверх, и адмирал, побарахтавшись с минуту, пошел ко дну.

Синоп же между тем горел, и незаметно было, чтобы кто-нибудь тушил там пожары, хотя перестрелка и прекратилась.

Мичман Манто с небольшой группой матросов довольно бесстрашно шагал по пустынным улицам, воздух которых был горяч, удушлив, пропитан гарью и дымом. На рукаве черной шинели мичмана белела повязка парламентера; в кармане шинели лежала немногословная бумажка, полученная непосредственно от самого Нахимова, — обращение к населению города, которому рекомендовалось немедленно приступить к тушению пожаров и восстановлению порядка.

Пылали и рушились здесь и там крыши домов, ревел в ужасе скот, выли собаки, металась в дыму голуби, но что касается населения, то оно не попадалось мичману в турецкой части Синопа.

Напротив, население греческой части, где, кстати сказать, не горел ни один дом, почти все было на улицах. И стремились греки не из Синопа к горам, густо поросшим лесом, а из Синопа к морю, где стояли русские суда.

— Возьмите нас с собой! Возьмите нас в Россию! — кричали, густо обступив мичмана, греки и гречанки.

— Что вы, что вы! Куда же нам взять несколько тысяч человек? — пробовал возражать Манто.

Но греки были в паническом ужасе. Они кричали:

— Нас всех завтра же к вечеру перережут турки, если вы утром уйдете отсюда! Мы пошлем депутацию к вашему адмиралу.

— Что же может сделать наш адмирал? Куда он денет несколько тысяч человек? Суда наши не поднимут столько! — пытался урезонить кричавших одноплеменников своих мичман Манто, но тем это казалось только отговоркой.

Они клялись, что не возьмут с собой никакого багажа, что им лишь бы спасти свои жизни, что в России они пригодятся, так как они, синопские греки, в большинстве своем или корабельные плотники, работавшие здесь на верфи, или каменщики, слесари, кузнецы, огородники, садовники — вообще рабочие люди.

— Попробуйте счастья, пошлите депутацию к адмиралу Нахимову, — сказал мичман Манто. — Только лучше бы вам было вооружиться самым чем попало и защищаться от турок, если они нападут...

Из лиц, которых можно было хотя бы с натяжкой причислить к властям, Манто после долгих поисков нашел только австрийского консула, которому и передал требование Нахимова. Греки же действительно послали депутацию на корабль

«Мария», и Нахимов, выслушав взволнованных синопцев, сказал, что он, к сожалению, ничего не сможет сделать: вывезти в Россию несколько тысяч человек подданных султана — этот шаг грозил бы большими политическими осложнениями для России, не говоря уже о том, что суда его не в состоянии поднять теперь никакой лишней тяжести, так как сильно повреждены.

К этому времени уже поступили сведения о том, насколько пострадали суда его отряда. Кроме «Марии», больше других пострадал корабль «Три святителя» — на нем насчитывалось до пятидесяти пробоин и все мачты были сбиты. «Константин» также остался без мачт и получил тридцать пробоин. Посчастливилось только одному «Парижу»: у него было всего шестнадцать пробоин и мачты целы, а потери в людях ничтожны, хотя они сражались с несколькими турецкими судами и самой сильной из береговых батарей — пятой. Не зря Нахимов хотел во время боя благодарить сигналом команду «Парижа».

Больше других потерял людей «Ростислав» из-за взрыва в короре: на нем вышло из строя свыше сорока человек — почти половина общих потерь эскадры. У турок же, по подсчету их плененных офицеров, погибло в этот день не менее четырех тысяч.

В темноте наступившей ночи последние турецкие фрегаты, подожженные командами русских матросов, пылали зловеще и жутко, но на израненных в бою кораблях багровый свет пожаров как в море, так и в Синопе помогал судовым плотникам заделывать бреши в обшивке и устанавливать запасный рангоут на палубах.

Среди пробоин были и подводные; их нужно было заделать в первую очередь. За необходимым ремонтом судов следили все четыре адмирала, и всю ночь в турецкой бухте стучали русские топоры и молотки, стоял гомон горячей работы.

«Мария» и «Три святителя» особенно беспокоили Нахимова: их можно было отвести на буксире пароходов, и то только если в открытом море не прихватит шторм.

Матросы работали в две смены, хотя и нуждались в полном отдыхе после жестокого боя.

Но чуть рассвело настолько, что можно было разглядеть сигнал, поднятый на «Марии», судовые священники принялись служить заупокойную обедню и панихиды по убитым, которых на всех кораблях было около сорока человек матросов и офицеров.

На «Чесме», впрочем, хотя и обедня и панихида служились, как на других судах, но не по своим убитым, так как их совсем

не было здесь, да и раненых оказалось только четверо. На «Мариин» пришлось отпевать шестнадцать человек, тела которых торжественно опускали в море одно за другим.

Можно было бы, конечно, доставить тела убитых в Севастополь, где схоронили бы их на кладбище, чтобы на их могилы пришли иногда погрустить их домашние, у кого они были, но величав обычной отдавать умерших ли, убитых ли во время плавания моряков их стихии. Отдали последний долг павшим и на судах поздравили команды с победой.

Прерванная часа на два работа началась снова.

В бухте было затишье, но в открытом море с утра завывал норд-ост и перекатывались огромные валы. Такое состояние моря настойчиво требовало, чтобы суда, имевшие много пробоин, были починены на совесть, — это понимали все матросы: адмиралы же знали, со слов Османа-паши, что еще 15-го (27-го) числа была послана им телеграмма в Константинополь о грозящей турецким судам и городу опасности от блокирующих бухту русских кораблей.

Четыре дня уже прошло с того часа, когда отправлена была телеграмма, — срок более чем достаточный, чтобы суда могли пройти от Босфора до Синопа.

Неизвестно, конечно, было, как отнеслись французы и англичане к телеграмме Османа-паши, но вестник поражения, адмирал След на «Таифе», при его быстром ходе, в этот день к вечеру мог уже быть в Босфоре, и Нахимов вполне справедливо оценивал свое положение, когда говорил Корнилову:

— Мы не находимся в состоянии войны с Францией и Англией, это верно-с, но если они только и ждут того, чтобы начать войну, то для них будет достаточно любого повода, смею вас уверить, Владимир Алексеич... И зачем им объявлять нам войну, когда без этой формальности обошлись даже турки? Они могут просто ввести весь свой соединенный флот в Черное море и напасть на нас по пути в Севастополь, если мы сегодня же не успеем починиться как следует, чтобы можно было сняться нам завтра утром.

— Едва ли осмелятся они, Павел Степаныч, выйти из тихого Босфора в такую бурную погоду, — заметил Корнилов, — вот что мне кажется. Но самое важное все-таки не в этом, а кое в чем другом: они, то есть англичане и французы, имеют теперь повод для войны с нами, но не забывайте того, Павел Степаныч, что подготовили-то войну они только здесь, в Турции, а не у себя дома, — вот в чем тяжесть вопроса! Там, у себя, они только теперь начнут звонить о войне на всех колокольнях...

Так что починиться мы успеем, хотя мешкать нам нельзя — надо добраться поскорее до Севастополя.

— Ну, да ведь мы и не мешкаем: стучим что есть мочи!

Стук на кораблях действительно был вполне добросовестный; образовалась как бы целая русская верфь посредине турецкой бухты, в ближайшем соседстве с верфью синопской.

Команды с четырех пароходов — так как пришел еще и «Громоносец», — а также с двух фрегатов, «Кагула» и «Кулевчи», помогали командам кораблей. Запасного леса на судах было довольно, так что незачем было тащить необходимый для ремонта материал из Синопа.

Вечером оба вице-адмирала заняты были осмотром всех шести кораблей, внимательнейшим и подробным. Осмотр показал, что еще немного — и сделано будет все, что возможно было бы сделать, не заводя кораблей в доки. В ночь на 20-е работы утихли, а утром вся эскадра снялась с якоря. Позади чернели, дотлевая, днища турецких судов, чернело и дымилось пожарище в турецком квартале Синопа, но это уже оставлялось, оставалось, на глазах уходило в прошлое, а впереди, в ближайшем будущем, открывалось во всю свою неприветливую ширину море, на котором не только не улеглись, но не собирались и через два-три дня улечься крупные волны.

Ветер продолжал дуть с северо-востока, тая в себе возможности перейти в шторм. Но медлить с выходом в родной порт было уже нельзя, и эскадра пошла огибать полуостров.

Однако не вся: «Мария», только пройдя с милю, притом в бухте, дала течь, и ее пришлось оставить на дополнительный ремонт, порученный контр-адмиралу Панфилову. Ремонт был закончен только к трем часам дня, когда этот более всех избитый корабль смог наконец отважиться идти вслед за другими судами на буксире «Крыма» и под конвоем обоих фрегатов.

Но из ушедших утром только «Париж» и «Чесма» могли двигаться без помощи пароходов, как наиболее уцелевшие. «Одессой» был взят на буксир «Константин», несший теперь флаг Нахимова, «Херсонес» вел громадину «Три святителя», «Громоносец» тащил «Ростислава».

Однако слишком сильная зыбь, встреченная в открытом море, заставила пароходы отдать буксиры, а корабли — поставить паруса. «Чесма» и «Париж» явились в этом опасном рейде конвоирами для остальных. Корнилов же, снова на «Одессе», на всех парах отправился в Севастополь, чтобы не только стать вестником победы, но и выслать навстречу эскадре-победительнице возможную помощь.

Для Нахимова наступили часы не меньшей тревоги за свои суда, чем это было во время боя. Часы эти тянулись утомительно долго и в первый день плавания, но наступившая ночь не только не принесла покоя — напротив, усилила тревогу.

Особенно старый, ровесник самому флагману, корабль «Три святителя» внушал опасения. Что, как не выдержат пробки сильных и настойчивых ударов волн?.. Ведь это тараны, а не волны!.. Корабли то зарываются в них, то взлетают стремительно. Что, как раскроются их раны как раз в эту бесприсветно-темную ночь, когда так издевательски свистит в снастях ветер? Как спасти команды тонущих кораблей в такую погоду ночью? Ведь половина их, если не больше, непременно должна погибнуть!

Идти вперед почти невозможно, однако и не идти нельзя. Можно будет считать чудом, если эскадра дойдет благополучно, но она должна прийти благополучно, иначе такой дорогой ценой обойдется Синопская победа, что ее и нельзя будет считать победой.

Нахимов заснул только на рассвете, когда суда сигнализировали, что все благополучно.

Проснувшись в обед, он услышал от одного из своих адъютантов, что грозивший все время разыграться в шторм шквалистый норд-ост утихает.

— Прекрасно-с! Очень хорошо-с! — обрадовался Нахимов. — Но вот вопрос: где-то теперь «Мария»? Удалось ли исправить ее как следует?

И весь остаток этого второго дня плавания, которое стоило большого сражения, Нахимов провел, не расставаясь со своей трубой: все думалось ему, все хотелось думать, что сзади, на горизонте, смутно замаячат мачты четырех судов эскадры Панфилова.

Оба фрегата были легки на ходу, у «Марии», нового корабля, тоже был хороший ход... был, но каков-то теперь?

Нахимов за ужином должен был признаться вслух, что для него этот рейс гораздо беспокойнее любого боя. В эту ночь он хотя и лег спать, но часто просыпался и требовал ответа: как «Три святителя»? как «Ростислав»? не подошла ли «Мария»?

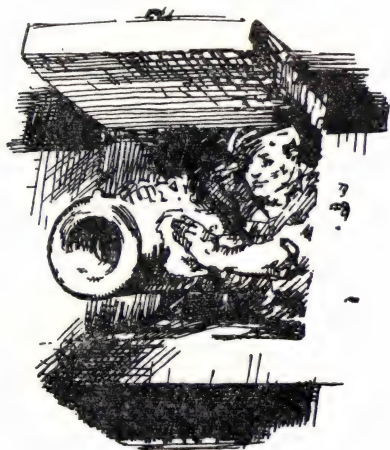
Радость ожидала его утром 22-го числа: ему доложили, что милях в четырех к западу замечены суда, идущие тем же курсом. Он тут же вышел на ют и навел трубу.

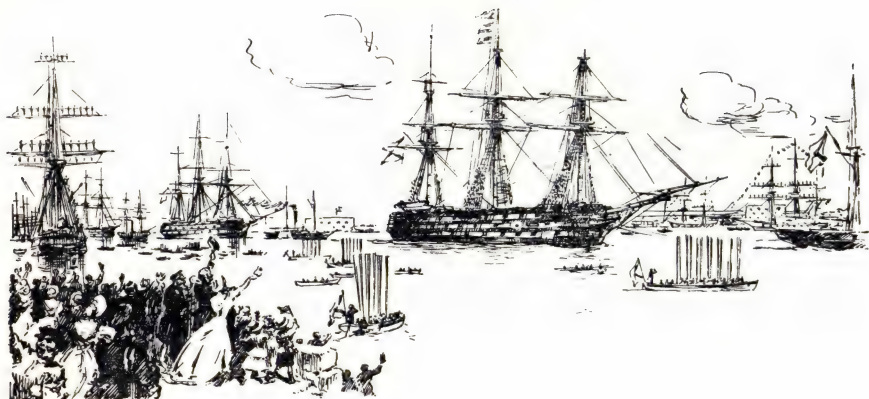
— Ну вот! Ну вот! Это «Мария»! — обрадованно вскричал он. — «Мария» и оба фрегата... И пароход... Они нас обходят. И очень хорошо-с, прекрасно-с! Поднять сейчас же сигнал:

«Вице-адмирал Нахимов благодарит контр-адмирала Панфилова».

Сигнал был поднят. Небольшая эскадра Панфилова около часа красовалась перед глазами Нахимова, потом, уходя вперед, скрыла свои мачты за горизонтом. А в обед, когда стих ветер, показался пароход «Одесса», посланный на помощь эскадре.

Наконец можно уже стало различать хорошо знакомые всем очертания берегов Крыма и белеющие в голубом мареве точки Севастополя, куда раньше своих боевых товарищей пришла гораздо больше их израненная «Мария».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Весь Севастополь высыпал в день возвращения русских судов в родной порт на берег; шлюпки и ялики покрыли рейд и Южную бухту.

Привезенная Корниловым весть о победе разнеслась по городу с сорокатысячным населением не больше как в течение часа, и с раннего утра 22-го числа на пристань и на берег к маяку спешили толпы народа.

С маяка далеко было видно море, на маяк были обращены нетерпеливые взгляды всех ожидающих победоносных кораблей. И вот перед полднем с маяка раздалось желанное:

— Есть! Видно! Идет наша эскадра!

Это шла «Мария» на буксире парохода «Крым», а по обеим сторонам ее — фрегаты «Кулевчи» и «Кагул».

Для встречи эскадры празднично расцвечены были флагами все суда, стоявшие на рейде: линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги, тендеры, яхты, транспорты. По реям судов расставлены были матросы в парадной форме — как знак высшего

почета виновникам блестящей победы. Там и здесь на берегу и в шлюпках пестрели букеты цветов — георгинов, хризантем — в руках детей и женщин. Встреча победителей всей многотысячной морской семьей Севастополя готовилась исключительно торжественная. Но... все ограничилось в этот день только тем, что кричали «ура» и приветственно махали букетами, платками, фуражками.

Достаточно оказалось только одного человека, который оледенил вдруг весь этот горячий восторг. Таким человеком был светлейший князь.

Его катер появился на рейде тогда, когда — приблизительно полчаса спустя после прихода «Марии» — торжественно вошла с моря на рейд вся остальная нахимовская эскадра.

Да, была совершенно исключительная торжественность в этих пробитых во многих местах боевых кораблях с их парусами, изорванными книпелями и ядрами, со свежими заплатами на изувеченных мачтах. Одержав одну победу в Синопской бухте над турецкой эскадрой и батареями, они одержали и другую — над бурным морем. Вид этих кораблей, один за другим вслед за флагманом «Константином» входивших на рейд, вызывал взрывы ликования с бесчисленных шлюпок и с берега. Даже то, что первые три из них — «Константин», «Три святителя» и «Ростислав» — шли на буксире пароходов, совсем не умаляло, а как будто увеличивало любовь к ним, как к живым существам: подвиг их был труден, но тем не менее он совершен.

И когда отвалил от Графской пристани и пошел на всех своих веслах навстречу эскадре вместительный катер князя, все приготовились к началу большого праздника, все соответственно настроились, все впились глазами в этот катер, буквально летевший вперед; гребцы-матросы старались не потому, что везли князя, свое высшее начальство, но главным образом потому, что везли его славным бойцам навстречу.

Когда подошли к «Константину», увидели: стоит на палубе «отец», Павел Степанович, около него офицеры, а за ними — длинные ряды матросов. И как ревностно подняли гребцы, по команде князя, весла, салютуя Нахимову!

Этим жестом Меншиков как бы действительно хотел выразить свою признательность победителю при Синопе, неутомимым выслеживанием противника в течение нескольких недель, в исключительно трудных условиях крейсерства, подготовившего блистательный успех.

Но вот он, высокий и худощавый, с холодным взглядом сановника, взошел по трапу на палубу и... прежде чем подойти

к Нахимову, приказал поднять карантинный флаг, так как на «Константине» были пленные турки, а именно: раненый Осман-паша и два командира сожженных фрегатов.

И, только отдав этот приказ, он выслушал рапорт Нахимова, принял от него донесение о подробностях боя и наконец поздравил его с победой.

Потом, как бы вспомнив, что надо было бы сделать еще и это, он поздравил офицеров и матросов, а после их обычного в подобных случаях ответа подал руку Нахимову, прощаясь, и повернулся уходить.

— Ваша светлость! — в полном недоумении обратился к нему Нахимов. — Этот флаг карантинный означает, разумеется, что никто из экипажа не может сойти на берег?

— Разумеется! А что же еще он может означать? — сухо ответил ему князь.

— Значит, и на меня тоже распространяется это?

Меншиков сказал еще суше, чем раньше:

— Поскольку и вы, Павел Степанович, вернулись из Турции, неблагополучной по холере, и привезли пленных турок, то, конечно, нельзя будет делать исключения даже и для вас.

— И что же, как долго будет поднят у нас этот флаг? — спросил Нахимов.

— А это уж я тогда дам вам знать, — ответил Меншиков, подходя к трапу.

Другие корабли он не посетил, но на всех заплескались карантинные черные флаги.

День, как по заказу, выдался теплый, тихий и яркий. Тысячи людей приготовились к торжеству. И вот — никакого торжества не вышло.

Катер светлейшего полетел к Графской пристани, и от кораблей-победителей мало-помалу отхлынули все бесчисленные шлюпки, ялики, вышедшие им навстречу так радостно.

2

Корнилов на «Одессе» пришел в Севастополь почти на сутки раньше всей эскадры, и у Меншикова было достаточно времени, чтобы узнать все подробности боя и принять то решение, какое он принял.

Корнилов был очень возбужден, когда рассказывал ему о разгроме турецкой эскадры; он переживал виденное и старался как можно ярче передать то, чего не видел сам, но что неот-

ступно рисовалось перед ним по результатам боя. Глаза его горели, руки зябли, так что он часто потирал их одна о другую, чтобы согреть.

Закончил он теми же самыми словами, какие навернулись ему на язык при свидании с Нахимовым:

— Победа знатная! Выше Чесмы и выше Наварина!

— Но ведь Синоп, вы говорите, сожжен! — недоуменно отозвался на весь его доклад Меншиков.

— Да, половина Синопа — турецкая — сожжена.

— Это все равно — половина или больше!

Меншиков решительно не хотел признавать неизбежности сражения при Синопе.

Корнилов услышал от светлейшего то самое, что говорил Нахимов, но говорить это там, в виду горевшего Синопа, было одно, услышать же здесь, в Севастополе, притом из уст Меншикова, показалось ему совсем другим — как бы незаслуженным упреком. И он возразил горячо:

— Павел Степанович, ваша светлость, разумеется, принял все меры, чтобы не было в Синопе пожаров от наших снарядов, но ведь в пороховом дыму невозможно точно управлять огнем, так что, конечно, несколько бомб могли произвести пожары... А главное, ветер был с моря на город и нес туда всякие пылавшие обломки с турецких судов... Так что сами же турки виноваты в пожаре Синопа: слишком уж тесно прислонились к нему спинами — вот и последствия!

— Союзники турок этого разбирать не будут, чтобы объявить нам войну, — жестко сказал Меншиков. — В сущности, это даже и не столько победа наша над турками, сколько последняя грань обострения наших отношений с англичанами и Наполеоном¹.

— Я думаю, ваша светлость, Нахимов понимал это и до боя, но не нашел способов поступить иначе, — осторожно вставил Корнилов.

— А раз не нашел способов, то должен был подождать вас!

— Но ведь он не был извещен и даже не мог быть извещен заранее, что я назначаюсь вами командовать его отрядом...

Корнилов сидел тогда у светлейшего как на иголках. Он достаточно уже знал своего непосредственного начальника, чтобы не видеть истинной причины его недовольства. Он понимал, конечно, что, сгори хоть весь Синоп, Меншиков не поста-

¹ Наполеон III, император Франции.

вил бы этого в очень большую вину, если бы не Нахимов вел бой с турецкой эскадрой.

Дело было только в том, что ему, князю, приходится представлять к высокой награде вице-адмирала, который ему был неприятен.

Между тем бой прошел бы именно так, как он был подготовлен Нахимовым, если бы этот последний подождал всего какой-нибудь час, когда пароход «Одесса» открыл бы, где именно стоит русская эскадра, и бумажка о передаче командования была бы вручена по назначению.

Бой прошел бы так же точно или приблизительно так же, как он и прошел, победа русских судов осталась бы той же блестящей победой, но не о Нахимове пошла бы в Петербург бумага князя с представлением к награде.

Разговор с светлейшим показал Корнилову, как глубоко ненавистен князю Павел Степанович. Однако и он, отплывая от Графской пристани вместе с князем приветствовать благополучно, вопреки опасениям, пришедшую в свой порт эскадру, не предполагал, что князь втайне приготовил победителям такую жестокую, такую обидную встречу.

3

Обида, оскорбление — это было чувство, общее всем на судах: адмиралам, офицерам, матросам; только в первые часы смягчало его ожидание, что вот-вот подойдет снова катер с приказом Меншикова снять карантинные флаги, раз не обнаружилось ни одного холерного ни между пленными, ни среди судовых команд.

Однако шли часы, наступал уже вечер, холерных не было, но приказа снять позорные флаги не приходило.

Как ни крепился Нахимов, как ни старался он подавать своим подчиненным пример «беспрекословного подчинения приказаниям высшего начальства», не выдержал и он, чтобы не прорваться в присутствии приглашенных к себе адмиралов Новосильского и Панфилова и всех командиров судов.

Это уже было после вечерней зори, когда матросам полагось спать, офицеры же имели право бодрствовать, если хотели.

В городе весело горели огни, хотя на глаз и не казалось, чтобы этих огней было больше, чем всегда; Синопская победа не праздновалась и в городе, не отдавалось такого приказа

светлейшим. Да и странно было бы праздновать победу в то время, когда виновники торжества сидели в карантине.

Нахимов засветло побывал на всех судах своей эскадры, поздравляя виновников еще и другого торжества — торжества над бурным морем, не только над сотнями турецких орудий, береговых и морских. Раненые матросы в судовых госпиталях очень волновали Павла Степановича теперь, когда он сидел в кают-компании «Константина» со всеми приглашенными на ужин.

— Их бы теперь же в госпиталь на берег, там у лекарей больше средств, — говорил он, — а вот на-поди, нельзя отправить на берег! И для них не сделал исключения князь!.. Признаться, не понимаю-с... Совершенно не в состоянии понять-с... Матросы-то чем же оказались виноваты? За что на них наложили взыскание?.. И хоть бы князь приказал оставить нам лес для починки судов, однако же и этого нет... А что, если неприятельский флот подойдет к Севастополю, а? Как мы тогда? Ведь мы в таком состоянии и встретить не можем, вот что-с! Вот это будет тогда позор так позор, когда нам придется прятаться от противника за свои форты-с!

— Не в этом ли и заключена причина карантинных флагов? — спросил его Новосильский. — Есть такая украинская поговорка: «Круты, та не перекручай!» Вот это, мне так кажется, Павел Степанович, нам и хотел внушить князь: перекрутили, мол, шельмецы!.. Послали, дескать, вашу свору только заполовать оленя, а вы его слопали вместе с требухой.

— Хорош олень! — засмеялся Панфилов, который хотя и не был сам участником боя, но по «Марии» мог судить о силе турецкого огня.

— Да ведь у князя об этом звере свое понятие, а в Петербурге он, может быть, кажется и совсем ручным, — объяснил Новосильский.

— Мы наказаны, это очевидно, — сказал капитан 1 ранга Кутров. — Карантинные флаги — просто дисциплинарная мера!

— Эскадра пришла и с приходу посажена под арест вся в целом, — уточнил его слова Кузнецов.

И хотя по адресу Меншикова было сказано в этот вечер на «Константине» достаточно едких словечек, но все-таки ничего не оставалось делать, как сойтись во мнении, что утро вечера мудренее, что утром на другой день, когда окончательно будет установлено, что ни одного случая холеры на судах, пришедших из Синопской бухты, не наблюдено, карантинные флаги будут,

разумеется, сняты, и победа будет отпразднована в Севастополе так звонко, как только можно.

А между тем по приказанию светлейшего эскадра-победительница была оцеплена кордоном мелких сторожевых судов, с которых должны были зорко следить, чтобы никто, даже сам Нахимов, не вздумал отправиться на катере на берег.

Холерные законы пришлось как нельзя более кстати, чтобы доказать победителям, что их, вопреки известной поговорке, судят.

Настало утро. Меншикову передано было, что ни одного случая холеры на прибывших судах не обнаружено; ждали, что придет ялик с одним из адъютантов князя и привезет распоряжение о снятии карантина, однако ждали, как оказалось, напрасно.

Порядок же на судах начался обычный, будничный.

Не пришло распоряжение и в обед. Берег, хотя и продолжал салютовать флагами, относительно снятия карантина безмолвствовал.

Нахимов приказал собрать все дерево, какое еще оставалось на судах, и заняться починкой того, что было расшатано штормом.

В стане победителей вместо празднования раздался рабочий стук и не прекращался до темноты.

...Только на четвертый день по прибытии судов в родную бухту получен был от светлейшего приказ снять карантин, и команды наконец-то получили возможность сойти на берег.

Но, сославшись на нездоровье, Меншиков не явился в морское собрание на чествование офицеров флота. Однако в окна собрания все могли видеть, как он из своего Екатерининского дворца, верхом, окруженный адъютантами, поехал куда-то за город.

Впрочем, это была не просто прогулка. Меншиков выехал определить на глаз, как именно должны были идти полевые укрепления на подступах к городу по линии ни мало ни много как в семь верст.

Среди адъютантов, сопровождавших князя в поездке за город, не было подполковника Сколково: он был уже отправлен в Гатчину к императору Николаю с донесением Меншикова, как «очевидец» боя.

И трехдневный карантин флоту-победителю и прогулка по окрестностям Севастополя как раз в те часы, когда праздновалась победа, — все это было проявлением нервности светлейшего князя, который при всех его недостатках как командующе-

го сухопутными и морскими силами со всей ясностью представлял себе, что после разгрома турецкой эскадры западные державы непременно захотят помочь «больному человеку», как называли тогда Турцию, и соединенный флот их появится в виду Севастополя.

4

Полковник Сколков вез царю Николаю такое донесение Меншикова: «Повеление вашего императорского величества исполнено Черноморским флотом самым блистательным образом. Первая турецкая эскадра, которая решилась выйти на бой, 18 ноября истреблена вице-адмиралом Нахимовым. Командовавший оною турецкий адмирал Осман-паша, раненный, взят в плен и привезен в Севастополь».

Николай поручил Меншикову передать черноморцам, что он благодарит их за подвиги, «совершенные для славы и для чести русского флота», а Нахимову был послан отдельный рескрипт; в нем говорилось: «Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новою победой, которая навсегда останется памятною в морской истории». Нахимов был награжден Георгиевским крестом второй степени.

На другой же день после известия о Синопской победе пришла в Петербург и разнеслась потом оттуда по всей России другая радостная весть: на Кавказе, при Башкадыкларе, небольшим, всего только семитысячным, отрядом русских войск под начальством Бебутова была одержана блестящая победа над турецкой армией в тридцать тысяч человек, причем были взяты знамена и двадцать четыре орудия. Но к победам на суше Россия привыкла, а победа на море, да еще такая, когда полностью уничтожен был флот противника, явилась совершенно исключительной. Недаром Корнилов, очевидец поражения турок, писал тогда своей жене в Николаев из Севастополя: «Битва славная! Выше Чесмы и Наварина! Ура, Нахимов! Михаил Петрович Лазарев радуется своему ученику!»

Это «Ура, Нахимов!» гремело тогда по всей России — от столиц и до глухих деревень. Имя Нахимова сразу вошло в список блистательнейших русских имен, наряду с Румянцевым, Суворовым, Кутузовым. Поздравительные письма летели к нему отовсюду. Они писались и прозой и стихами. Буквально тысячи стихотворений написаны были тогда на тему о Синопском бое, и бурный поток этих стихов затопил редакции всех издававших-

ся тогда газет и журналов. Впрочем, сам Нахимов, по свойственной ему скромности, говоря с моряками, утверждал, что он, по существу, мало сделал для победы, что она — плод трудов покойного Лазарева.

Синопский бой был последним крупным боем парусного флота, его лебединою песнью. На смену парусным судам уже пришли тогда паровые — как колесные, так и винтовые. Правда, размеры их пока еще были очень скромны. Вес залпа стовадцатиорудийного трехпалубного парусного корабля и в сравнение не мог идти с весом залпа таких шестиорудийных пароходов, как «Крым», «Одесса», «Громоносец».

Однако в это время строились уже паровые суда, не только приближавшиеся по тоннажу к линейным парусным кораблям, но имевшие даже и броню, хотя и довольно тонкую.

Синопский бой был не только состязанием русского парусного флота с таким же турецким, но еще и с шестью береговыми батареями, в которых было сорок орудий. А в те времена ходячей среди моряков была фраза: «Одна пушка на берегу стоит целого корабля в море». Нередки были случаи, когда два-три орудия на берегу отбивали атаки больших судов.

Яркой особенностью боя при Синопе явилось то, что по приказу Нахимова атакующие суда стали на якорь, притом в близком расстоянии от атакуемых, то есть с самого начала сражения отбросили всякую возможность маневрировать: неподвижный строй судов сражался с таким же неподвижным строем и совершенно без остатка истребил противника.

Нахимов вынужден был так сделать потому, что ветер дул с кормы наших судов и мог бы пригнать их вплотную к судам противника, а он знал, что именно так случилось с одним из наших судов во время Чесменского боя, и это судно, сцепившись с горевшим турецким кораблем, загорелось само, взорвалось, когда пожар проник в крыйт-камеру, и погибло.

Для всех участников Синопского боя была выпущена медаль особой чеканки. Контр-адмирал Новосильский был произведен в вице-адмиралы, а командир «Парижа» Истомин — в контр-адмиралы. Подполковник Сколков, привезший в Петербург радостную весть о победе, уехал обратно уже полковником.

Вестником поражения в лагере противника был След, бежавший на «Таифе». Он явился в Константинополь, и Решид-паша¹ в тот же день, когда русская эскадра вошла на Большой севастопольский рейд, обратился с нотой к посланникам Анг-

¹ Решид-паша — министр иностранных дел Турции.

лии и Франции: как они, представители держав-гарантов, позволили русским истребить эскадру Османа-паши и сжечь Синоп?

С этой ноты и началась свистопляска главным образом в английской печати и в английском парламенте.

Разумеется, моряков европейских стран и даже Англии не могло не поразить, что с турецкими судами и береговыми батареями сражались и вышли с победой русские матросы и офицеры, перенесшие перед этим боем в течение месяца штормовые погоды в открытом море. Моряки знали также, что значило совершить обратный путь израненным в бою судам, снова в шторм, через все Черное море, на свою базу.

Вот что, между прочим, писали английские моряки в одном из своих журналов в начале 1854 года: «Как бы ни смотрели на обстоятельства публицисты, мы, моряки, не можем относиться без уважения к неведомому нам флоту, который смело борется с бурями в течение месяца, дает сражение тотчас же после жестокого шторма, уничтожает противника и с торжеством благополучно возвращается в свой порт, несмотря на повреждение».

Моряки, хотя бы и английские, не могли не признать героизма и искусства русских моряков-черноморцев, однако вопросы политики решали не они, а другие силы, целиком враждебные России и в Англии, и во Франции, и даже в Австрии.

Статьи газет были переполнены бешеными нападками на Россию и требовали немедленного объявления ей войны. Речи митинговых ораторов и депутатов парламентов сводились к тому, что Черноморский флот должен быть уничтожен, а Севастополь как его база разрушен.

Впрочем, иные из ораторов не ограничивались Севастополем: они, как и некоторые журналисты, требовали уничтожения также и Балтийского флота и разрушения Кронштадта, а заодно с этим и оккупации Петербурга.

Чтобы как можно сильнее воздействовать на читающую публику, одна из английских газет придумала такой «достоверный факт»: будто какой-то русский морской офицер, подъехав на шлюпке к тонущему турецкому фрегату и высадившись на его палубу, отрезал кортиком у тяжело раненного турецкого офицера кусок мяса и тут же его съел. А другая газета внесла дополнение: другой кусок турецкого мяса этот офицер преподнес самому адмиралу Нахимову, который не замедлил его скушать тоже в своем виде.

Синопская победа черноморцев обрисовывалась как пред-

умышленное побоище, причем силы Нахимова увеличивались вдвое и втрое.

Злонамеренным называлось и сожжение Синопа, хотя, разумеется, если бы даже и не сгорело ни одного дома в Синопе, западные державы начали бы против России войну.

Страсти разгорелись необычайно, и наконец сильная английская эскадра, соединенная с французской, вошла в Черное море, чтобы блокировать Севастополь; другая подобная эскадра появилась в Балтийском море, третья — в Белом, перед Соловецкими островами, четвертая — даже у берегов Камчатки.

Началась длительная и очень кровопролитная Крымская, или Севастопольская, кампания 1854—1855 годов.

Огромному англо-франко-турецкому флоту, вошедшему в Черное море, не могли с надеждой на успех сопротивляться немногочисленные русские суда, поэтому флот остался в бухтах под прикрытием береговых батарей, а матросы вышли на сушу встречать большую по тому времени — почти семидесятитысячную — десантную армию противника, и недавние герои Синопа — Нахимов, Новосильский, Истомин, Корнилов — стали во главе не только моряков, но и сухопутных частей севастопольского гарнизона.

И на вечные времена вошли в память народа герои Синопского боя, ставшие всего лишь через год после этого боя героями знаменитой Севастопольской обороны 1854—1855 годов.

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

А б о р д á ж — способ ведения боя гребными и парусными кораблями, сцепление атакующего корабля с неприятельским для захвата его в рукопашном бою.

А в р á л — работа на корабле, в которой участвует весь экипаж.

А х т е р - л ю к — 1. Одно из главных отверстий (люков) в палубе, позади грот-мачты, служащее для погрузки грузов внутрь судна. 2. Помещение в трюме судна для хранения провизии.

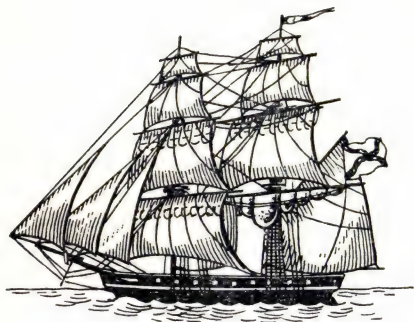
А х т е р ш т е в е н ь — кормовая часть судна в виде рамы, которая служит опорой для руля.

Б а к — носовая часть палубы корабля от форштевня до фок-мачты. **П о л у б á к** — возвышенная надстройка, занимающая часть бака.

Б á н н и к — длинное древко со щеткой на конце. Банником после выстрела прочищали от порохового нагара канал ствола пушки, заряжавшейся в те времена с дула. Ныне банники используются для чистки каналов орудий и труб торпедных аппаратов.

Б ó к а н ц ы — старинное название шлюпбалок-кронштейнов с системой блоков и тросов для спуска и подъема шлюпок.

Б ó р а — холодный сильный и порывистый ветер. Наблюдается в местностях, где горный хребет граничит с морем. Переваливая хребет, холодный воздух приобретает большую скорость, достигающую иногда силы урагана. На Черном море это явление часто возникает у Новороссийска, вызывая внезапный жестокий шторм от северо-востока.

Бриг.

Брам — слово, добавляемое к названиям рангоута, такелажа и паруса, принадлежащих к третьему колону снизу мачты парусного судна.

Брам-стенъга. — Мачты делались составными. Нижнее колено — собственно мачта, второе — стенъга и третье — брам-стенъга.

Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами. Предназначалось для крейсерской и посыльной службы.

Брод-камера — помещение для хранения запасов сухой провизии.

Бушприт — горизонтальная или наклонная мачта, выступающая на носу парусного судна. Паруса, расположенные на этой мачте, служат для лучшей поворотливости судна.

Ванты — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются с боков мачты, стенъги и брам-стенъги. Ванты протягиваются от их верхних частей к бортам судна или к марсовой и салинговой площадкам.

Верп — вспомогательный якорь, весящий не более $\frac{1}{6}$ веса главного якоря судна.

Вооружение судна — оснастка и снабжение судна такелажем и инвентарем, необходимым для приведения его в полную готовность. При так называемом прямом вооружении судна — паруса четырехугольной или трапецевидной формы.

Вымпел — длинный узкий флаг с косицами, поднимаемый на судах с открытием навигации или морской кампании.

Гакаборт — самая верхняя часть борта у оконечности кормы. На парусных кораблях на гакаборт накладывалась резьба, служившая кормовым украшением. На гакаборте же зажигается белый огонь, называемый гакабортным.

Галс — положение судна относительно ветра. Левый галс

если ветер дует с левой стороны; правый галс — если ветер дует с правой стороны. Лечь на другой галс — повернуть судно так, чтобы ветер дул в другой борт.

Г а ф е л ь — специальный рей, укрепленный наклонно в верхней части мачты. На парусных судах служит для крепления верхней кромки косого паруса, а также для подъема военноморского флага.

Г о р д е н ь — снасть бегучего такелажа, служащая для подтягивания к реям прямых парусов.

Г р о т а - р е й — нижний, самый большой рей на грот-мачте.

Г р о т - м а р с е л ь — второй, считая снизу, прямой парус на грот-мачте.

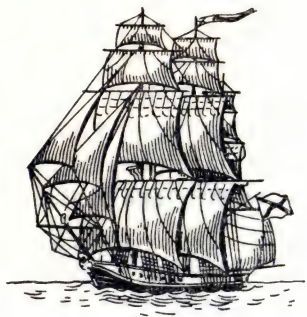
Г р о т а - м а р с — нижняя площадка на грот-мачте, соединяющая ее со стеньгой. Служит для крепления вант, поддерживающих стеньгу, а также наблюдательным пунктом. Такие же площадки на других мачтах носят название фор-марс и бизань-марс. Общее их название — марсы. Непонятное на первый взгляд название это имеет свое объяснение: площадки названы именем бога войны Марса, так как в древности на них находились лучники и арбалетчики, стрелявшие по врагам. Свое значение высоко расположенной наблюдательной точки марсы не утратили до настоящего времени.

Г ю й с — флаг, поднимаемый на носу военных кораблей во время стоянки на якоре или швартовых.

Д в у х д е ч н ы й к о р а б л ь — военный парусный корабль, имевший, кроме верхней, еще две нижние палубы с пушками.

Д е к — так на парусных военных кораблях называли палубы, на которых была установлена артиллерия. Кроме того, деком называлось помещение между верхней и нижней палубой, где размещался личный состав.

Д и в и з и я — в парусном военном флоте соединение из нескольких судов одного типа. Состав дивизии линейных кораблей или фрегатов — две бригады по четыре корабля. Дивизия линейных кораблей составляла основное ядро эскадры и определяла ее силу.

Корвет.

Иллюминирование флагов — праздничное украшение судов.
Кабельтов — 1. Канат окружностью от 150 до 350 мм, употребляемый для швартовов и буксиров. 2. Мера длины для измерения в море небольших расстояний. Длина его равна 0,1 морской мили или 185,2 метра.

Каботажное судно — судно, плавающее вдоль берегов в преде-

лах одного государства, без выхода в иностранные воды.

Катер — в отличие от современного моторного катера, парусная и гребная шлюпка.

Киль — продольный брус в днище судна. Служит для обеспечения продольной прочности судна.

Кильватерная струя, **кильватер** — струя, остающаяся за кормой идущего корабля; отсюда строй кильватера, когда корабли идут один за другим в одной линии и на одинаковом расстоянии между собой. Идти в кильватер — идти в струе идущего впереди корабля.

Кливер — косой треугольный парус, устанавливаемый впереди фок-мачты на бушприте.

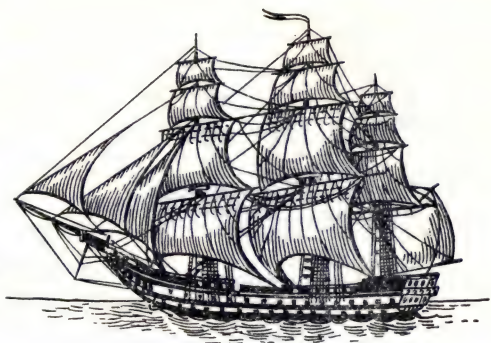
Клот, **кlotик** — точеный кружок, надеваемый на вершину мачты. Сквозь клотик пропускаются тонкие снасти, называемые сигнальными фалами и служащие для подъема флагов.

Клюз — круглое отверстие в борту, окаймленное литой рамой. Через него пропускается якорная цепь. По назначению и месту расположения этого отверстия в парусном флоте клюзы назывались: в носу — канатными, посредине судна — буксирными, в корме — кормовыми или шпринговыми.

Кокор — мешок (резиновый, парусиновый, кожаный) или медный сосуд в виде удлиненного ведра, служащий для подачи зарядов из артиллерийского погреба к орудиям.

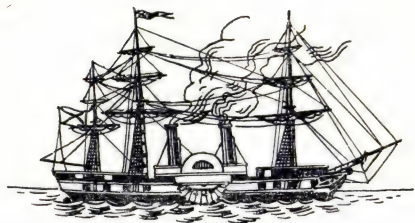
Корабль — то же, что и судно. Употребляется главным обра-

зом в отношении военных кораблей. В парусном флоте — парусное судно с прямым вооружением на всех мачтах, имеющее не менее трех мачт и обладающее из всех типов судов наибольшей парусностью.

Линейный корабль.

- К о р в е т** — самое маленькое из трехмачтовых военных парусных судов; пушки корветов располагались только на верхней открытой палубе.
- К р ю й с е л ь** — первый снизу прямой парус на бизань-мачте; то же, что и марсель на фок- и грот-мачтах.
- К р ю й т - к а м е р а** — пороховой погреб на военных судах.
- Л и н е й н ы й к о р а б л ь** — в парусном флоте корабль с двумя и тремя палубами, на которых по бортам в линию устанавливались пушки. Линейный корабль вел бой, находясь в линии (в кильватерной колонне), отсюда и получил свое название.
- Л и н ё к** — короткий пеньковый трос с узлом на конце. До 1860 года битье линьками применялось во флоте как мера наказания провинившихся матросов.
- Л и с е л и** — паруса на судах, помогающие прямым парусам при попутных ветрах; ставятся по бокам прямых парусов на особых рангоутных деревьях — лисель-спиртах.
- М а р с** — площадка в верхней части мачты для наблюдения.
- М а р с е л и** — прямые паруса, ставящиеся на марса-реях, то есть вторые снизу прямые паруса; на фок-мачте — фок-марсель, на грот-мачте — грот-марсель.
- М а ч т а** — вертикальное сооружение, прочно прикрепленное к корпусу корабля. Мачты на парусных кораблях являются основой для всего рангоута и такелажа, служат для постановки парусов. Первая мачта от носа корабля называется

Пароход-фрегат.

фок-мачтой, вторая — грот-мачтой, ближайшая к корме — бизань-мачтой. М *и* л *я* м *о* р *с* к *а* я. — Морскую милю принято считать равной 1852 метрам. М *и* ч *м* а *н* — в русском военном флоте до 1917 года первый офицерский чин.

В Военно-Морском Флоте СССР с 1972 года воинское звание военнослужащих, для лиц, добровольно поступивших на военную службу в качестве специалистов (помощников офицеров).

П *а* к *е* т *б* *о* т — почтово-пассажирское судно.

П *а* р *о* х *о* д *о* ф *р* е *г* *а* т — при возникновении парового флота паровые машины устанавливались на суда прежних типов, сохранивших свое парусное вооружение. Так, фрегаты с паровыми машинами называли паровыми фрегатами или пароходо-фрегатами. Первые пароходофрегаты были колесными.

П *л* *а* н *ш* и *р* ь — деревянный брус, положенный на верхнюю кромку борта.

П *о* р *т* ы — герметически закрывающиеся отверстия в борту судна; на военных парусниках орудийные порты прорезались для стрельбы из пушек, стоявших вдоль бортов.

П *р* о *д* о *л* ь *н* ы *й* о *г* о *н* ь — огонь, направленный по длине судна. Попав под продольный огонь, судно оказывалось в самом невыгодном положении, так как не могло использовать против врага своих бортовых батарей.

Р *а* н *г* о *у* т — от голландского «р*у*н*г*е х*о*ут» — круглое дерево. Рангоутом или рангоутными деревьями называются все круглые деревянные (а в современном флоте и металлические) части, служащие для крепления парусов. Каждое, даже самое маленькое, рангоутное дерево, в зависимости от его местоположения и назначения, имеет свое название.

Р *е* й — веретенообразное рангоутное дерево, суживающееся к обоим концам. К реям крепятся прямые паруса. Реи при

помощи снастей бегучего такелажа поднимаются, опускаются и поворачиваются в горизонтальном направлении. Это нужно для того, чтобы поставить паруса в наиболее выгодное положение относительно ветра. Все реи на судне, в зависимости от их принадлежности к мачтам или стеньгам, имеют свои названия.

Тендер.

Р ó с т р ы — запасные рангоутные деревья, уложенные на верхней палубе, обычно на шкафуте. В свободном месте между ними устанавливались судовые шлюпки.

С á ж е н ь с е м и ф у т о в а я — единица длины, равная 2,14 метра.

С á л и н г — площадка, которая соединяет верхние части мачты — стеньгу и брам-стеньгу — и является в то же время наиболее высоко расположенным наблюдательным пунктом.

С к л я н к и — получасовые песочные часы. Бить склянки — отбивать часы в корабельный колокол: один удар — полчаса, двоянный удар — полный час.

С т е н ь г а — вторая снизу составная часть мачты.

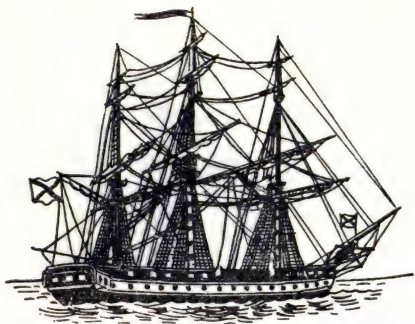
Т а к е л á ж — все снасти на судне. Разделяется на бегучий и стоячий. Бегучий такелаж служит для подъема и для разворота рей, а также для управления парусами. Стоячий — поддерживает рангоутные деревья.

Т е н д е р — во времена Нахимова самое маленькое одномачтовое военное судно, предназначенное для дозорной и посыльной службы.

Т ó п с е л ь — парус треугольной и четырехугольной формы. Обычно ставился при попутных ветрах.

У з е л — единица скорости корабля, соответствующая одной миле в час, или 0,514 м/сек.

Ф á л ы — снасти бегучего такелажа для подъема рей, гафелей,

Фрегат.

парусов, флажных, предметных и световых сигналов, а также кормового флага и гюйса.

Фальшфейер — бумажная гильза, наполненная особым составом, горящим ярким белым пламенем. Применяется для ночной сигнализации.

Фок-рей — нижний, самый большой рей на фок-

мачте, первой мачте от носа судна.

Фордунь — снасти стоячего такелажа, удерживающие стеньги и брам-стеньги с боков и сзади.

Форштёвень — передняя вертикальная или наклонная часть корабля, образующая его носовую оконечность. Форштёвень соединен с килем.

Фрегат — трехмачтовый парусный военный корабль с полным корабельным вооружением. Отличался от линейных кораблей количеством пушек (не более шестидесяти четырех), расположенных на одной закрытой и на верхних палубах. Фрегат превосходил все парусные военные суда скоростью хода и другими мореходными качествами.

Чектырма — купеческое турецкое судно.

Шканцы — часть верхней палубы на военных кораблях между грот- и бизань-мачтами. В парусном флоте шканцы считались почетным местом корабля, которому каждый входящий на борт отдавал честь.

Шкафút — часть верхней палубы корабля между фок- и грот-мачтами.

Шлюп — класс военного корабля времен парусного флота. Шлюпы использовались как транспортные и экспедиционные суда.

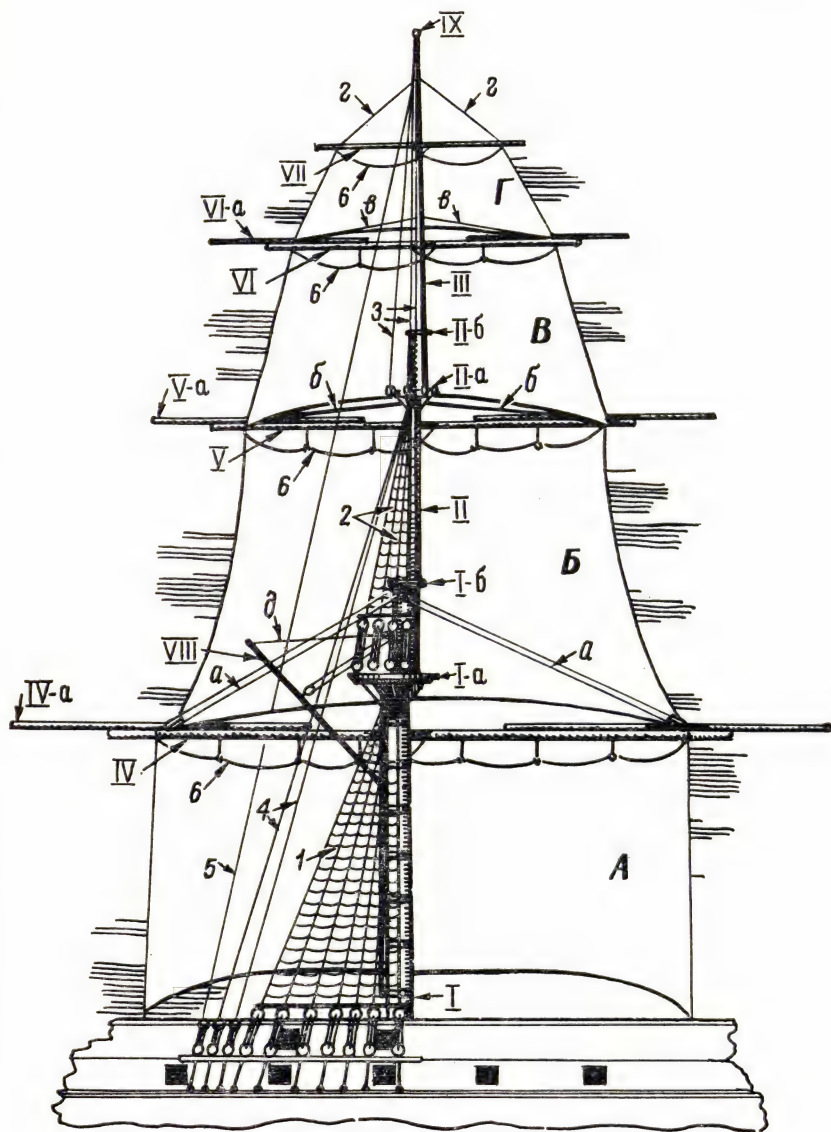
Шлюпбáлка — стальной брус, изогнутый в верхней части. Служит для спуска и подъема шлюпок.

Ш л ю п к и — общее название гребных и парусных, а в наше время и моторных мелких судов.

Ш п р и н г — толстый трос, который прикреплялся к якорю или вспомогательному якорю (верпу). Служил для разворота судна бортом в нужную сторону.

Э с к а д р а — соединение кораблей, состоящее из нескольких дивизий и предназначенное для ведения самостоятельных боевых действий. Оперативная самостоятельность была особенно важна во времена парусного флота, когда, уходя в экспедицию, суда надолго теряли связь со своим высшим командованием.

Ю т — кормовая часть палубы корабля. На парусных кораблях ют — самая возвышенная часть палубы, где находился обычно командир.

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ЧЕРТЕЖ РАНГОУТА, ТАКЕЛАЖА И ПАРУСОВ (судов с прямым вооружением)

Рангоут: *I* — мачта; *I-a* — марсовая площадка; *I-б* — стена-эзельгофт; *II* — стена; *II-a* — салинг; *II-б* — брам-стена-эзельгофт; *III* — брам-стена; *IV* — нижний рей; *IV-a* — лисель-спирты нижнего рея; *V* — марса-рей; *V-a* — лисель-спирты марса-рея; *VI* — брам-рей; *VI-a* — лисель-спирты брам-рея; *VII* — бом-брам-рей; *VIII* — гафель; *IX* — клотик.

Стоячий такелаж: *1* — нижние ванты; *2* — стена-ванты; *3* — брам-стена-ванты; *4* — бакштаги; *5* — брам-бакштаги; *6* — перты.

Бегущий такелаж: *a* — топенанты нижнего рея; *б* — топенанты марса-рея; *в* — топенанты брам-рея; *г* — топенанты бом-брам-рея; *д* — гафель-гардель. (Брасы, служащие для разворота реев, крепятся к их нокам (концам) и на схеме не показаны.)

Паруса: *A* — нижний парус; *B* — марсель; *B* — брамсель; *Г* — бом-брамсель.

Названия всех деталей вооружения в данной схеме даны без обозначения мачты, на которой они находятся. К названию всякой детали, находящейся на фок-мачте ниже марсовой площадки, приставляется слово «фок», а слово «фор» — к названиям деталей, находящихся выше ее. Например, ванты на фок-мачте называются фок-ванты, брам-рей — фор-брам-рей и т. д. Для грот-мачты к названиям всех деталей добавляется слово «грот»: грот (или грота)-ванты, грот-брам-рей и т. д. Для бизань-мачты к названиям деталей, находящихся до марсовой площадки, добавляется слово «бизань»; для деталей, находящихся выше, — слово «крюйс»: бизань-ванты, крюйс-брам-рей и т. д. Исключение — нижний рей, называющийся бегин-рей, и парус марсель, который называют крюй-селем.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Предисловие кандидата военно-морских наук контр-адмирала</i> <i>В. А. ДЫГАЛО</i>	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	34
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	57
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	71
ГЛАВА ПЯТАЯ	85
ГЛАВА ШЕСТАЯ	120
Словарь морских терминов	131
Схематический чертеж рангоута, такелажа и парусов	141

Для старшего школьного возраста
Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

СИНОПСКИЙ БОЙ

Историческая повесть

ИБ № 6182

Ответственный редактор
С. М. Пономарева
Художественный редактор
Н. И. Комарова

Технический редактор
Н. Ю. Крапоткина

Корректоры

А. Ю. Березутская и Е. А. Суксян

Сдано в набор 09.12.81. Подписано к печати 20.05.82.
Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обычн. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,37. Усл. кр.-отт. 9,3. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 100 000 экз. Заказ № 36. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К ЧИТАТЕЛЮ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: 125047, Моск-
ва, ул. Горького, 43. Дом детской
книги.*

Сергеев-Ценский С. Н.

- С32** Синопский бой: Историческая повесть/ Рис.
К. К. Арцеулова, форзац первый Л. Фалина, форзац
второй Б. Белова.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1982.—
142 с., ил.

В пер.: 45 к.

Историческая повесть об одном из важнейших сражений начала Крымской войны 1853—1856 годов — уничтожение турецкого флота русской эскадрой, которой командовал П. С. Нахимов.

С 4803010102—346 253—82
М101(03)82

P2

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1853 ГОДА

СИНОП

БАТАРЕЯ

АДА-КЬОЙ

«ИМП. МАРИЯ»
«П. ПАРИЖ»
«РОСТИСЛАВ»
«ТРИ СВЯТЫТЕЛЯ»
«ВЛК. КН. КОНСТАНТИН»
«ЧЕСМА»

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. „НАВЕК-БАХРИ“, ФРЕГАТ	8. „КАИДИ-ЗЕФЕР“, ФРЕГАТ
2. „НАСИМ-ЗЕФЕР“, ФРЕГАТ	9. „НИЗАМИЗ“, ФРЕГАТ
3. „НЕДЖИН-ФЕШАН“, КОРВЕТ	10. „ФЕЙЗИ-МЕАБУД“, КОРВЕТ
4. „ФАЗЛИ-АЛЛАХ“, ФРЕГАТ	11. „ТАИФ“, ТУРЕЦКИЙ ПАРОХОД
5. „АУНИ-АЛЛАХ“, ФРЕГАТ	12, 13. ТУРЕЦКИЕ ТРАНСПОРТЫ
6. „ГЮЛИ-СЕФИД“, КОРВЕТ	14, 15. КУПЕЧЕСКИЕ БРИГИ
7. „ДАМИАД“, ФРЕГАТ	№3. ТУРЕЦКИЕ БАТАРЕИ

■ РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ КОРАБЛЕЙ В НАЧАЛЕ БОЯ
■ РАСПОЛОЖЕНИЕ ТУРЕЦКИХ КОРАБЛЕЙ В НАЧАЛЕ БОЯ
□ НАХОЖДЕНИЕ ТУРЕЦКИХ КОРАБЛЕЙ ПОСЛЕ БОЯ

ОТРЯД
ВИЦЕ-АДМИРАЛА
НАХИМОВА

ОТРЯД
КОМАНДИРА
НОВОСИЛЬСКОГО

ОПЕЧАТОВАНО
ВЪЗЛ. КОМ. ПЕЧАТНИЦА
ВЪЗЛ. КОМ. ПЕЧАТНИЦА

ОПЕЧАТОВАНО
ВЪЗЛ. КОМ. ПЕЧАТНИЦА

ОПЕЧАТОВАНО
ВЪЗЛ. КОМ. ПЕЧАТНИЦА

ОПЕЧАТОВАНО
ВЪЗЛ. КОМ. ПЕЧАТНИЦА

ОПЕЧАТОВАНО
ВЪЗЛ. КОМ. ПЕЧАТНИЦА

ОПЕЧАТОВАНО
ВЪЗЛ. КОМ. ПЕЧАТНИЦА